

А. С. Клейн

par
vus
libellus

ИЛИАДА – ЭПОС И ИСТОРИЯ

е в р а з и я

Л. С. Клейн

«Илиада»:
эпос и история

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 94(38).01/821.14'02Гомер

ББК 63.3(0)32/83.3(0)3

К48

Клейн, Лев Самуилович.

К48 «Илиада»: эпос и история / Л. С. Клейн. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 226 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0726-8

Книга, написанная выдающимся российским историком, археологом и филологом Л. С. Клейном, подводит итог его многолетним исследованиям гомеровского эпоса, представленным в работах «Анатомия „Илиады“», «Бесплотные герои», «Расшифрованная „Илиада“». Особое место в этих исследованиях занимает и «Каталог кораблей» — знаменитый отрезок второй книги «Илиады», который Клейн считает ключом ко всей «Илиаде» в целом. Оригинальный подход Клейна — а он решил проследить судьбу гомеровских героев не от Гомера к нашему времени, а в противоположном направлении, от Гомера в глубь времен, — позволил ему выяснить, каковы были реальные прообразы героев «Илиады» в античной истории и мифологии. Скрупулезная работа со структурой текста — разворачивание ее во времени, расслоение по эпохам — дало возможность ответить на многие вопросы, подмеченные как самим автором, так и многими другими знаменитыми учеными.

УДК 94(38).01/821.14'02Гомер

ББК 63.3(0)32/83.3(0)3

Электронное издание на основе печатного издания: «Илиада»: эпос и история / Л. С. Клейн. — Санкт-Петербург : Евразия, 2019. — 224 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0440-3. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0726-8

© Клейн Л. С., текст, 2019

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2019

© Оформление,
ООО «Издательство
«Евразия», 2019

Предисловие

Издавая эту работу как книгу в серии «малых книг Евразии», я несколько отступаю от обычного порядка такого издания. Дело в том, что эта работа уже пробивалась в свет — как третья часть книги «Расшифрованная Илиада», но по каким-то причинам издательство «Амфора» срезало ее. То ли часть эта очень нуждалась в иллюстрациях, а на них денег не хватило, то ли вообще не укладывалась, — не пошла. Словом, сейчас я воспользовался возможностью и издаю ее отдельной книгой. Но по сути ее можно считать продолжением «Расшифрованной Илиады».

А в качестве иллюстраций я использовал здесь (в ином порядке) те, что были представлены в «Анатомии Илиады» и «Бесплотных героях».

I

Анатомия «Илиады»

1. Моисей и Гомер

Все, кто, преодолев первые трудности, читают «Илиаду» внимательно и заинтересованно, поневоле начинают размышлять над ней. Вчитываясь при этом в судьбы ее героев и вдумываясь в несообразности и загадки текста. В этом очерке я попытаюсь рассказать, как я стал не просто размышлять над «Илиадой», а вчитываться в ее тексты критически, даже придирчиво, с азартом. Как я надолго забросил все дела и стал заниматься только этим, взявшись за научную литературу об «Илиаде», а она огромна, и написана на многих языках. По большей части на немецком и английском, но также на латыни, французском, итальянском и т. д., есть книги и на русском. Как такое чтение вылилось у меня в размышления уже об этой литературе, в проверку аргументов, в критическую оценку, а из этого уже родился творческий подход и самостоятельный анализ.

Я стал составлять таблицы, схемы, карты, записывать свои замечания. Начал писать статьи, их публиковали солидные научные журналы и сборники. Так постепенно сложилась книга «Анатомия „Илиады“» (Клейн 1998). «Анатомия» не потому, что «Илиада» мертва, и можно ее резать как угодно, а потому, что прежде, чем восстанавливать ее функционирование и происхождение, нужно выявить ее структуру, правильно разделить ее на составные части, понять их взаимоотношения. В данном очерке

я кратко пересказываю содержание этой книги и ссылаюсь на ее таблицы и карты. Здесь будет приведено очень уж много этих таблиц и карт, но, по первоначальному замыслу, они ведь иллюстрировали большой текст, целую монографию. Да и то, я еще не все таблицы оттуда привожу.

Что ж, читателю, которому это покажется слишком большой нагрузкой, можно не вглядываться в них внимательно. Но нужно хоть глазком глянуть — и сознавать, что они есть, что труд проделан, что это факты. И что всегда можно рассмотреть их тщательнее и даже обратиться к самой монографии.

Как я уже отмечал в других изданиях, у меня сложилось впечатление, что зря в XX веке отвергнуты старые идеи аналитиков о разном происхождении песен, слившихся в «Илиаде». Унитарии упирали на симметрию, которая якобы пронизывает всю поэму. Но ее формальная схема представляется мне где-то натянутой (в крупном произведении всегда можно найти какие-то схожие явления в начале и конце), а где-то нереалистичной. То есть, нереально, чтобы огромная поэма с такой симметрией была изначально задумана одним автором — слепым и неграмотным певцом.

Унитарии также ссылаются на статистическую проверку языка поэмы — брали, мол, большие пробы из разных мест поэмы, и язык их оказался одинаковым — с одинаковыми средними числами употребления грамматических форм, лексики и т. п. Так ведь если разные песни слились не цельными кусками, а были раздроблены и пущены вперемежку, то пробы окажутся кашей из разных песен, и в этом смысле одинаковыми. Да еще ведь разнородные

куски и отредактированы были, сглажены. Тут нужен гораздо более тонкий анализ. Надеяться на четкое и резкое различие не приходится.

Для меня наиболее подозрительными были необъяснимые дублеты. Почему город носит два имени — Троя и Илион? Почему два имени у реки, на которой город стоит, — Скамандр и Ксанф? Почему два имени у зачинщика войны — Александр и Парис? Почему три названия у осадивших город греков — ахейцы, данаи и аргивяне?

Да, конечно, город мог быть переименован, но ни малейшего намека на это в поэме не содержится. Мои оппоненты положили немало усилий, чтобы доказать, что сам город-то назывался Илионом, а Троя — это вся местность вокруг города (*Цымбурский 1987*). Но местность называется Трояда, осаждали греки всё-таки город, а не местность, именуя его обоими именами, да и с рекой что делать — как ее имена разделить? С Александром-Парисом как быть, с трехименными греками?

Лишь сделав уже многое в анализе «Илиады» (стыдно, что не раньше), я наткнулся на тот факт, что у меня был далекий предшественник — нет, не в изучении «Илиады», а в методе решения проблемы. Это француз Жан Астрюк, который три века назад, в первой половине XVIII века, столкнулся с теми же проблемами при изучении Библии. Он увидел, что в Библии, в ее ядре — в Пятикнижии Моисея — одни и те же рассказы повторяются дважды (немного по-разному), и что в одних случаях Бог именуется в этих рассказах Иегова (на древнееврейском Яхве), а в других Элохим (во множественном числе). «Эти слова», — писал Астрюк, «никогда не смешиваются:

есть целые главы или большие части глав, где Бог всегда именуется Элохим, и никогда Иегова; есть другие, по меньшей мере, довольно большое число, где Богу не дают иного имени, кроме Иегова, и никогда не называют Его Элохим» (*Астрюк 1964*).

Из этого Астрюк заключил, что Моисей пользовался двумя источниками, с разными языковыми предпочтениями. А последователи Астрюка пошли дальше и сделали вывод, что Моисей вообще не автор Пятикнижия — о нем же там повествуется в третьем лице! Они заключили, что Пятикнижие не написано одним автором, а является составным: в нем слиты рассказы минимум двух авторов. Одного стали называть Яхвистом, другого — Элохистом. С этого началась научная критика Библии.

Почему-то этот метод никто не применял к «Илиаде». Возможно, потому, что деление здесь не такое четкое: народная поэзия допускала и переживала больше трансформаций, чем священные тексты. Но всё же и здесь видны те же явления: два главных героя греков, Ахилл и Диомед, параллельно переживают те же приключения и даже ранены в одно и то же место — в щиколотку (*Schelicha 1943: 66–76*). Более того, они никогда не встречаются в поэме: появляется Ахилл — исчезает Диомед, возвращается Диомед — нет Ахилла (*Robert 1920–26: 1059; Bethe 1927: 168*). И так неоднократно (см. табл. 1)*. Только на похоронах Патрокла присутствуют оба, но это место, которое даже многие унитарии признают (по другим основаниям) поздним включением. Ахилл и Диомед,

* Здесь и далее все ссылки на таблицы отсылают к Приложению.

1. Моисей и Гомер

оба во главе греков, и — не сочетаются. Это возможно, только если соединены куски двух разных повествований: об Ахилле и о Диомеде. Были две «Илиады»: «Илиада» с Ахиллом и «Илиада» с Диомедом — сформулировал этот вывод К. Роберт. Но эту гипотезу надо проверить и доказать, как и гипотезу о том, что таково же происхождение парных синонимов в именах. Нужно показать, что это не случайность.

2. Два города, три народа

Сначала я сопоставил эпитеты, которые в «Илиаде» применяются с каждым из обоих названий города — Троя и Илион. Оказалось, что эпитеты у них существенно различаются по значению, и что их выбор не обусловлен метрическими особенностями — есть такие, которые укладываются в гекзаметр одинаково. Они описывают два разных города (см. табл. 2). Илион описан, как высоко расположенная крепость, крутая и ветреная, тогда как Троя — широкая, просторная, с тучной почвой. Характеристика Илиона соответствует условиям Гиссарлыка, а условия Трои — нет.

Затем я решил использовать идею Д. Пейджа (*Page 1959: 292–294, n. 111*) о том, что народность текста свидетельствует о его древности. Он высказал догадку, что использование постоянных эпитетов характерно для фольклора, и чем доля их больше, тем определяемый ими объект древнее. Исходя из этого, я подсчитал частоты постоянных эпитетов при этих терминах. Оказалось, что при термине «Илион» в пять раз больше постоянных эпитетов, чем при термине «Троя» (см. табл. 3). В пять раз! Так что Илион значительно древнее в «Илиаде», чем Троя. То же самое получено анализом связей этих топонимов со словом «город». Это слово в греческом языке передается двумя синонимами: архаичным «птолиетрон» и новым «полис». Так вот, «птолиетрон» чаще сочетается с названием «Илион»,

2. Два города, три народа

а «полис» — с названием «Троя» (см. табл. 4). Эпос формировался как эпос об Илионе, а сказания о Трое присоединены к нему позже. И они слились.

Шлиман раскопал Илион (найлены камни с надписями), а Троя где-то в другом месте, которое к Гомеровскому времени было забыто.

Обратившись к хеттским хроникам, я увидел, что хетты в XIII веке до н. э. знали в западной части Малой Азии два места — Вилюсу и Т(а)руйсу, которые сопоставлены востоковедами с Илионом и Троей (Götze 1924: 26, Anm. 6; Forrer 1924; Kretschmer 1924: 207; Garstang and Gurney 1959: 120–123). Слово «Вилюса» на первый взгляд не так уж похоже на имя «Илион», но в греческом гомеровское название города звучало как Илиос, причем в предгомеровском греческом был звук **F**, называемый лингвистами «дигамма» — он похож на английское **w** или белорусское **ў**. Вот этот звук и стоял, по лингвистическим данным, в начале слова Илиос — тогда это было (F)ilios. Ко времени Гомера этот звук уже выпал в греческом языке, но следы его остались, и лингвисты их четко различают (по правописанию смежных слов). С учетом этого хеттские сведения вполне соотносимы с гомеровскими названиями. Значит, тогда это были два разных, хотя и не очень далеко друг от друга расположенных города (и края).

Взяв оба имени города, Троя и Илион, я проследил, как они распределены по песням «Илиады» (Клейн 1986). Песни «Илиады» я взял в том виде, как их разделил Зенодот.

«А! — вскричали некоторые мои противники. — Как же вы взяли за основу эти песни, если сами же объявляете их не исконными?!» Да, я понимал,

конечно, что это разделение искусственное, что исходные песни не были такими. Но исходные песни мне были пока неизвестны, а выяснять и сопоставлять я собирался не *абсолютные числа* (скажем, сколько раз использовано какое-то слово в одном тексте, сколько в другом), а *отношения* между синонимами в одном и том же куске текста. Отношения между парными синонимами — в данном случае между словами «Троя» и «Илион». Для отношений же безразлично, какие куски нарезаны, и даже одинаковы ли они — были бы они достаточно велики для значимого подсчета и в то же время не слишком велики, чтобы в общей смеси не исчезли различия. А использование традиционных песен позволяло сохранить общеизвестные числовые обозначения строк «Илиады», так сказать, их адреса — скажем, III, 25: третья песнь «Илиады», стих (строчка) 25.

Итак, начал я с прослеживания того, как оба термина, Троя и Илион, распределены по песням «Илиады» (см. табл. 5). То есть как в каждой из песен выглядит соотношение между частотностью Илиона и частотностью Трои (между количествами появления слова «Илион» и слова «Троя» на месте топонима). Там, где числа слишком маленькие для статистики, я ставил знак вопроса (это мой фильтр).

Оказалось, что термины эти распределены очень по-разному: в одних песнях преобладает термин «Илион», в других — термин «Троя». Я расположил песни в таблице по убыванию этого соотношения и получил как бы лестницу с очень большим размахом различий на концах — от 0,4 до 7 (см. табл. 6). То есть, песни на одном конце ряда превышают по этому показателю песни на другом конце в 15 раз.

2. Два города, три народа

Строго говоря, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Хотя, если подходить менее формально, о чем-то всё-таки говорит: уж очень большое расхождение! И многие песни в точности повторяют другие по этому показателю (6 песней с показателем 1, три песни — с показателем 2, три песни — с показателем 6). И выявленная группировка (на таблице 6 я объединил жирной обводкой эти клеточки) как-то совпадает с некоторыми сюжетами содержания (гнев Ахилла, деяния Диомеда и Гектора). Но будем подходить строго: всё это слишком субъективно и может обернуться обманчивыми ассоциациями.

Нужно выяснить, совпадает ли это распределение синонимичных топонимов (в данном случае названий города) с распределением каких-то других терминов, независимых от первых. Есть ли между ними корреляция. Если она есть, то это может иметь совсем другое значение.

Тут я взялся аналогичным образом за названия греков. Сначала посмотрим, как эти три термина — «ахейцы», «данаи» и «аргивяне» — снабжены постоянными эпитетами (см. табл. 7). Оказывается, этноним «ахейцы» снабжен наиболее богато, этноним «данаи» — похуже, а этноним «аргивяне» имеет лишь один постоянный эпитет. Я проследил также частоты фиксированных формул при этих этнонимах — с тем же результатом: ахейцы впереди, аргивяне — в конце (см. табл. 8).

Это указание на относительную хронологию. Эти три этнонима входили в эпос не одновременно. И действительно, «ахейцы» — это старое название греков, оно есть в хеттских хрониках XVI–XIII веков

(см. рис. 6); «данаи», по крайней мере, напоминают миф о царе Данае и его дочери по имени Даная, то есть, о ранней династии Арголиды (см. рис. 7), о времени восточных связей (по египетским и ближневосточным текстам это XIII–XII века — см. рис. 8); «аргивяне» же — это население Аргоса и Арголиды во время их подъема в VIII–VII веках.

Установив это, я начал прослеживать, как эти термины (этнонимы «ахейцы», «данаи» и «аргивяне») распределены по главам («песням» или «книгам») «Илиады». Меня интересовало их соотношение в каждой песни (см. табл. 9). Для сравнения с соотношением топонимов (названий города) мне нужно было представить соотношение этнонимов тоже просто и наглядно. Поэтому я рассмотрел, как в каждой песни частоты этнонима «ахейцы» относятся к частотам двух остальных этнонимов, вместе взятым. Так сказать, выявить числовой показатель «ахейского» участия. Отдельно я рассмотрел и эти остальные: как частоты этнонима «аргивяне» относятся к частотам этнонима «данаи» (благо, большей частью они сочетаются вместе без этнонима «ахейцы»). Получил, так сказать, показатель «аргивского» участия.

Я составил таблицы, на которых расположил песни «Илиады» по моим показателям. На одной таблице я расставил песни по убыванию показателя ахейского участия (см. табл. 10). Песни с высоким проявлением этнонима «ахейцы» я условно назвал «ахейскими», песни с умеренным проявлением его — «умеренно ахейскими». На другом конце ряда я выделил большую группу — с низким проявлением этнонима «ахейцы», но с высоким проявлением

2. Два города, три народа

этнонимов «данаи» и «аргивяне», вместе взятых. Разбил ее на две части, отделив в самом низу таблицы наиболее высокое проявление этих этнонимов.

На другой таблице я показал соотношение между ними, расположив песни этой последней группы (только ее одной) по убыванию показателя «аргивского» участия (см. табл. 11). На одном конце сгруппировались «данайские» песни, условно названные мною так. Пока условно. В «данайскую» группу вошли песни V, VIII, XI, XV–XVII. На другом конце колонки — «аргивские» песни. Высокое проявление этнонима «аргивяне» оказалось и в другой части всей группы песен, не вошедших в ахейские, так что я объединил все эти песни под именем «аргивских». К аргивским отошли песни IX–X, XII–XIV, XIX, XXIII.

Предпочтение того или иного из трех этнонимов (имен этноса) в песнях могло означать реальное значение этого термина для певцов, сочинявших эту песнь (или, точнее, для текстов, преобладавших в этой условно выделенной песни). Тогда ярлычки «ахейская», «данайская» и «аргивская» могли приобрести какой-то реальный смысл. Но я понимал, что это распределение могло оказаться и чисто случайным — ну, в одних случае певец чаще употреблял один синоним, в других — другой или третий. Он же не следил за тем, чтобы они выскакивали из его уст равномерно. Случайный разброс? Возможно.

Можно ли проверить, случайный это разброс или нет? В принципе можно. Если распределение этнонимов по песням совпадает с каким-то другим распределением по тем же песням, например, с распределением топонимов (названий местности, названий города), тогда это уже не случайный

разброс, а закономерность, в основе которой лежит какая-то связь этих имен. То есть это означало бы, что они попали в песни вместе. То есть одни из словарного багажа одного певца, а другие взаимосвязанные термины — из другого.

Значит, нужно было сопоставить таблицы, на которых показано соотношение топонимов (Илион—Троя) с таблицами, демонстрирующими соотношения этнонимов (ахейцы — данаи — аргивяне). Есть ли между ними сопряженность?

На сводной таблице (см. табл. 12) я свел вместе и просто сопоставил две исходные таблицы — таблицу топонимов, упорядоченную по показателю их соотношения, и таблицу этнонимов, упорядоченную по показателю ахейского участия. На таблице этнонимов я маркировал те «ахейские» песни, которые оказались на одном конце ряда песен, *и расположились на том же конце* в ряду песен на таблице топонимов. Их оказалось пять, кучно расположенных. По-иному я маркировал песни, расположенные *на другом конце* таблицы этнонимов и имеющие соответствие *на том же (другом) конце* таблицы топонимов. Их оказалось четыре (все — из «данайских»), тоже кучно расположенных. Таким образом, таблицы поляризовались одинаково, с одними и теми же песнями, расположенными кучно на полюсах. *Quod erat demonstrandum* (что и требовалось доказать), как говорят математики.

Есть сопряженность! Они коррелируют. Распределение топонимов коррелирует с распределением этнонимов. Одно наименование греков больше связано с одним названием города, другое — с другим. Это означает, что одна группа песен «Илиады»

2. Два города, три народа

использует преимущественно одни названия для греков и города, другая — другие, и, возможно, третья — еще какое-то их сочетание.

Когда я доложил свои результаты исследования на заседаниях специалистов-античников, большей частью убежденных в единстве авторства гомеровского эпоса, мне сразу же возразили, что даже если все мои подсчеты верны, они доказывают только одно — что были некие источники у Гомера, которыми он пользовался, и в этих источниках действительно этнонимы были как-то связаны с топонимами (в одном источнике один набор, в другом другой, в третьем — третий).

Теорию зависимости от источников еще в середине XX века выдвинули исследователи Гомера — Мюльдер, Песталоцци, Шадевальдт, Какридис, Кульман. Анализируя содержание «Илиады» и других эпических произведений, они выявляли в «Илиаде» влияние то «Киприй», то «Фиваиды», то «Эфиопиды». Эти исследователи называют себя *неоаналитиками*, хотя скорее они являются новой разновидностью унитариев.

Признавая мой вклад в изучение «Илиады», мои оппоненты ограничились радикальностью моих выводов. По их мнению, я просто лью воду на мельницу неоаналитиков. С моими работами появился-де новый способ выявления источников Гомера, повлиявших на его творчество. Способ, позволяющий более широко, всеобъемлюще расчленить «Илиаду» по вкладам тех или иных источников, по влияниям. А учитывая фольклорность гомеровского эпоса, применение в нем готовых формул и кусков текста, очень невелико отличие таких вкладов-влияний,

вкладов-источников от вкладов-компонентов, составных частей, являющихся основой для компиляции готовых песен, их слияния в эпопею. Народный певец — не литературный автор, его очень трудно отделить от компилятора и редактора-исполнителя.

Мои оппоненты и критики, несомненно, правы. Да это, к тому же, и путь примирения унитариев с аналитиками. Так сказать, конец двухвекового спора. Но всё же различие между творцом и компилятором есть. Различие это — в мере, в соотношении творчества и компиляции. Существовал ли гениальный певец Гомер, который пусть и пользовался готовыми формулами, и опирался на различные источники, и учитывал их, но создал основные образы и сюжет «Илиады»? Или эта поэма — результат творчества многих певцов, а сюжет формировался постепенно, в сознании разных авторов, образы входили в нее в разное время, вводились разными певцами, при этом «Илиада» разрасталась, не раз переделывалась, пока не приобрела свой нынешний облик?

Можно ли решить эту проблему? Что для этого нужно?

3. Предлоги, частицы и богиня Афина

Очевидно, что решение зависит от того, останутся ли единичными наши совпадения — все эти сопряженные показатели своеобразия каждого вклада, каждой группы песен. Есть ли возможности увеличить количество сопряженных показателей, усилить своеобразие каждого выявляемого вклада? Нужно проверить, распределены ли другие элементы языка тоже по-разному в этих песнях, и совпадает ли их распределение с уже добытым членением песен на группы.

Для начала я обратил внимание на то, что в «Илиаде» часто используются синонимичные предлоги *proti*, *poti*, *pros* (*protí*, *potí*, *prós* — возле, против, ради, кроме). Посмотрим же, как эти предлоги распределены по песням «Илиады» (см. табл. 13).

Прежде чем рассчитать для этой таблицы соотношения, я рассмотрел распространение этих предлогов по Греции (см. табл. 14). Форма *pros*, по единодушному мнению лингвистов, характерна для ионийского и лесбийского [?] диалектов, то есть для всех греческих колоний в Малой Азии, кроме дорийских. Форма *poti* характерна для фессалийского и беотийского диалектов и для Северо-Запада Греции, то есть охватывает всю материковую Грецию без Пелопоннеса (Wyatt 1978; Janko 1979; Казанский 1983, карта на с. 96). Поэтому, имея в виду нащупать территориальные связи частей «Илиады»,

я рассмотрел, прежде всего, отношение *pros* к *poti* (индекс п). Форма *proti* отсутствует в диалектах, она сохранилась только в эпосе и, видимо, является исходной для *pros*. Поэтому я взял и отношение обеих вместе (*pros+proti*) к *poti* (индекс р).

Получив эти отношения, я сопоставил их с отношениями этнонимов. На итоговой таблице (см. табл. 15) можно видеть результаты. Я выстроил два ряда песен по полученным двум показателям (от максимальных чисел к минимальным), и обозначил в обеих колонках «ахейские» и «данайские» песни (клеточки первых выделил серым цветом, вторых — жирной обводкой). Результат налицо: «ахейские» песни сосредоточились в одном конце (наверху таблицы), «данайские» — в противоположном (внизу таблицы). Налицо вполне очевидное сопряжение этнонимов с предлогами. А никакой другой причины для такого сопряжения невозможно придумать, кроме сосуществования одного этнонима и предлога в сознании и словаре одного певца, а других, синонимичных этнонима и предлога — в сознании другого. И их разного территориального размещения.

Потом я взялся за синонимичные частицы *autar* и *atar* (же, но, однако). Первая используется в эпосе очень часто, вторая — редко. Как они распределены по песням «Илиады»? До меня подобное исследование этих частиц у Гомера провел известный лингвист К. Рёйх (*Ruijgh 1957: 18–19, 29 et tabl. III, VI*). Он проследил распространение каждой из них по песням «Илиады» и пришел к выводу, что оно беспорядочно варьирует в пределах разброса, вполне допустимого для произведений одного автора. Точно так же варьирует частица *gar* в комедиях

3. Предлоги, частицы и богиня Афина

Аристофана, а в единоличном авторстве Аристофана никто не сомневается.

Рейх рассматривал распределение каждой частицы по отдельности, невзирая на их явную синонимичность. Я же вычислил для каждой песни отношение синонимов, то есть применения первой частицы к применению второй (показатель преобладания *autar*). Размах применяемости оказался колоссальным: от 1,2 до 22,0 (см. табл. 16).

Затем я перестроил таблицу по убыванию показателя преобладания *autar* и маркировал на ней разные группы песен по их употреблению этнонимов. Результат оказался очень интересным (см. табл. 17).

«Данайские» песни (я обозначил их, как и прежде, жирной обводкой) собрались в одном конце — внизу таблицы: в них *autar* мало преобладает над *atar*. «Ахейские» же песни разделились. «Умеренно ахейские» собрались в противоположном конце (наверху таблицы) — в них в основном использование *autar* многократно превышает использование *atar*. Сугубо же ахейские песни (я обозначил их более интенсивным серым цветом) расположились внизу таблицы вместе с «данайскими», попеременно с ними. Таким образом, по этому показателю ощущается не только различие между «данайскими» и «ахейскими» песнями, но и отделение «умеренно ахейских» от «сугубо ахейских».

Для проверки и сравнения я решил проследить, как по этому показателю разделяются песни «Одиссеи» (без сопоставления с этнонимами). Провел аналогичные подсчеты и получил таблицу (см. табл. 18), на которой сразу же выявились очень

четкие различия: песни с показателем выше 8,6 расположились очень кучно. Это повествование об Одиссее у феаков (песни VI–XII), конец «Одиссеи» (XXIII–XXIV) и частью песни об Одиссее у Эвмея (XIV и XVI).

Следующее мое изыскание было направлено на синонимичные Гомеровские имена богини Афины. Она в «Илиаде» именуется то Афиной (Athenē), то Афинеей (Athenaia). Афинейя — это по-гречески «афинянка» (*Tounsand Vermeule 1974: 85*). Способ выяснения тот же, что и в предшествующих случаях. Вычислен показатель отношения термина «Афины» к термину «Афинейя» (см. табл. 19), и песни расположены в порядке убывания этого показателя, а этнонимические характеристики показаны их маркировкой (см. табл. 20). И что же, здесь тоже «ахейские» песни сами собой разделились на «сугубо ахейские» (они все только вверху колонки), и «умеренно ахейские» (в середине колонки), а кроме того, выскочили «аргивские» песни — эти оказались густо внизу колонки и рассеянно в середине.

Провел я также проверку и сравнение с «Одиссеей» (см. табл. 21, 22). В одном конце таблицы оказалась «Телемахия» (песни I–II), в другом — «Кораблекрушение», «Феакия» и «Восстание» (V, IX и XXIV).

Таким образом, все эти проверки приводят к выводу, что это уже не просто разные источники. Всё-таки, по крайней мере четыре группы песен — две группы «ахейских», «данайские» и «аргивские» — были первоначально созданы четырьмя разными певцами (или группами певцов), с разными особенностями языка, возможно, на уровне субдиалектов.

4. Данайская «Илиада»

Эти группы песен расположены в поэме не блоками, а вперемешку, как карты в растасованной колоде, или как пальцы в сцепленных на животе руках. Но когда в одном из этих случаев я разнял сцепленные руки и сомкнул пальцы вместе, то есть соединил разрозненные прежде песни одной группы, то я неожиданно для себя получил логически связный, цельный текст — как если бы между ними никогда не было других песен!

Это песни V, VIII, XI, XV, XVII (*Клейн 1990а*). Первой в этом перечне идет песнь V — «Диомедия». В ней Диомед воюет против Гектора, Энея и богов. Продолжая ее, песнь VIII начинается с последних событий ариэтии Диомеда. Затем идет ответная ариэтия Гектора, нацеленная прежде всего против Диомеда. В конце песни VIII вечером Зевс предсказывает Гере, какие события будут происходить завтра — поражение данаев и их бегство к судам — это события XI песни. Он ни словом не упоминает про то, что произойдет сразу же, сей же ночью, минуя таким образом песни IX и X. Итак, в XI песни греки бегут к своим кораблям. В XV песни Гектор, воспрявший от промежуточных (между XI и XV песнями) невзгод, наложенных на «данайский» сюжет, штурмует корабли греков, и начало этого эпизода (XV, 366–367) повторяет стихи VIII песни (VIII, 345–346):

Возле судов, наконец, удержались они, собираясь
Там, ободряя друг друга и руки горе воздевая...

В XVII песни — апофеоз Гектора.

В середине песни VIII (222–227) воспевается Агамемнон:

Стал Агамемнон на черный огромный корабль
Одиссея,
Бывший в середине, да голос его обоюдно услышат
В кущах конечных Аякса и в кущах царя Ахиллеса,
Кои на самых концах с многовёслыми их
кораблями
Стали, надежные оба на силу их рук и на
храбрость.
Там поразительным голосом он вопиял
к аргивянам...

А песнь XI — как раз ариэтия Агамемнона. Она начинается с повторения тех же стихов (XI, 5–10), но тут они вложены в уста не Агамемнона, а богини Эриды — Вражды, которая вместо него кричит, вдохновляя ахейцев:

Стала Вражда на огромнейший черный корабль
Одиссея
Бывший в середине... и т. д.

Песни «данайской» группы связаны между собой не только сплошной линией сюжета и повторяющимися стихами, но и специфическими деталями. Так, только в песнях V и VIII появляются две богини, Гера и Афина, на одной колеснице. Обе богини также вместе приветствуют Агамемнона громом в XI песни, и являются главными действующими фигурами на Олимпе также в XV песни. Квадрига упоминается только в песнях VIII (185), XI (698), и четверка связанных коней в XV (679). Голова Горгоны называется в песни V (741), VIII (349) и XI (36).

4. Данайская «Илиада»

Так я получил мою первую «малую Илиаду» — «Данайскую Илиаду». Практически это нечто типа Большой Диомедии. Главный герой тут Диомед. Весь сюжет собран вокруг него. Он воюет против Гектора.

В этой частной поэме лошадь зовется не общегреческим термином «хиппос» (на русском это передается то гиппо-, как в слове «гиппопотам», то иппо-, как в слове «ипподром»), а словом «полос». Предлог здесь анатолийский *proti* и *pros*, а не материковый греческий *poti*.

В этих песнях сосредоточено большинство упоминаний о старом аргивском герое Геракле — 11 против 3 в «ахейских» и 4 в «аргивских» (см. табл. 23). Анализ их очень интересен.

Двенадцать подвигов Геракла (так называемый «Додекатлон») могут быть разделены на две равных половины (*Nilsson 1923: 257–258; 1932: 211, 213–217*). Одни — совершенно сказочные и происходят очень далеко, на краю известной ойкумены (похищение яблок Гесперид, пояса царицы амазонок, кобылиц Диомеда из Фракии и др.); другие — более реалистичны (очищение Авгиевых конюшен, охота на Эриманфского вепря, Стимфальских птиц, убийство Лернейской гидры и др.) и происходят на очень узко ограниченной территории на севере Пелопоннеса (см. рис. 1). Это как раз территория, которую завоевывал аргивский царь Фидон Гераклид, претендовавший на контроль над Олимпийскими играми. Датировка его жизни неоднозначна: то ли середина VIII века, то ли вторая половина VII века. Вообще-то широкая агрессия Аргоса скорее отвечает ситуации VII века.

Часть I. Анатомия «Илиады»

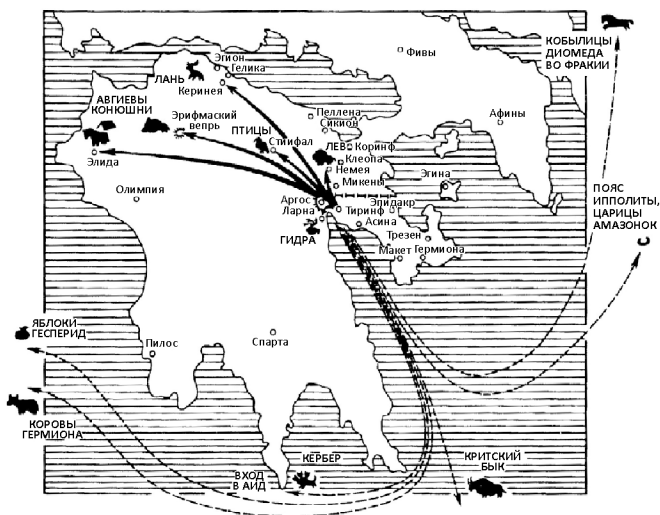

Рис. 1. Двенадцать подвигов Геракла (Додекатлон)

Изображения Додекатлона (12 подвигов) на вазах и фибулах начинаются с конца VIII века, больше их происходит из VII века. Но фокус в том, что деятельность Геракла в «Илиаде» еще не знает Додекатлона — она происходит явно раньше. К тому же вся деятельность Геракла описывается в «Илиаде» как давние дела, в воспоминаниях, образуя раннюю подоснову событий «Илиады». Датировать саму «Данайскую Илиаду» она не может.

Более основательные опоры для датировки можно извлечь из характера сражений. Боевые подвиги героев в «Илиаде» делятся на два вида: *аристии* (подвиги героя в упорядоченной, сосредоточенной битве) и *мономахии* (поединки в рассредоточенной,

4. Данайская «Илиада»

рассеянной битве). Для первой годится один набор оружия (большой щит, длинное копье и колесница в сражении), для второй — другой набор (маленький круглый щит, пара дротиков и т. д.). Этот второй набор (для мономахии) принадлежит по археологическим данным к геометрическому времени (VIII век). Первый же набор (для ариистии) — древний, микенский, и был возрожден с изобретением фаланги в VII веке (Lorimer 1950: 196–210. 196–200; Page 1959: 247–248, 262, 284–286).

Мономахии широко практикуются во всей «Илиаде», но главным образом сосредоточены в «ахейских» песнях. А вот все ариистии густо сосредоточены в «данайских» песнях (см. табл. 24). Это может дать как древнюю микенскую датировку, так и позднюю, VII веком. Но очень близкое распределение по песням имеет слово «фаланга» (см. табл. 25). А это уже однозначно говорит о поздней датировке.

Есть и дополнительные указания на датировку. В этих песнях упоминаются «квадрига», «Горгона» и др., сравнение которых с археологическими реалиями тоже говорит о VII веке.

Значит, для этой составной части «Илиады» вырисовывается и территория (Малоазийские колонии), и датировка (VII век).

5. Древнейшие песни «Илиады»

Перейдем к «ахейским» песням. Выделение их понятно и уже обосновано (Клейн 1992). Посмотрим, какие особенности этих песен собрались и как они характеризуют эту группу. Ну, прежде всего, северо- и среднегреческий предлог *poti* говорит о географическом происхождении певца или певцов этой группы. Это уточняется преобладанием ионийской частицы *autar* над дорийской *atar*. Гомеровское слово «Ахеида» принадлежит к целой группе имен с такими окончаниями — все они северо-восточно- и среднегреческие. Это видно по карте их распространения — главным образом восток Северной и Средней Греции: Фессалия, Беотия (см. рис. 2). Но это противоречивые данные — нужно выбирать: либо восток Северной и Средней Греции (эолийский регион), либо ионийский регион. Это означает, что группа не едина, ее нужно делить дальше.

Тогда я вывел из этой группы все песни, где главным героем является Ахилл — «Ахиллеиду». Тотчас все оставшиеся образовали очень тесное единство. Правда, на первый взгляд, только формально, а не по содержанию. Сюда вошли песни II, III, IV, VII и отчасти VI. Формальное единство этих песен состоит в том, что термин «ахейцы» здесь используется с наибольшей густотой (в абсолютных числах), но со средней интенсивностью (в относительных) — это «умеренно ахейские» песни (см. табл. 26).

5. Древнейшие песни «Илиады»

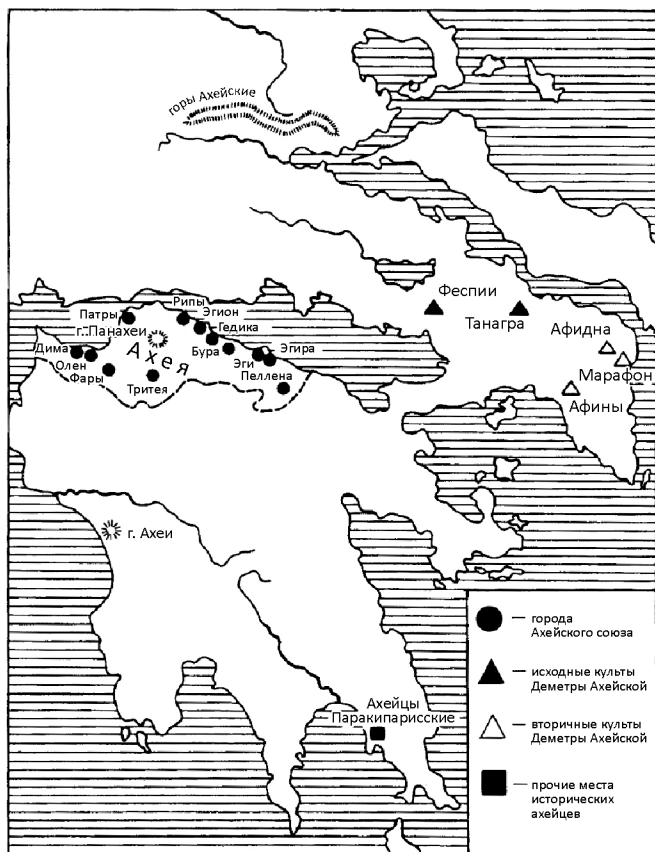

Рис. 2. Ахейцы в Греции после Гомера

Что поражает в этих песнях, это густое скопление постоянных эпитетов при этнониме «ахейцы» (см. табл. 27). Песни этого ахейского блока оказываются наиболее фольклорными в «Илиаде», стало быть, наиболее древними. Точнее, они содержат наиболее фольклорное оснащение этнонима «ахейцы». Когда мы прослеживаем отношение позднего предлога *proti* к раннему *poti*, то оказывается, что ранний здесь выступает сильнее всего в «Илиаде» (см. табл. 28). Так что это самые ранние песни «Илиады».

Но и содержание этих песен, если приглядеться, дает некоторую концентрацию. Две песни тут очень схожи: это песни III и VII — поединки Менелая с Парисом и Гектора с Аяксом. Менелай с Парисом — это зачинщики всей войны, а Гектор — брат Париса и наиболее сильный герой троянцев, Аякс же — самый огромный богатырь ахейцев. Это не ариистии или мономахии, не подвиги в общей битве — здесь именно отдельные поединки, типа дуэлей или турниров. Других поединков в «Илиаде» нет.

В этих песнях сюжет не удаляется от основы того главного конфликта, который для «Илиады» только фон — от мифической причины Троянской войны. Ссора Агамемнона с Ахиллом здесь отсутствует и не мешает развитию основного сюжета всего цикла. Кроме поединка главных зачинщиков войны, разворачивается поединок между Гектором и Аяксом. Аякс здесь — главный и основной противник Гектора.

Между тем Аякс Теламоний, великий Аякс — это дремуче древний герой (Клейн 1994: 69–80). Уже для гомеровского времени это архаический

фольклорный образ, так сказать, былинный богатырь. У него один из самых высоких в «Илиаде» процент постоянных эпитетов — показатель фольклорности: от 31,1 до 45,3 (см. табл. 29). Он обладает постоянными эпитетами очень древними, более ни к кому в «Илиаде» не применяемыми. Везде и всегда Аякс воюет один — в отличие от остальных вождей никогда не ведет свой отряд в бой. Похоже, что его отряд присоединен к готовому старому образу для престижа. В поэме Аякс носит башенный щит — этот щит не применялся у ахейцев после XIII века. Аякс никогда не восходит на колесницу, он всегда пеш. Между тем, колесницы применялись у ахейцев с XVI века — их изображения есть на стелах Микенских шахтных гробниц. Значит, по происхождению это еще более древний образ.

Гектор же в этих песнях «Илиады» целиком ориентирован на противостояние Аяксу, а не Ахиллу. Да и вообще в «Илиаде» это противостояние просвечивает во многих песнях. Как подметил один англичанин, в гекзаметрах формулы, описывающие Аякса и Гектора, нередко совпадают по метрике — похоже, что образы создавал один поэт. П. Кауэр проследил, что, кроме их поединка, Гектор и Аякс 8 раз противостоят в «Илиаде» друг другу, а еще один раз намеренно избегают встречи. Кауэр сделал справедливый вывод, что их противостояние — старый варьирующий сюжет, поэтому он то и дело всплывает в «Илиаде» (Cauer 1921–1923: 263). Причем в этих встречах нет ни одной, где бы Гектор оказывался победителем, а двух случаях он был побежден и очень близок к гибели. Более того, Аяксу

и вне схваток обеспечено очень наглядное превосходство: Гектор вооружен копьем в 11 локтей длины (VI, 319; VIII, 494), а корабельный шест, которым орудует в бою Аякс, имеет ровно вдвое больше — 22 локтя (XV, 676–677).

Близость Гектора к гибели в бою с Аяксом в VII песни заслуживает особого разбора. Поединок назначен сразу же после поединка Менелая с Парисом (в тот же день), хотя условия того не выполнены, и клятвы нарушены! Не менее странно и завершение поединка: он превращен в какой-то рыцарский турнир, где герои заключили почетное перемирие, обменялись дарами и разошлись.

Я уже анализировал этот странный поединок в главе о поединках и выстреле Пандора. Напомню, что Аякс поднял огромный «жерновный камень», швырнул им в Гектора, проломил щит насквозь и «ранил колена врагу». Гектор опрокинулся на хребет и был сверху накрыт щитом. Но внезапно появился Аполлон и поднял Гектора. Это, конечно, чудо — иначе не требуется вмешательство бога. Я обратил внимание на несоответствие места раны обстоятельствам ранения. Проломив щит, камень должен был угодить в корпус, а не в колени, тем более что, упав, Гектор был накрыт этим проломленным щитом. Но ведь греческое эпическое выражение «сломить колена» и означает «убить»!

Значит, в первоначальном рассказе Гектор был убит. Певец, которому потребовалось переделать рассказ, чтобы Гектор мог и дальше действовать в «Илиаде», слегка изменил формулировку о коленах и превратил перифраз убийства в ранение,

добавив исцеление чудом. Это самая экономная переделка: соблюдена максимальная близость к прежнему тексту, а смысл новый, и получен требуемый эффект: Гектор спасен.

Этот анализ подтверждается еще одним описанием схватки Аякса с Гектором — в XIV песни, которое явно основано на том же источнике. Там тоже Аякс «ударил Гектора камнем в грудь, чрез поверхность щита, поразил Приамида близ выи», то есть в грудь, а не в колени. Гектор упал, «на него навалился огромный щит...». Гектора вынесли с поля боя за мертво, с кровью изо рта (XIV, 402–439). Он сам признавал позже: «Уже испускал я дыхание жизни» (XV, 247–251). И опять он был воскрешен Аполлоном. Всё то же, что в VII песни: щит проломлен огромным камнем, герой опрокинут, щит навалился сверху. Но место удара здесь уже обозначено логично: в грудь. Смерть неизбежна, но — и здесь чудесное исцеление.

Из этих вариаций хорошо вырисовывается первоначальная основа рассказа: гибель Гектора от рук Аякса.

Некоторые аналитики и неоаналитики уже выделяли этот блок песен и называли его Гектореидой. Они считали эти песни поздним включением в «Илиаду», а главным их героем видели Гектора. Нет, Гектор был в них вторым, а главным героем был Аякс, это его больше всего воспевали эти песни, и это самые ранние песни «Илиады». Теперь ясно, что существовала эпоея, в которой главным ахейским героем был Аякс, и он противостоял Гектору, сражался с ним, и в конечном итоге убивал его. Отрывки этой эпоеи, существенно подправленные,

вошли в III и VII песни «Илиады», а также более или менее крупными отрывками и темами в другие песни «Илиады».

Другая русская транскрипция греческого имени Аякс (более правильная, по косвенным падежам) — Эант. По такому имени я предложил называть эту предполагаемую эпопею «Эантида». Это была песнь об осаде Илиона, о подвигах великого ахейского героя Аякса, воюющего против Гектора и Александра (Париса), чтобы вернуть Елену Прекрасную. В ней еще нет никакого Ахилла. «Эантида» создавалась очень рано, вероятно, в IX веке, в материковой Греции, и стала в основном фоновым сюжетом в «Илиаде», той канвой, по которой другие поэты вышивали сюжет «Ахиллеиды» и кое-что еще.

6. Узкая «Ахиллеида»: две ее части

А теперь взглянем на Ахиллову группу «ахейских» песен (Клейн 1990б). Сюда относятся все три «сугубо ахейских» песни и часть «умеренно ахейских» (те, что были исключены для выделения древнейших). Это песни I, XVIII, XX–XXII, XXIV. Во всех этих песнях (за исключением I) Ахилл выступает без Патрокла, один, в них нет всех сюжетов, связанных с Патроклом — нет «Патроклии», нет битвы за тело Патрокла. Более того, в них нет даже сюжетов, связанных вообще с главным сюжетом «Илиады» — развивающих ссору Ахилла с Агамемноном. Сама ссора есть, но нет посольства, нет даров, нет мести, нет примирения. Песни эти большей частью сосредоточены в конце «Илиады».

Этот блок песен совпадает с «узкой Ахиллеидой», которую выделяли некоторые аналитики (Гейне, Кайзер, Ла Рош, Виламовиц, Шварц). Гейне заметил, что песни в последней трети «Илиады», в которых идет речь об Ахилле, по сути не являются необходимым продолжением предшествующих. И, что еще важнее, вовсе не предусматривают их как необходимо предшествующие. Они независимы от предшествующих и вполне мыслимы без них.

Скажем, взять изготовление богом Гефестом оружия для Ахилла (XVIII песнь). В поэме оно не очень гладко мотивировано утратой доспехов при гибели Патрокла, которому Ахилл их дал на время боя (песнь XVI). Дар Гефеста вполне мог иметь

другую мотивировку, менее натянутую, или вовсе ее не иметь — это могло быть первое наделение Ахилла чудесным оружием. Ведь по преданию он именно от рождения имел такое оружие. Вторичное наделение — явно искусственный эпизод.

Битва Ахилла с рекой, с Гектором, с другими сыновьями Приама, с Астеропеем и прочими героями — всё это не имеет прямого отношения к его обиде на Агамемнона и мыслимо без нее. Ярость и неистовство Ахилла в этих песнях — это не тот гнев, который обусловлен обидой и определял его поведение в предшествующих песнях. Обе прежние мотивировки гнева Ахилла — обида за Агамемнона и месть за Патрокла — не руководят Ахиллом, сражающимся против бога реки или против Астеропея. Они не обязательны в его противостоянии Гектору: ведь Гектор, и не убив Патрокла, — опасный враг, как виднейший богатырь и глава троянского войска. «Узкая Ахиллеида» занята только возвеличиванием Ахилла, и ничем больше. Она воспекает благие деяния Ахилла, его подвиги и победы. Это был как бы гимн Ахиллу, апология Ахилла.

Из аналитиков, выделявших «узкую Ахиллеиду» (каждый раз в несколько ином составе), почти все считали ее отдельным эпосом, некогда самостоятельным, который, однако, затем стал одной из составных частей «Илиады» — был поздно включен в нее. Только Виламовиц полагал, что этот эпос послужил стержнем, вокруг которого некий певец, собрав ранние песни о Троянской войне, объединил их в «Илиаду». Выделение все эти аналитики производили главным образом на основании анализа содержания. Предпринятое мною выделение на

формальных основаниях выявило блок песен, очень близкий к «узкой Ахиллеиде» аналитиков, который надо воспринимать как ее подтверждение и уточнение ее состава.

Тексты «узкой Ахиллеиды» не столь архаичны, как «ахейские» песни, вошедшие в «Эантиду», выглядят новее. Они меньше оснащены традиционными формулами, то есть создавались без такой значительной опоры на старый фольклорный фонд греческого эпоса. Создавал ли эти песни один певец? Вряд ли. Ведь по формальным основаниям эта группа делится пополам: три песни — «умеренно-ахейские» (в которых этноним «ахейцы» по частоте встречаемости конкурирует со своими синонимами «данаи» и «аргивяне»), а три песни — «сугубо ахейские» (где этноним «ахейцы» вне конкуренции). В «сугубо ахейских» песнях ионийская и более древняя частица *autar* встречается лишь в 2–4 раза чаще, чем дорийская и более молодая частица *atar*, а в «умеренно-ахейских» намного чаще — в 6,5–10 раз и даже в 22 раза. По этому показателю тексты «умеренно-ахейских» песен либо древнее песен «сугубо ахейских», либо содержат более значительный ахейский вклад.

В «Илиаде» «умеренно-ахейские» песни составляют в основном как бы обрамление поэмы (это песни I, XXI и XXIV), а «сугубо ахейские» охватывают битвы Ахилла, его ариэтии в последней трети поэмы.

В «обрамлении» начальная и конечная части (I и XXIV) имеют много общего в содержании: обе песни начинаются с прихода старца к военному вождю. В первой песни жрец Хрис приходит

к Агамемнону, в конечной — Приам приходит к Ахиллу, каждый предлагает выкуп — жрец за дочь, Приам за тело сына (*Гордезиани 1978: 66–68*). В первой песни упоминаются 12 и 9 дней бездействия (отлучка богов), в последней — 9 и 12 дней бездействия (выжидание богов и перерыв на оплакивание и похороны). Очень похоже, что это приемы одного певца.

Сказать, что другая часть «узкой Ахиллеиды» принадлежит иному певцу, было бы неточно, там намешано много песен и отрывков разного происхождения. Одно дело аристия Ахилла, в своей основе небольшая и подражательная (аристии, как уже сказано, вообще не свойственны «ахейским» песням), другое дело — Битва богов, совершенно чуждая «Илиаде» и вставленная, третье — вставные эпизоды, которые разорвали ее на две части, далеко отстоящие одна от другой, и расширили аристию Ахилла.

Словом, песни «Илиады» — вообще весьма лоскутные, а «узкая Ахиллеида» — это наименее цельный из всех блоков песен в «Илиаде».

7. «Менида»

Все прочие песни об Ахилле оказываются среди «аргивских» песен, составляя их наибольшую часть. Этот блок очень близок к «широкой Ахиллеиде», которую выделяли Грот, а за ним другие аналитики Крист, Джебб, Кауэр, Лиф и др. (см. рис. 13), и которую нередко именуют «Менидой», песнью о Гневе, об Обиде (от греческого слова *μήνις* — обида, гнев). Состав группы варьирует у разных аналитиков (*Fick 1896; Petersen 1920; и др.*), но есть наиболее устойчивые ее компоненты. Они совпадают с моим выделением группы. Это песни I, IX, XVI, XIX, XXIII. То есть «Ссора» — «Посольство» — «Патроклия» — «Отречение от гнева» — «Похороны Патрокла». Чувствуете единый сюжет? Ссора Ахилла с вождем коалиции — неудачная попытка их примирить — гибель Патрокла (который вместо Ахилла возвращается к боям и гибнет) — ее результат, примирение вождей — Похороны Патрокла.

Коль скоро в этих песнях этноним «аргивяне» более популярен, чем в других песнях, местом происхождения этих песен не может быть Арголида. Для Арголиды другие греки иные, чем аргивяне, и различны: афиняне, спартанцы и т. д. Богиня Афина называется здесь длинным именем Афинейя («Афинянкой»). Короткий вариант имени богини говорил бы о материковой Греции: зачем грекам именовать свою богиню «афинянкой», это имеет смысл только далеко от Афин и Греции, скажем, на

островах и в Малой Азии, а в Афинах — все афиняне, в коренной Греции богиня — Афина. Но было место, где аргивяне были главными представителями греков, а богиня Афина была введена из Афин и называлась именно Афинянкой. Это остров Самос, где к тому же проживал клан Гомеридов.

Можно ли проверить, имеет ли образ Ахилла двойную природу в «Илиаде»? Можно ли подтвердить, что Ахилл в «ахейских» песнях — один, а в «аргивских», в «Мениде» другой? Можно ли подтвердить это формально, статистическими данными? Да, это возможно сделать.

Имя Ахилла пишется в гомеровском эпосе по-разному, двумя различными орфографическими способами: через одну ламбду (букву λ), и через сдвоенную ламбду (как говорят лингвисты, «геминированную» ламбду). Это правописание — не просто орфография, эти варианты слова имеют различное звучание, по-разному укладываются в метрику стиха. Как можно видеть (см. табл. 30), распределение этих вариантов правописания тоже различное. Геминированная ламбда сосредоточена в «аргивских» песнях (см. табл. 30 А).

Так же обстоит дело с написанием согласной σ (сигмы) в имени Одиссея (см. табл. 30 В). Вдобавок варианты обоих имен по-разному сочетаются с эпитетами: геминированные (сдвоенные) чаще с эпитетами (то есть фольклорнее), а негеминированные — чаще без эпитетов (см. табл. 31).

Что же касается датировки, то одно из высказываний в «аргивской» песни содержит указание, что могила устроена на месте сожжения покойника — прямо на этом месте насыпан курган. Так погребали

7. «Менида»

греков лишь после 700 г. По-видимому, песни эти созданы со значительным использованием фольклорного фонда, но включены в «Илиаду» поздно.

Полторы «аргивских» песни не могут быть включены в «Мениду». Это X песнь («Долония») и вторая половина XXIII («Погребальные игры»). Их даже унитарии признают по разным данным, в том числе по многим словарным сходствам с «Одиссеей», очень поздними включениями в «Илиаду».

8. Гомерова «Энеида»

Как известно, «Энеиду» написал Вергилий, римский поэт I века до н. э. Там воспевается один из героев «Илиады» — Эней, родственник троянского царя Приама, уцелевший при гибели Илиона. Якобы он отправился в Италию и основал династию римских царей.

Но первую «Энеиду» можно реконструировать из кусков гомеровского эпоса, выделяемых из «Илиады». Это не целые песни, а именно фрагменты, воспевающие Энея и его окружение (см. рис. 3). Они плохо держатся в «Илиаде» и явно вставлены в нее очень поздно. Якобы Эней — царь дарданов, населявших северное побережье Троады (где пролив Дарданеллы), в «Илиаде» он привязан к другой местности — к южной Троаде. Его не было среди женихов Елены у Гесиода (хотя там были все ведущие герои), его отца Анхиза нет среди старейшин Трои. Во многих песнях «Илиады», где по обстановке Эней мог бы быть (I, III, IV, VII, X, XV, XXIV), он отсутствует. Доля постоянных эпитетов при его имени составляет всего 18 процентов (тогда как для Елены — 65, для Одиссея — 56, для Александра и Аякса — по 47 и т. д.).

Большинство критиков обоих направлений — и аналитики, и унитарии сходятся в том, что Эней был включен в «Илиаду» потому, что певцы (или певец), введившие этот образ, подвизались при дворе рода Энеадов, правившего из г. Скепсиса всей Южной Троадой. Царский род сей известен Деметрию

Скепсийскому, автору I в. до н. э. (об этом сообщает Страбон, XIII, 1, 52). В «Илиаде» в уста Посейдона вложено пророчество, что Энею и его потомкам суждено царствовать в Троаде (XX, 307–308). Это, конечно, пророчество *ex eventu* — от уже сбывшегося, так сказать, пророчество, обращенное назад.

Прославление Энея проведено в «Илиаде» с обычной для придворных певцов чрезмерностью. Его спасают все боги, вне зависимости от того, на чьей они стороне. Аполлон уносит его в свой храм, чего не удостоился даже его любимец Гектор. Никто не имеет столь детальной и почетной генеалогии, Эней поставлен ею выше Ахилла, объявлен сыном Афродиты. А между тем он не совершил ничего великого — не убил ни одного видного противника. Он не мог этого сделать потому, что ко времени его вхождения в «Илиаду» все завидные подвиги были уже распределены, ему осталось только «пушечное мясо» — так С. Бауре называет незначительных персонажей, придуманных специально, чтобы гибнуть от рук героев.

Генеалогия Энея подключена к генеалогическому древу царского дома Приама. Его отец — троюродный брат Приама, а так как весь род Приама погиб, то Эней — единственный наследник (см. рис. 4). Но вот странность: Приам — сын Лаомедонта, но всегда зовется по отчеству Дарданидом, тогда как Дардан является дедом его прадеда! Это совершенно небывалый казус в «Илиаде». Еще К. Роберт сделал вывод, что Приам первоначально был в «Илиаде» сыном Дардана (*Robert 1920, 1: 388; Kalinka 1922*). Но если мы исключим всю линию Приамовых предков между ним и Дарданом, то из родословной

8. Гомерова «Энеида»

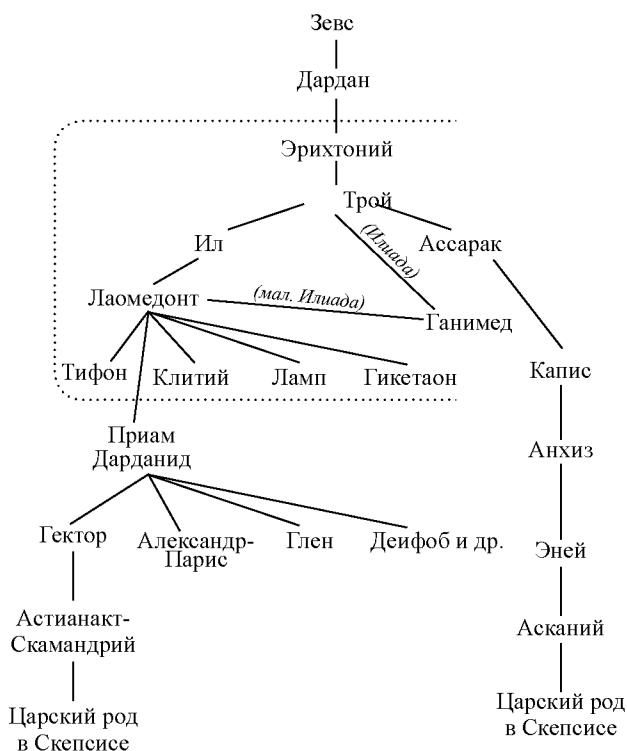

Рис. 4. Генеалогия царей Троады

выпадет боковая линия Энея. Ради нее весь этот отрезок ствола, несомненно, и вставлен угодливыми певцами при дворе Энеадов.

Мне не удалось провести подсчеты, которые бы охарактеризовали особенности Гомеровской Энеиды, потому что это не целые песни, а небольшие фрагменты, включенные в разные песни «Илиады». Вероятно, это можно сделать после их тщательного обособления.

9. Гуманитарии и статистика

Многие историки и филологи-античники, знакомясь с моими доказательствами аналитических выводов, пожимали плечами: какие же это доказательства? Ведь тут нет четких различий между песнями — только оттенки, вариации, расплывчатые конфигурации, всё чуть больше, чуть меньше... Вот если бы были резкие противостояния: в таких-то песнях есть такие-то формы, в других нет!

Ну, есть у меня и такие факты (например, упоминания Горгоны и квадриги в «данайских» песнях). Но в основном подобные требования выдают полное непонимание гуманитариями природы распределения культурных характеристик, ее диффузного характера — того, которое Дэвид Кларк (*Clarke 1968*) называет *политетическим*, и полное незнание с сутью комбинаторики и статистики. Современная методика исследований, пронизанная комбинаторикой и статистикой, вся основана на признании такой именно природы распределения культурных характеристик и на теории вероятности. В отличие от стандартизованных изделий промышленности, многие природные и культурные явления не имеют четких границ, их облик формируется роением признаков — где-то они сгущаются, где-то представлены меньше, где-то смешаны с другими. День и ночь не разделены четко, тем не менее, мы их очень хорошо различаем и оперируем этими понятиями.

В журнале «Вестник древней истории» была опубликована разгромная рецензия двух античников на мою «Анатомию Илиады» (*Цымбурский и Файер*). В ней мои критики привели такое возражение. Вот Клейн распределил некоторые синонимы по песням «Илиады» и нашел различие между песнями. Для проверки мы взяли другую пару синонимов, подсчитали — и не нашли никакого различия. Мои критики считают это опровержением всей системы.

В своем ответе (*Клейн 2004*) я указал, что это, опять же, непонимание сути статистики и самих изучаемых явлений. Ведь выявляемые мною первоначальные песни написаны на одном языке, между ними различия только на уровне диалектов и стилей. Это значит, что вовсе не все слова должны быть у них различны. Большей частью словарь один, и грамматика одна. Лишь некоторые синонимы могут оказаться различными. Чтобы напасть на различные синонимы, нужно перебрать гору материала, отсеять общие, выявить показательные. Нужен огромный труд и интуиция. Вы не угодили на показательные синонимы — что ж, вам не повезло. Попробуйте еще и еще раз, поищите.

Чтобы опровергнуть мои доказательства, вам следовало бы показать, что я подсчитал что-то неправильно, неточно, сбился, ошибся в математических операциях. Если этого нет, покажите, что я неверно истолковал свои данные. Если и этого не можете, то о чем спорить?

В другой рецензии (*Акимова 2000*) солидная исследовательница признает, что моя работа «выстроена каллиграфически четко, со строжайшей классификацией и систематизацией фактов», что

в ней «очень много статистических выкладок». Но она отвергает мои выводы, поскольку они не вяжутся с привычными для нее представлениями — о догреческом вкладе в эпос, о структурном единстве «Илиады». Так может быть, неверны эти представления? Ведь исследовательница не опровергла мои факты, мои «статистические выкладки», и не дала им другого толкования.

Мои критики могли бы указать мне на одну реальную погрешность в моих статистических таблицах. В статистике есть ограничения на выводы по слишком малым количествам данных, есть правила определения такой минимально допустимой базы расчетов. Некоторые мои таблицы не выдерживают такого критерия. Я это сознавал. Но тут действует критерий здравого смысла. Взятая сама по себе таблица, основанная на недостаточном количестве данных, на слишком малых числах, дает недостоверный вывод. Но когда таких таблиц много, и они все приводят к выводам в одном направлении, то это не может быть случайностью, и выводы утрачивают свою сомнительность. Чем больше таких таблиц, тем достовернее общий вывод.

Есть еще одно обстоятельство, приводящее к необходимости статистического подхода в исследовании «Илиады», в выявлении первоначальных ее компонентов. Эти пять-шесть эпических полотен, выдающих свою первоначальную самостоятельность, вроде бы предстают в «Илиаде» группами целых песен, хотя нередко и разверстаных по поэме. Но я же понимаю, что «Илиада» была нарезана Зенодотом на песни искусственно, что он преследовал цели не столько выявить истинную структуру,

сколько сделать текст удобным для восприятия, исполнения и обозначения буквами алфавита. Что истинные границы сдвинуты, пролегают не в тех местах, где они проведены. Что к каждой песни прилипли куски соседних. Более того, что в каждой из них есть много вставок — значит, намешаны тексты вообще инородного происхождения. А это сильно искажает те характеристики, которые получаются в результате статистических подсчетов. К тому же сказывалась редакторская деятельность компиляторов, старавшихся сгладить различия.

Это одна из причин, по которым нельзя ожидать в числовых характеристиках четких противостояний (здесь — только такие формы, там — только другие), а нужна именно статистика, индексы отношений (здесь — больше, там — меньше).

В какой-то мере устранить эти помехи, эти загрязнения, очистить первоначальный облик исходных эпических полотен может только детальный анализ содержания и стилистики песен «Илиады» — именно то, чем занимались аналитики на протяжении более двух веков. С проделанным мною уточнением на формальных основаниях (стилистических и языковых) можно возобновить этот анализ на новом уровне. Этим я и занимался на пятистах с лишним страницах моей монографии. А здесь, в последующих очерках, я повторяю (и обновляю) некоторые фрагменты этого анализа в гораздо более кратком, доступном и живом изложении.

Мне доставляет удовольствие сознавать, что колоссальный труд многих дотошных аналитиков, казалось бы, уже погребенный навсегда усилиями унитариев, не пропал даром. В науке всегда

добросовестный труд не уходит в небытие. Опровержения, как правило, не бывают окончательными. Опровергнутые идеи сохраняют потенции приближения к истине и могут воспрянуть в следующие века.

Но можно ли отнести эту сентенцию к унитариям? Конечно. Я использую также и их достижения. Я говорил о возможности сближения точек зрения на базе выявления источников главного автора (или авторов), с одной стороны, и творческих вкладов составителя и редактора — с другой. Когда я говорю о составной «Илиаде» и о многих творцах гомеровского эпоса, то имею в виду, что каждый из них — в той или иной мере — Гомер.

II

Герои «Илиады»

1. Персоналии без биографий?

Меня всегда тянуло к персоналиям, к живым людям, их судьбам, к анализу психологических мотивов их поступков. Но в работе археолога мало возможностей для такого проникновения — разве что характеристики и биографии знаменитых археологов. В 70-е годы написал большую статью о немецком археологе-националисте Густаве Косинне, напечатал ее в Германии; в 60-е годы — книгу о Генрихе Шлимане, эту так и не удалось напечатать (но, может быть, еще напечатаю). Позже я написал несколько толстых книг, состоящих сплошь из биографий, и две истории дисциплин, где биографии занимают значительное место.

Одна из возможностей свободного обращения к этой тематике была связана с переходом к гомеровским штудиям: античная история и филология всегда были пронизаны разбором психологии личностей. А в конце 80-х я, к тому времени уже опубликовавший несколько статей по гомеровской тематике, получил заказ от издательства «Наука» написать предисловие или послесловие к научно-популярной книге польского античника А. Кравчука «Троянская война». Книжка была написана давно, а ее автор стал министром в социалистической Польше и уже не мог плотно следить за развитием науки, так что нужно было дать современный научный комментарий к его книге. Перевод с моим

послесловием («Троянская война в эпосе и истории») вышел в 1990 году (*Кравчук 1990*).

В книге Кравчука были места, нуждавшиеся в таком комментарии, но особо меня заинтересовала структура его работы, его подход к теме. Кравчук построил свою книгу о Троянской войне, расположив материал вокруг отдельных гомеровских героев — Агамемнона, Ахилла, Елены и т. д. Он рассматривал эти блоки материала, эти гомеровские образы один за другим. То есть книга выглядела как собрание очерков о гомеровских героях — их характеристики, их биографии. Постепенно из их биографий складывалось представление о ходе Троянской войны. Сам по себе такой подход мне очень импонировал, очень привлекал меня.

Но Кравчук считал Троянскую войну реальным событием истории, датируя его XIII веком до н. э., как и принято в традиции. Гомеровские поэмы «Илиаду» и «Одиссею» он считал самыми ранними описаниями этой войны, относя их, тоже по традиции, к VIII веку до н. э. А остальные (киклические) поэмы о Троянской войне, опять же, как было принято традиционно мыслящими учеными, он считал более поздними.

Действительно, они дошли до нас только в пересказах некоего Прокла (то ли грамматика II века н. э., то ли философа V века н. э.), чья «Хрестоматия» дошла до нас в отрывках в «Библиотеке» патриарха Фотия (IX век н. э.). Содержание их также передавалось в «Мифологической библиотеке», приписываемой Аполлодору, афинскому грамматiku II века до н. э., да и та сохранилась не полностью. Но теперь трудами многих неоаналитиков (Мюльдера,

1. Персоналии без биографий?

Песталоцци, Какридиса, Шадевальдта, Кульмана) доказано, что эти поэмы, возможно, в их ранних версиях, повлияли на творцов гомеровских поэм и являются более древними, чем те.

Кравчук прослеживал судьбы этих героев сначала у Гомера, затем по киклическим поэмам («Киприям», «Эфиопиде», «Гибели Илиона» и др.), считая их следующей ступенью. А дальше он исследовал образы этих героев в произведениях еще более поздних авторов античной литературы — поэтов (от Пиндара до Вергилия), драматургов — Эсхила, Аристофана и др., и, конечно, в трудах древних историков — Геродота, Фукидида, Плутарха. А потом и в современной литературе. Отсюда он делал некоторые экскурсы вглубь времен и строил гипотезы о происхождении образов. Большею частью он возводил их к реальным фигурам Троянской войны, считая их биографии фактами истории.

Поскольку я так не считал, я стал подумывать о том, чтобы не ограничиться послесловием к книге Кравчука. Меня увлекла идея написать другую книгу о гомеровских героях, построив исследование совершенно по-иному. Суть заключалась в том, чтобы сделать гомеровские образы отправными пунктами не для прослеживания их судеб в последующей литературе, к нашему времени, а для продвижения от Гомера в противоположном направлении — вглубь времен. Я же археолог. Я решил выявить предшествующие этапы их существования, в догомеровское время, не только в киклических поэмах, но и еще раньше, проследить их формирование вплоть до их истоков. Разумеется, если эта догомеровская судьба и эти истоки вообще существуют.

Ведь у Гомера сонмы рядовых персонажей — толпы, сотни, уйма. Все они названы по именам, и никто не сомневается, что эти имена и сами персонажи попросту выдуманы певцом или певцами. Так, в ариэтии Диомеда убиты Фегес, сын Дареса, Фест, сын Бора из Тарны, Скамандрий Строфид, Ферекл, Гармонов сын, два сына Эвридама, Деикоон, сын Пергасов и т. д. Просто нереально, чтобы все эти имена и деяния незначительных персонажей дошли в устной передаче через пять веков. Помнят ли наши сказители всех писцов, гонцов и стрельцов времен Ивана Грозного? Наберется ли хотя бы дюжина, не говоря уже о сотнях? Эти выдуманные имена создавали иллюзию фактографичности повествования, эффект присутствия, что и требовалось.

Но какие основания полагать, что не выдуманы более важные герои? Если в принципе выдумка допустима, то фиктивными могут оказаться любые герои. Эпос — не история, эпос — это художественное произведение. Да, в основу эпических полотен кладутся давние исторические события, но они нещадно переделываются, трансформируются в угоду патриотическим идеям. Каковы соотношения реальности и воображения в них — это проблема. Как мы знаем, доля воображения велика даже в современных победных репортажах о вполне реальных сражениях. Помню, я всегда подсчитывал по нашим сводкам миллионы уничтоженных немецких солдат — и удивлялся: уже вся немецкая армия сметена, а они всё еще наступают! В эпосе же чаще воображение преобладает.

Доказывать надо не фиктивность героев Гомера — доказывать надо их реальность. Находить их

1. Персоналии без биографий?

реальные прообразы, устанавливать, насколько достоверно они переданы (какие детали этих прообразов сохранились) в гомеровских персонажах, а насколько они всё-таки являются плодом воображения.

2. Парис и Елена

Если обратиться к историческим документам, то окажется, что в них подтверждение находит только одно имя из гомеровских — это Александр (его синоним Парис в документах отсутствует, но в «Илиаде» мало применим). Причем имя это дошло именно из XIII века. В хеттских клинописных табличках из царского архива в Богазкеое (это Хаттуса, столица хеттского царства) в 1911 г. ориенталист Д. Лакенбилл прочел документ, в котором стояло имя Алаксандус, и связал его с гомеровским Александром. С 1924 г. стали появляться статьи П. Кречмера, который развил эту идею и привел ряд доказательств (*Kretschmer 1924; 1930*).

Документ оказался договором (ок. 1280 г.) хеттского царя Муваталиса с царем города Вилусы Алаксандусом. В Вилусе Кречмер и другие опознали гомеровский Илиос < Ёилиос, т. е. Илион.

В преамбуле договора было рассказано, что царство Вилуса пребывало издавна в вассальной зависимости от хеттской империи. Когда умер предшественник Алаксандуса на троне Куккунис, горожане не признали Алаксандуса его преемником. Тот бежал к Муваталису, с его помощью вернулся в Вилусу и воцарился на троне. По договору он обязался поставлять хеттам военные контингенты в случае их войны с соседями, в частности, с Египтом. Договор скреплялся клятвами богам. Со стороны Алаксандуса таким гарантом выступал в числе главных

бог Апалиунас, в котором можно увидеть Гомерова Аполлона, защитника троянцев.

Кречмер обратил внимание на то, что предусмотренная в договоре поставка воинов вскоре была реализована: в битве при Кадеше (1275 г.), где Муваталис сражался с фараоном Рамсесом II, участвовали на стороне хеттов, судя по египетским надписям на рельефах, «дрдн» — это несомненно дарданы, самые близкие союзники троянцев, по «Илиаде».

По греческой легенде, когда Александр с Еленой бежали из Спарты, их приютил малоазийский царь Мотил (Мотюл). Учитывая, что в греческом языке Муваталис могло передаваться через дигамму (Муўаталис), а дигамма выпадала, имя легко могло превратиться в Мотил.

Кречмер считал, что Александр носил исконно греческое имя, а хетты передали его искаженно. В этом случае его появление в Илионе свидетельствовало бы о греческом влиянии в Илионе и, возможно, о династических связях. Кречмеру возражал хеттолог Ф. Зоммер: имя царя так и звучало Алаксандус, а греки подлаживали его под свое имя. Как бы там ни было, слишком много совпадений, чтобы считать их случайными. Совпадают имя и статус царевича в Илионе–Вилусе, его нелады с горожанами, имя его божественного покровителя (Аполлон-Апалиунас), приют его у царя, и имя этого царя (Мотил-Муваталис)! Даже имя его предшественника в Вилусе (Куккунис) близко напоминает имя эпического героя Кукноса (позже в ионийском диалекте Кюкноса), защищавшего в «Киприях» Илион. Это просто греческая передача хеттского

Куккунис, подправленная «народной этимологией» — греческим осмыслением непонятного иностранного имени (кюкнос, кикнос по-гречески «лебедь»).

Но это и всё, что совпадает у гомеровского Александра-Париса с Алаксандусом хеттского договора: имя, статус, местожительство и некоторые детали биографии (нелады с горожанами, контакт с Мотилом и бог-покровитель Аполлон). Всё прочее у гомеровского образа иное. У Париса иной отец (не Кюкнос, а Приам), иная биография. Кстати, Парис троянского цикла так и остался до самой смерти (при падении Илиона) царевичем, тогда как реальный Алаксандус стал царем и царствовал.

Суд Париса — явно мифический (хотя и организован по образцу реальных конкурсов красоты на Лесбосе): выбирая красивейшую из трех богинь (Геры, Афины и Афродиты), Парис присуждает первое место Афродите, которая за это награждает его любовью красивейшей из женщин — Елены Прекрасной (*Walcot 1977*). Он похищает Елену, увозя ее из Спарты, из-за чего начинается Троянская война. Этот сюжет явно не имеет отношения к реальному царевичу Алаксандусу. Это миф.

Сюжет этот явно привязан к «лепокудрой» Елене, к которой в мифах сватаются чуть ли не все греческие герои, и которую после свадьбы не раз похищают греческие герои (*Wiesmann 1950; Ghali-Kahil 1955; West 1975; Clader 1976; Homeyer 1977; Skutch 1987*). Ее похищал также Тезей (в Троянском цикле это похищение приурочено ко времени до Париса, потому что после Париса всё занято Троянской войной).

В «Илиаде» и «Одиссее» Елена — дочь Зевса и нимфы. В Лаконии (Спарта), на Родосе и в других местах Греции были святилища Елены, где ее почитали как богиню растительности. Совершались ежегодные празднества «еленефории» (празднества «носителей Елены», процессия носила по городу плетеную корзину с таинственными священными предметами, и корзина эта называлась «елена». На Родосе Елена была связана с культом священных деревьев и называлась Елена Дендритис — Елена Древесная. У греков были и другие богини растительности, которых похищали ежегодно — Персефона из них самая известная. Она олицетворяла зерно. Осенью ее увлекали в подземный мир, а весной она прорастала со всходами и появлялась на свету снова. Таким образом, похищения Елены — это, несомненно, миф.

Возвращают Елену из всех похищений всегда два брата. Из похищения Тезеем ее возвращали ее братья-близнецы Диоскуры (буквально «дети бога»), из похищения Парисом — два брата цари Агамемнон и Менелай. Эти персонажи несколько выпадают из мифической обстановки, но это происходит явно под влиянием восточных преданий. Дело в том, что у восточных народов тоже были подобные мифы (Webster 1958). В Египте такой миф задолго до формирования Троянского цикла вылился в «Сказку о двух братьях». В Британском музее хранится так называемый (по прежнему владельцу) папирус д'Орбиней — рукопись XIX династии (XIV–XIII века до н. э.) на новоегипетском разговорном языке.

В папирусе излагается «Сказка о двух братьях» — земледельцах, которые преодолевают козни своих

жен и наказывают их за измену. Злодей-фараон похитил жену младшего брата (младшего — как и в Греции!). Этот младший брат на время уехал на восток (как и Менелай!). В конце концов добро торжествует, и братья воцаряются в Египте (и тут братья оказываются царями!). Еще более разительное сходство в деталях: жена младшего брата — женщина необыкновенного происхождения, дочь бога Ра, и, что самое важное, телом прекраснее любой другой женщины на земле, и особенно прекрасны и благоуханны ее волосы, то есть она тоже «лепокудрая».

Сказка записана за 6 веков до гомеровского времени, задолго до времени Троянской войны уже в литературной обработке, а устные рассказы, разумеется, ходили и до того. В Троянском цикле, со своей стороны, можно усмотреть следы заимствований из Египта. На обратном пути из Трои Менелай и Елена попали в Египет (для чего нет ни логических мотивов, ни художественной необходимости), По другим версиям Елена провела в Египте весь период разлуки с мужем. В «Одиссее» тоже есть ряд египетских заимствований, особенно из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение».

Вообще, с XVI–XV веков ахейский мир находился под сильным влиянием Египта, хорошо засвидетельствованным археологически. Золотые маски (как у Тутанхамона), попытки бальзамирования, египетские вещи есть в шахтных гробницах Микен. В столице фараона-еретика Эхнатона был квартал ахейских купцов. А во второй половине XIII — первой половине XII века ахейцы и данаи нападали на Египет в числе «народов моря».

2. Парис и Елена

Можно увидеть и промежуточные звенья на пути проникновения сюжета о похищении жены, вызвавшей войну (*Gordon 1967*). На территории нынешней Сирии, в Рас-Шамре на берегу Средиземного моря, при раскопках финикийского города Угарита была найдена табличка с финикийским текстом, который датируется второй четвертью XIV века и является частью финикийского эпоса «Сказание о Керете». О герое этого эпоса говорится: «Его законная жена поистине ушла от него. Его собственная супруга, которую он получил за положенные дары, удалась». Судя по контексту, она умерла. Во сне горюющему царю явился бог Эл, его отец, и велел осадить город Удм и потребовать себе в жены Хурэй, дочь царя. Царь осажденного города попытался откупиться, но не тут-то было.

Здесь тоже параллель к похищению Елены. В «Киприях» и «Илиаде», а также у Эсхила найдем и горющего Менелая, и его вещий сон, и осаду города ради обзаведения женой, и попытку осажденного откупиться. А поскольку финикийское сказание датируется раньше не только «Киприй» и «Илиады», но и Троянской войны, то исследователи усмотрели в финикийском сказании литературный источник греческой легенды о начале Троянской войны.

Заимствованный из Египта и Финикии мотив был приспособлен к очень подходящему для этого образу греческой богини растительности Елены, и она стала эпической героиней.

3. Современники Гомера

Итак, лишь для одного из героев гомеровского эпоса есть документальное подтверждение, что существовала в истории одноименная личность, совпадающая с ним по некоторым деталям, но с совершенно иной общей биографией, включенная в совершенно иной сюжет, взятый из мифа. Второй рассмотренный персонаж оказывается божеством, и обладает такой же исторической реальностью, как прочие боги и другие сверхъестественные существа «Илиады» — Зевс, Гера, Посейдон, Аполлон, музы, нимфы и кентавры.

Еще два героя, как раз оба главных военных предводителя — Агамемнон и Гектор — тоже имеют одноименных правителей в реальном греческом мире, документированных в истории (*Wade-Gery 1952*).

Аристотель (фрагм. 611, 37; Поллукс IX, 83) передает предание, что в VIII веке до н. э. в Киме, малоазийской колонии греков, правил царь Агамемнон, женатый на дочери лидийского царя Мидаса — того самого, у которого, по мифу, ослиные уши. Несмотря на эти чудеса, Мидас был реальным царем, о котором пишут в клинописных табличках ассирийские писцы. И его зять Агамемнон, видимо, реален. Страбон (XIII, 1,3) сообщает, что в Киме царствовал род, возводивший себя к Агамемнону. Получить свое имя от героя «Илиады» царь Кимы не мог бы, потому что у греков имена богов и священных героев детям

3. Современники Гомера

не давались. А стать прообразом героя «Илиады» он тоже не мог — нет нужного интервала времени. В лучшем случае его существование могло сказаться на отношении к одноименному герою «Илиады» — одни певцы могли возвеличивать его, другие (от враждебных кругов) принижать.

Другим реальным соответствием гомеровскому персонажу был царь острова Хиос Гектор, тоже фигура VIII века до н. э. Он был правнуком Амфикла, приведшего на Хиос греческих колонистов с о. Эвбеи. Именно Гектор ввел о. Хиос в Ионийскую лигу, и был за это почтен треножником с надписью, которую в V веке до н. э. читал историк Ион Хиосский (392, 1). Именно на о. Хиос проживал род Гомеридов, но соотношение царя Гектора с героем Гомера то же самое, что и царя Агамемнона, и по тем же причинам.

Так что нужно искать другие прототипы этих героев, не современные гомеровским певцам, а гораздо более ранние.

4. Родина Гектора

А что же остальные ведущие персонажи сюжета, основные герои «Илиады»? Брат Агамемнона Менелай (царь Спарты), главный герой Ахиллеиды Ахилл, его дублер Диомед (царь Тиринфа), богатырь великий Аякс (предводитель дарданов), другой Аякс, меньший (предводитель локров), старец Нестор (царь Пилоса), Приам (царь Трои), его сын Гектор (брат Париса-Александра и вождь всего троянского войска), Патрокл (друг Ахилла), Феникс (Ахиллов воспитатель) и другие? Их прототипы кем были?

Возможно, что когда-то существовали в реальности люди, носившие эти имена. Ведь откуда-то же взяты они в эпос, а так как это основные герои, то вряд ли они просто выдуманы. Но не похоже, чтобы прототипы всех этих героев были в действительности теми же персонажами эпоса, кем их рисует «Илиада», или хотя бы близкими к ним. Эпос, а возможно, еще и источники эпоса очень далеко увели их от исторической реальности.

В самом деле, взять хотя бы структуру распределения действующих лиц эпопеи. Вот тут как раз симметрия очень заметна, и она действительно принадлежит певцам, действовавшим по принципам геометрического искусства. С ахейской стороны действуют два брата, младший из которых (Менелай) — зачинщик войны, а старший (Агамемнон) — военный предводитель всей коалиции, осаждающей

Илион. И с троянской стороны действуют два брата, младший из которых (Александр-Парис) зачинщик конфликта, а старший (Гектор) — военный вождь всех войск, защищающих Илион. С каждой стороны имеется по словоохотливому старцу. С ахейской стороны это царь Пилоса Нестор, а с троянской — царь-отец Приам. С каждой стороны есть соперник главного вождя и еще один богатырь. У ахейцев это Ахилл (со своим дублером Диомедом) и Аякс, у троянцев — царь ликийцев Сарпедон и Эней. Такое четкое расположение говорит об искусственности всей расстановки.

Там, где симметрия нарушена, легче всего уловить перемещения персонажей. Агамемнон — вождь всей греческой коалиции и царь самого влиятельного царства, микенского. А Гектор, вождь троянской коалиции — не царь. Царем оказывается его отец Приам, который воевать не может по старости. Мы уже видели, что Приам вряд ли является отцом Александра-Париса (там более реален Кукунис-Кюкнос). Сомнителен он и как отец Гектора. Патроним (отчество) Приамид не успел прирасти в эпосе к именам обоих «сыновей» — Гектора и Париса. Если у Ахилла в «Илиаде» имя приводится с отчеством (Пелейон, Пелейад, Пелеид) в трети всех случаев (104 из 340), то у Гектора только в одной семнадцатой случаев (26 от 444), а у Александра и того меньше — в одной сорок пятой (1 от 45). Первоначально они явно не считались сыновьями Приама, а он их отцом. Разница между братьями, очевидно, связана с тем, что имя Александра вошло в эпос раньше и успело сильнее сжиться со стихами, не имеющими отчества.

Далее обратим внимание на то, что имя Гектор — чисто греческое, означающее «держатель», «опора» (есть и еще похожие по формообразованию греческие имена Ментор, Актор, Нестор). Но это бы еще полбеды (эпос часто трактовал противника точно по образцу собственного народа), но и все подробности биографии Гектора связывают его не с Троей, а с Грецией. По «Илиаде» могила Гектора должна находиться в Илионе. Карта нового времени помещает его по догадке на горе Балидаг возле Илиона. Но ни один древний источник его там не знает. Зато многие греческие источники уже около 300 г. до н. э. помещают могилу Гектора в самой Греции — в Фивах, главном городе Беотии. В «Пеплосе», приписываемом Аристотелю, даже приведена надпись на могиле: «Гектору великую беотийские мужи соорудили могилу над землей, напомянув потомкам». Причем к III веку до н. э. точное место было уже забыто, жители спорили о его локализации, а существовало лишь смутное предание.

Вокруг Гектора в «Илиаде» всё время оказываются беотийцы, правда, в роли его противников.

Очень показательно, как в «Илиаде» обозначена родина Андромахи, жены Гектора, — это тоже Фивы! Правда, Фивы маленькие, Подплакийские (под горой Плак в Троаде — Ил., VI, 396—397). Но Страбон в I веке указывал, что этого города там нет (XIII, 1, 65). Видимо, «Подплакийскими» (Гипоплакийскими) город сделан певцами «Илиады», чтобы как-то примирить с эпосом фиванское происхождение Андромахи (имя тоже греческое).

Как же греческий герой оказался предводителем троянцев, врагов Греции? Это можно объяснить так.

4. Родина Гектора

Незадолго до времени Троянской войны беотийские Фивы погибли. В «Войне семерых против Фив» слагался Фиванский цикл песен — в основном слагался победителями. Участвовал Гектор в этой войне или нет, он неизбежно, в силу самого своего происхождения из Фив, оказывался в стане побежденных. И кто бы его ни перенес в Малую Азию в ходе ее колонизации — победившие соседи Фив или сами побежденные — он неизбежно считался героем побежденных. А победителями значились другие греческие герои: Ахилл, Аякс, Диомед. Те, с кем он сражался на родине, теперь возглавляли греческий лагерь — Гектору оставалось защищать осажденный Илион, как раньше он защищал в песнях осажденные Фивы (*Dümmler 1890; Staehlin 1907: 24–25; Scott 1914; и др.*). Как раз ради симметрии там требовался старший брат Александру.

Вот певцы и превратили Гектора в троянца, дали ему в братья Париса, а потом в отцы — Приама. С их точки зрения это было наилучшим использованием старого эпического образа в новой эпосе, и наиболее простым приспособлением готовых песенных кусков, с наименьшими исправлениями. Экономия сил!

5. Опущенные боги

Не один Гектор перемещен со своего исконного места и исполняет в «Илиаде» чужую роль. Его главные противники, верховный вождь ахейцев Агамемнон и убийца Ахилл, тоже под сомнением на своих местах.

Агамемнон числится царем Микен — самого влиятельного ахейского царства не гомеровского времени, а давней микенской эпохи (она по ним и названа). Но его брат Менелай — царь Спарты, расположенной гораздо южнее. В Спарте Зевс почитался с эпитетом «Агамемнон» (об этом сообщает древнегреческий автор Ликофрон) — вероятно, когда-то там был самостоятельный божок Агамемнон, культ которого позже был поглощен общегреческим культом Зевса. Очень возможно, что Агамемнон, перестав быть самостоятельным богом, остался в предании как легендарный царь, потомок Зевса. В «Одиссее» (III, 287; IV, 514) Агамемнон возвращается с Троянской войны не в Микены, а в Спарту, к мысу Малее. По другим источникам (поэт Пиндар, историк Павсаний) могила Агамемнона находится в Амикле, это близ Спарты. Я уже приводил рассказ Геродота (VII, 159), как во время Персидской войны (VI век до н. э.) Гелон, царь Сиракуз, потребовал себе пост верховного командующего всеми греками, а спартанский посол воскликнул: «Воистину горько восплакал бы Пелопид Агамемнон, узнай он, что Гелон и сиракузяне лишили спартанцев

верховного начальства!». Понятно, если бы это вскричал микенский посол, но при чем здесь спартанский?! Наконец, вестником Агамемнона в «Илиаде» является Талфибий, но род Талфибиадов (его потомков) Геродот и Павсаний знают в Спарте, там и героон (святилище) Талфибия. Вот так.

Совершенно ясно, что Агамемнон первоначально помещался в Спарте (*Cauer 1921 [1895]: 274–278; Schwartz 1901; Bethe 1927: 11, 23*), а когда певцы стали собирать образы разных героев для осады Трои, его сделали верховным вождем (возможно, как родича Менелая) и переместили в самое влиятельное царство древней Греции — Микены.

Но и братом Менелая вряд ли он был. В «Илиаде» Агамемнон — сын Атрея. Однако его патроним (отчество) Атрид (в греческом Атреид) всегда пишется через короткое «е» (ε — «эпсилон»), тогда как если бы это был настоящий патроним от Атрея, то «е» было бы длинным (и обозначалось бы буквой η — «эта»). Поэтому К. Мейстер, специально изучавший язык гомеровского эпоса, заключил, что слово «Атреид» первоначально было не патронимом, а названием рода, а уже из названия рода Атреидов выведено имя Атрей — как родоначальника. Недаром Агамемнон никогда не носит определения «сын Атрея», хотя другие герои так представлены часто, а он всегда только Атрид. Действительно, на греческом материке очень древние поэты, Гесиод и Стесихор, дают Агамемнону другого отца — Плейсфена.

Ахилл в «Илиаде» представлен как северный греческий вождь, он наследник владельца Фтии, небольшого царства в Фессалии (Северо-Восточная Греция). Однако, хотя почитание Ахилла (храмы,

празднества) было широко распространено по греческому миру (в том числе и в греческих колониях Северного Причерноморья), но как раз в Фессалии этого практически не было (см. рис. 5). Подданные Ахилла в поэме не фтияне, а мирмидоняне — народ, возникновение которого мифы относят к острову Эгина на юго-востоке Центральной Греции, а о переселении их на север нигде не говорится. Отец героя, внук Зевса Пелей, числится в «Илиаде» царем Фтии, но живет и действует, по мифам, в разных других местах: то на горах Пелион в Магнессии (это близко от Фтии), то в Иолке или Фарсале (тоже близко), то в Этолии (далеко, на западе Средней Греции). Мать Ахилла, морская нимфа Фетида, вообще живет на дне пролива Геллеспонт, возле Трои.

С XIX века ученые подмечали в образе Ахилла ряд сверхъестественных черт, заставлявших подозревать божественную природу этого персонажа. Я уж не говорю о его, так сказать, анкетных данных (внук Зевса, сын богини Фетиды). Но любопытны обстоятельства происхождения. Фетида, хотя и богиня низшего разряда (не входила в число олимпийцев), но спасла Зевса от мятежа других богов и едва не стала его супругой. Этого не произошло только потому, что Зевс испугался предсказания: сын от Фетиды свергнет его (таков был возможный вариант судьбы Ахилла).

Мать выкупала Ахилла в Стиксе — подземной реке, сделав его тело неуязвимым (кроме щиколотки, за которую держала его, это «ахиллесова пята»). Доспехи Ахилла изготовлены богом Гефестом, копьё — кентавром Хироном, в упряжке пара вещих коней, подаренных богами и бессмертными.

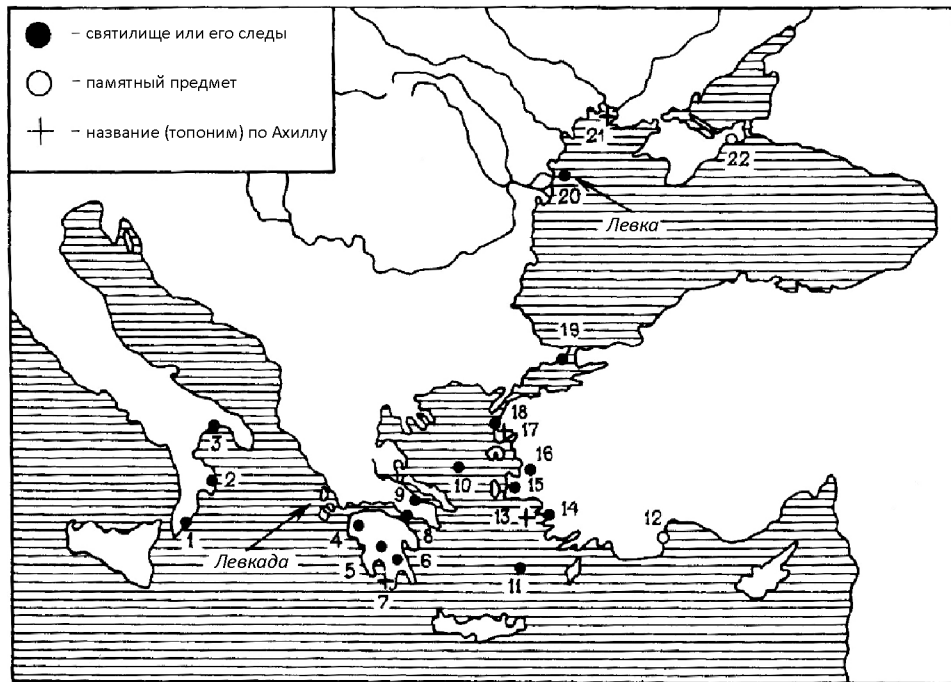

Рис. 5. Культные места Ахилла

В «Илиаде» он сражается с рекой. В «Одиссее» сообщается, что после смерти он стал царем мертвых. В некоторых греческих местностях Ахилл почитался как бог, а не герой (об этом сообщают Анаксагор, Павсаний, Гесихий, Страбон и другие авторы). В Причерноморье Ахилл титуловался Понтархом (Владыкой Понта, то есть моря); «Ахилл, как ты видишь, наш бог», — сказал Диону Хрисмостому в Ольвии один местный юноша (Дион, XXXVI, 14).

Многие ученые полагают, что Ахилл и был богом перед попаданием в Троянский цикл (*Хоммель 1981*).

6. Первая жизнь героев

Другие ученые издавна противились такому толкованию образа. Они отмечали, что Ахилл прямо называется богом лишь в Причерноморье, а туда греки пришли поздно, только с VII века. Значит, в бога Ахилл превратился на позднем этапе. В Кноссе и Пилосе микенской эпохи (на расшифрованных табличках с ахейскими письменами) попадает имя «Ахиллеус» — так зовут заурядных людей. Это говорит о том, что Ахилл тогда не был богом: греки ведь не называли своих детей именами богов, это считалось кощунством. Святилища Ахилла по всей Греции носят характер не истинных храмов, где совершаются молитвы божеству и приносятся жертвы, а *героонов* — памятных мест героя. Там хранятся достопримечательности, связанные с его именем, проводятся состязания, пиры в его честь, родственные погребальным. Словом, это культ, но не бога, а героя. И даже там, где он почитался как бог, оговаривается, что этот статус он приобрел после смерти. А боги ведь бессмертны.

Здесь как раз тот случай, когда меж двух крайностей истину лучше искать посередине. На мой взгляд, Ахилл был полубогом (Гесиод в VII веке употреблял этот термин применительно к героям). Ахилл принадлежал к тем духам, которые имели облик героев, но чудесных героев, являвшихся на помощь людям в трудных обстоятельствах.

Позднее эти функции перешли к христианским святым, отчасти к Христу и Богородице.

В таких покровителей превращались иногда «опущенные боги» (особенно старые местные божества, вытесненные из религии более мощными общегреческими божествами). Но чаще такие покровители возникали из удачливых вождей после их смерти, особенно, быть может, из вождей, слывших при жизни также колдунами или выполнявших и жреческие функции. Некоторые особенности греческого заупокойного культа (ублажение мертвых ради их покровительства живым, особые посмертные почести вождям) превращали таких покойников в чудесных помощников при опасности, специализированных на том или ином виде опасности (*Kutsch 1913; Eitrem 1935*). Аналогичным образом позже в христианстве возникали уже на глазах истории культы новых святых и блаженных. Вокруг их могил складывались предания о чудесах, байки о сказочных приключениях героя, в том числе посмертных, в которых он проявлял свои сверхъестественные качества.

Так, Ахилл слыл чудесным покровителем и защитником кораблей. Нестор — целителем ран (он и его отряд тесно связаны географически с местами культа бога врачевания Асклепия). Диомед покровительствовал всадникам: в его героонах много фигурок всадников. Одиссей был чудесным предсказателем. В Этолии был его оракул, а его жена Пенелопа жила и умерла в городе Мантинея (от корня «манти-» — гадание, прорицание). В греческом языке «пенелопс» — это утка-чирок (*Shewan 1915; Kretschmer 1945*). Известно, как развито было

у древних греков искусство прорицания по полету птиц — «ойон». Таким прорицателем «ойонистом» и был, очевидно, дух Одиссея. Когда в «Долонии» Диомед выбирает Одисея в компаньоны на разведку, Афина посылает цаплю по правую руку от дороги в знак благоприятствия. «Птицей обрадован был Одиссей...» (X, 277).

Герооны Геракла, Аякса, Ахилла, Диомеда, Нестора, Одиссея и других священных героев были распространены по всей Греции. Этим культам героев посвящены специальные исследования Р. К. Хэка, Т. Хадзистелиу Прайс, Дж. Н. Колдстрима и др. (*Hack 1929; Hadzisteliou Price 1973; Coldstream 1976*). Исследования эти показали, что, по данным археологических раскопок, многие из этих культов начались именно в VIII веке, одновременно со становлением «Илиады», так что не могут быть ее следствием. Кроме того, могилы героев прошлого упоминаются в самой «Илиаде» (*Whitley 1988*). В связи с наступлением железного века и перестройкой экономики и общества старые аристократические роды стали идеализировать прошлое, используя культ предков (*Calligas 1988*). Этому предшествовал период интенсификации культового почитания могил — с XI века (*Antonaccio 1994*). Из этих культов герои, со сложившимися вокруг них байками, и проникли в эпос.

Любопытно, что в «Илиаде» герои продолжают в значительной части именно те дела, на которых они специализировались в бытность свою святыми-покровителями. Ахилл обещает вступить в битву, и вступает в бои только тогда, когда появляется опасность кораблям. Царь Пилоса Нестор прославляется как знаменитый воин и стратег, но

практически занимается в «Илиаде» только одним делом — исцеляет раны. Одиссей при всяком удобном случае показывает свою прозорливость и хитроумие. После усмирения Ферсита он истолковывает знак богов: дракон, пожирающий восемь птенцов и их мать. Диомед отбирает чудесных Троевых коней у Энея, угоняет белых коней фракийского царя Реза, захватывает коней у ряда других противников.

А как же с их функциями вождей и царей? А это просто необходимый атрибут эпического героя в бронзовом веке, вот этот атрибут и придан героям в эпосе. То есть царства розданы героям певцами уже в эпосе. Мы видели, что Агамемнон и Ахилл получили свои царства от певцов, а вначале пребывали вообще в других местах. Перемещены откуда-то в свои столицы и на троны также другие герои.

Мудрый старец Нестор, царь Пилоса, в «Илиаде» сын Нелея, основателя Пилоса. К 12 сыновьям Нелея возводит своих предков зная 12 ионийских колоний греков в Малой Азии, но Нестора среди них нет. Очевидно, Нестор, знаменитейший сын Нелея, был им тогда неизвестен, иначе они бы не упустили возможности возвести свое происхождение к Нелею именно через Нестора. К Нестору возводит свое происхождение только афинская знать, но, может быть, уже под влиянием «Илиады». Саму связь Нестора с Нелеем Ю. Белох, П. Кауэр и К. Роберт единодушно считают искусственной и поздней. Ведь из сотен упоминаний Нестора только девять раз его имя сопровождается отчеством: это отчество не успело прирасти к нему. Когда создавался мифический эпизод о Геракле, убивающем Нелея

и всех его сыновей, Нестор, очевидно, еще не считался сыном Нелея, вот и пришлось, когда его подключили к Нелею, объявить его единственным из сыновей, избежавшим смерти.

В «Илиаде» и «Одиссее» его постоянный эпитет «геренский конник». Гесиод сообщает, что он назван так потому, что спасся от Геракла в мессенском городе Герене. Но обычно герои прославляются не по месту спасения, а по месту подвига, завоевания, или, еще чаще, происхождения. Герены есть в разных местах, не только в Мессении. К тому же оба слова постоянного эпитета звучат на эолийском диалекте греческого языка («гиппота Герениос»). А Пилос в Мессении, с которым связаны в «Илиаде» Нестор и Нелей, в микенское время был ахейским, позже дорийским; все места нелеидов — ионийские; о. Хиос, куда традиция помещала Гомера, тоже ионийский. Откуда же взялся эолийский эпитет Нестора?

Дело в том, что в «Илиаде» подробности локализации Пилоса двусмысленны: часть относится к более древнему мессенскому Пилосу, где помещался Нелей, а часть относится к трифильскому Пилосу, более северному и более позднему, с которым Нелей не был связан. Вот Трифилия была как раз эолийской, и тоже имела свои Герены. Очевидно, в этих Геренах и помещался источник культа Нестора. А старцем он сделан тогда, когда его связали с семьей Нелея в более престижном мессенском Пилосе, и с ее ликвидацией Гераклом. Геракл ведь ко времени Троянской войны считался героем предшествующего поколения.

Одиссей также не очень прочно закреплен в своем царстве. С одной стороны, он унаследовал

о. Итаку от своих отца и деда — Лаэрта и Аркесилая. С другой стороны, Одиссей почему-то царствует при жизни своего отца, который даже в отсутствие сына не правит, а сам с несколькими рабами, одетый в златанную одежду, обрабатывает свои сад и поле. Правит же на Итаке в отсутствие мужа Пенелопа. У Гесиода отцом Одиссея является Сизиф, сын Эола, живущий на Коринфском перешейке. Древнейшие культы Одиссея находятся вообще не близ моря, а в глубине греческого материка — в Акарнании (*Philippson 1947*).

В «Илиаде» Диомед — царь Аргоса. Но исторических свидетельств его царствования нет. На заре истории в Аргосе выделялись четыре знатных рода, из которых выходили цари Аргоса: претиды, биантиды, персеиды и пелопиды. Ни к одному из четырех Диомед не принадлежит. Так был ли он царем Аргоса? Не буду подробнее разбирать здесь его происхождение — это сделано в моей книге «Бесплотные герои» (*Клейн 1994*), где можно посмотреть и более подробный разбор остальных ведущих героев, фигура за фигурой.

7. Очередность

Итак, герои «Илиады» оказываются не реальными историческими фигурами, а либо богами, «опущенными» до уровня героев и полубогов, либо героями погребальных культов, которые давно стали священными покровителями людей и долго существовали в этом виде, прежде чем вошли в Троянский эпический цикл.

Основными стимулами для их включения в эпос, вероятно, были локальные настроения разных местностей, ожидавших включения в эпос священных героев, наиболее популярных в данной местности. Певцы должны были считаться как с этими настроениями, так и с тем, что местные династии возводили свое происхождение к этим героям. Династические конфликты и союзы могли отразиться в подаче тех или иных героев в эпосе — одних эпос возвеличивает, других осуждает и унижает.

Коль скоро так, ясно, что не было одновременного существования и взаимодействия всех героев в Троянской войне, не было их одновременного коллективного вхождения в эпос. Ясно, что герои входили в эпос порознь, поодиночке, в разное время. Встает вопрос о том, какова очередность их включения в троянское эпическое полотно, вошедшее в «Илиаду».

По счастью, есть неплохой критерий определения древности того или иного персонажа. Этот критерий предложил Пейдж (*Page 1959*), но сам его не

использовал. Я решил его использовать. Этот критерий основан на том, что эпос представляет собой фольклорный текст, и, как во всяком фольклорном тексте, у него есть прочные формулы, которые повторяются многократно, в частности, постоянные эпитеты разных героев, прочно сцепленные с именем героя. Чем дольше существует этот герой в фольклоре, тем прочнее сцепились его эпитеты с именем, то есть тем больший процент в числе его эпитетов занимают постоянные, повторяемые эпитеты. И тем древнее этот герой в эпосе, тем раньше он включен в эпос.

Остается вычитать эпитеты каждого героя, подсчитать список каждого и вычислить проценты, определив долю, занимаемую постоянными эпитетами в общем списке эпитетов данного героя. Вот какие получились числа (каждый может их проверить — разумеется, по греческому тексту, потому что в русском переводе они могут выглядеть несколько иначе).

Елена — 65,

Аякс Оилеев (меньший Аякс) — 55

Александр — 47,

Аякс (Теламониос, великий) — 45,3 (без учета эпитета Теламониос — 31,1)

Гектор — 41,

Ахилл — 40,

Приам — 32,

Феникс — 25,

Патрокл — 23,

Эней — 18

Тевкр — 14

Парис — 0.

Эта выборка, во-первых, близко совпадает с общими выводами, к которым пришли аналитики за два века сюжетного исследования текста. Они всегда относили Елену и Ахилла к древним героям, а Энея — к поздним.

Во-вторых, выборка подтверждает изложенные в этих очерках представления: Елена с Александром оказываются действительно очень древними героями, образ Елены ведь сформирован из древнего божества, а Александр, ее супруг, получил свое имя и статус от реального царя Вилусы-Илиона. Очень древни и Аяксы, раздвоившиеся из первоначального древнего образа. Один из них — это типичный былинный богатырь. Гектор с Ахиллом тоже достаточно древние, но поновее. А вот Приам, Патрокл и Феникс — поздние герои. Эней же — очень поздний. Имя Парис прицеплено к Александру вообще незадолго до записи.

Имена Александра (Париса) и Приама с их процентами постоянных эпитетов (47 и 32) предоставляют нам отличную возможность проверить достоверность всех схемы. Дело в том, что Александр по указанным причинам тесно связан с Вилусой-Илионом, а Приам связан с топонимом Троя. В Ликий древний диалект ликийского языка (ликийский В), уже мертвый к IV–III векам до н. э., назывался на самом этом языке «труели», то есть «по-троянски», а в надписях на этом языке фигурирует имя «При-йяма», близко совпадающее с гомеровским именем Приама. Это позволяет полагать, что образ Приама как-то связан с троянской речью и Троей.

Но ведь говоря о топонимах «Илион» и «Троя», я уже приводил оснащенность их постоянными

эпитетами. Для Илиона это было 47 процентов, а для Трои 32. Точное совпадение с процентами постоянных эпитетов для Александра и Приама!

Нужно ли более убедительное подтверждение того, что представленная здесь хронологическая схема достоверна?

8. Рождение «Илиады»

Остается рассмотреть, как постепенное и поочередное внедрение героев в «Илиаду» могло приурочить общий сюжет о похищении Елены к колонизации побережья Малой Азии, побудить его вылиться в историю столкновения Ахилла с Агамемноном, легшее в основу «Илиады», и затем трансформироваться в канонический облик «Илиады».

1. Получается, что первоначальным ядром всего цикла песен о походе ахейцев на Илион послужил сюжет египетской сказки о двух братьях, отвоевавших у врага жену младшего из них — самую прекрасную женщину на свете. Промежуточным звеном стали сказания финикийцев о Керете, который потерял жену и осадил город, чтобы обзавестись женой снова.

2. В Спарте фигура этой женщины слилась с образом местной богини растительности, регулярно похищаемой и возвращаемой, а на роли двух братьев выдвинулась спартанская пара священных героев — Агамемнон и Менелай, один из них, возможно, тоже бывший бог, другой — неясного происхождения.

3. На Лесбосе тем временем формировалась легенда о том, как в начале колонизации этого острова прибыли из Авлиды (Беотия) колонисты смешанного происхождения под водительством Пенфила, воображаемого или подлинного основателя города Пенфиле на Лесбосе, и местного царского рода.

Это реальное событие произошло в X веке до н. э. Для пущей знатности Пенфилу придали предка из Спарты Агамемнона.

4. Когда же из Лесбоса началось освоение ближайшего побережья Малой Азии — Трои, цель похода Пенфила была перенесена дальше на восток и отодвинута в прошлое, а во главе похода поставлен Агамемнон, ставший царем «златообильных» Микен и главой общегреческой коалиции.

5. В Трое же поход сконцентрировался на Илионе, который долго никак не поддавался колонизации, и древний царь этого города Александр был сделан похитителем прекрасной Елены. На Лесбосе, с его регулярными конкурсами красоты «Каллистейми», проходившими в святилище Геры, был придуман и зачин всей истории — «суд Париса» в конкурсе красоты богинь.

6. Далее, для симметрии с ахейской парой вождей, Александру был придан старший брат Гектор, перенесенный в Илион из круга ахейских героев, потерпевших поражение в Фивах. Здесь ему тоже предстояло потерпеть поражение. Вместе с ним в эпосе оказались и его старые противники, убивавшие его в тех прежних песнях фиванского цикла — Эвфорб и, особенно, Аякс, былинный богатырь.

Так складывался цикл песен об осаде и взятии Илиона ахейцами. На деле Илион никогда не был взят ахейцами. В XIII веке это была лишь мечта. Он не поддавался и в X веке. Греки овладели им значительно позже, незадолго до гомеровского времени.

7. Когда в VIII веке в греческой малоазийской колонии Киме правил царь Агамемнон, ассоциировавшийся с эпическим Агамемноном, противники

этого реального царя, возможно, жители другой малоазийской колонии, Фокеи, действительно воевавшие с Кимой, противопоставили ему своего культового героя-полубога — чудесного охранителя кораблей Ахилла (фокеяне были искусными мореплавателями). Они ввели Ахилла в песни об осаде Илиона, и сделали его соперником Агамемнона и победителем Гектора, затушевав убиение Гектора его прежними победителями. Теперь Ахилл убивал Гектора, измывался над его трупом и выбрасывал его на съедение птицам и псам.

Отсутствие Ахилла в песнях о предшествующих событиях Троянской войны побудило певцов придумать его укрывание от войны матерью Фетидой, а затем воздержание от боев из-за обиды на Агамемнона. И разыграть их ссору (*Wecklein 1923: 47*). Выделившись из всей эпопеи об осаде ахейцами Илиона, сюжет о ссоре вождей в конце войны — песнь о гневе (обиде) Ахилла — стал основой «Илиады».

Наряду с Ахиллом в эпопею вошли и другие культовые образы чудесных героев-помощников — мага-прорицателя Одиссея и героя-всадника с жреческими функциями — Диомеда. Если Ахилл господствовал на островах и в Малой Азии, то в Арголиде его подменял в песнях Диомед, а потом все эти песни включили в «Илиаду» (чтобы не обидно было слушателям в разных местностях) — так получилось, что в ней эти герои дублируют друг друга.

8. Гораздо позже в эпос вошел Приам, царь Трои. Это произошло, вероятно, при слиянии песни об осаде Илиона с песнью об осаде Трои, погибшей значительно раньше. Поскольку место командующего войсками осажденного города было уже занято

(Гектором), Приама пришлось превратить в дряхлого старца и сделать отцом Гектора и Александра.

9. С Приамом схожи по разработке образы двух ахейских старцев — Нестора и Феникса, речистых и сравнительно миролюбивых. Оба они первоначально формировались вне эпоса: один как культовый герой-конник и чудесный целитель, другой как персонаж мифологии, эпоним восточной страны. Но в «Илиаде» оба они, Нестор и Феникс, сосредоточились вокруг образа Патрокла. Своими речами они проясняют смысл деяний и судьбы Патрокла в поэме.

Функционально (по логике сюжета) нужен он в поэме только для того, чтобы мотивировать возвращение Ахилла к боям мстью за гибель Патрокла. Но есть и другая мотивировка возвращения к боям — посольство от Агамемнона и его богатые искупительные дары. Эти мотивировки параллельны, и одна из них не нужна. Поскольку посольство сделано неудачным, а «Патроклия» помещена после посольства, она, видимо, и включена позже. А значит, включение Патрокла преследовало и художественные задачи — он обогащал смысл поэмы.

Прообраз этой фигуры возник в шумеро-аккадском эпосе — там это был Энкиду, друг царя Гильгамеша, которого царь по своей вине теряет. В песнях Троянского цикла этот персонаж стал другом Ахилла, сначала под именем Антилоха, потом Патрокла, и Ахилл тоже теряет его по своей вине. Мсть за погибшего друга стала новой мотивацией возвращения Ахилла к боям. А его чувство вины за потерю друга не только обогатило психологическую палитру певцов, но и внесло в поэму новый смысл — идею милосердия.

С этой идеей связана новая концовка поэмы, в которой новый, милосердный Ахилл соглашается выдать Приаму тело Гектора.

10. Весьма поздно в поэму введены фигуры, представленные как ликийские цари: Сарпедон и Главк. На самом деле это были эпонимы греческих городов-колоний на малоазийском побережье. Один из этих героев, Сарпедон, перед тем, в эпоху колонизации восточного Средиземноморья, был, вероятно, культовым героем греков-мореплавателей, предохранявшим их чудесным образом от столкновения с береговыми скалами.

11. Сугубо новая фигура, выдуманная специально для «Илиады», — Пандар. Он, конечно, никакой не ликиец, каковым он представлен. Черты для создания этой фигуры взяты от образа мифического святотатца, приносившего бедствия людям. Образ этот был связан с заупокойным культом.

12. Еще позже в эпос вошел Эней. Это был эпоним одного из местных племен, воображаемый предок династии, правившей в регионе Илиона в конце VII века и позже, и поддерживавшей афинян в их войне с митиленцами с Лесбоса за Сигей возле Илиона. Для легализации этой династии ее необходимо было связать с воспетыми в эпосе царями Илиона, для чего Эней и был введен в генеалогию Приама и в песни Троянского цикла. С ним, вероятно, вошли в эпос афинские герои.

13. В последнюю очередь усложнился один из старейших образов: Александру придали двойника — Париса. Это эпоним острова Париона — колонии, выведенной с более крупного острова Пароса. Вскоре Парис и Александр слились в одну фигуру.

Формирование канонической «Илиады» окончено.

Так из взаимодействия заимствованных мифологических сюжетов, местных легенд, культовых образов и династических генеалогий складывалась Троянская эпопея, и как часть ее — «Илиада». В очень малой мере вплетались в эпическую ткань исторические события и лица. В гораздо более широком масштабе — реалии древней культуры, исторической географии и быта, но и то — из разных эпох, в смеси и преображении.

Любопытно, что главные образы «Илиады» вошли в эпопею не из исторической действительности, даже не из туманных легенд о ней, а из культовой практики, и, в гораздо меньшем объеме, из мифов. Перед тем, как стать героями эпоса и почитаться за свои военные подвиги, почти все они были фигурами религиозного культа, чудесными помощниками и покровителями в разных сферах жизни, вроде христианских святых, и почитались за свою чудесную помощь, далеко не всегда — военную.

Троянская война, какую она описана в «Илиаде», — не историческая действительность, а ее герои не исторические фигуры. «Илиада» не учебник истории. Но для древних греков она была учебником истории, и еще больше — учебником жизни. Однако ее далеким от реальности героям приданы черты реальных людей — силой народного творчества и талантом певцов. Как и гомеровские боги, это не идеальные фигуры, они проявляют героизм и завидные способности, но также трусость, жадность, зависть, несправедливость. Учат жизни не столько герои «Илиады», сколько ее идеи.

III

Корабли на берегу

1. Споры о «Каталоге кораблей»

Пожалуй, самая знаменитая часть «Илиады» — это «Каталог кораблей». У Гомера нет этого словосочетания. «Каталогом», или «Списком кораблей» среднюю часть второй песни «Илиады», 366 стихов, прозвали филологи. Еще в древности Аполлодор Артемидский написал о нем сочинение в 12 книгах, да и в новое время о нем было написано не менее сотни книг и статей. Этот сухой текст обладал каким-то неизъяснимым очарованием. Даже в годы Второй мировой войны немец В. Бурр корпел над «Каталогом кораблей» (*Burr 1944*). Продолжались попытки вычитать из него тайны Троянской войны и потом.

Станный это список кораблей. Ни один корабль в нем не назван. Только пешие ахейские отряды, и для каждого указано, на каком количестве кораблей он прибыл к Трое 10 лет назад. Вот почти всё, что есть в «Каталоге» о кораблях. «Бессонница, Гомер, тугие паруса...», — писал о нем Мандельштам. Тугих парусов нет, плавания нет. Нет никаких событий, только сухие перечни имен и географических названий. Казалось, автора заботила всего лишь одна мысль: как бы уложить все 223 имени в размер. Но в результате вырисовывается вся география греческой коалиции, прибывшей под Трою-Илион, а прибыла туда почти вся Греция.

Давно уже разгорелся спор, отражает ли этот каталог историческую реальность бронзового века (ведь столько имен и названий!), или всё это взято

из гораздо более поздней реальности гомеровского времени.

Сторонники первой точки зрения (среди них Т. В. Аллен и Д. Пейдж) указали, что все главные центры эпоса — «златообильные» Микены, неприступный Тиринф, Кносс, Пилос процветали в микенское время, в бронзовом веке, а в исторической Греции были ничтожными деревушками или вообще лежали в развалинах. Из 184 мест (сумма всех имен минус имена героев и племен) 129 найдены или приблизительно определены. Так вот, 59 из них имеют микенские слои, зато до античного времени дожило очень мало. Аллен даже считал, что до Гомера дошла через пять веков какая-то ахейская запись со всеми этими именами (*Allen 1921*).

Противники (среди них Г. Яхманн, Ю. В. Андреев) отмечают, что поэма содержит предсказание о гибели Илиона и трех самых крупных микенских центров — Микен, Спарты и Аргоса. Это *vaticinium ex eventu* (пророчество задним числом о том, что уже свершилось). То есть когда писалось это предсказание, правдивость его была гарантирована: городов уже не было. Илион же погиб в XII веке. Из греческих городов Микены разрушены в конце XII века, Аргос и Спарта — не раньше.

Мало из этих городов сохранилось? Так ведь не до античности вообще, а до *поздней* античности, до поздних писателей; это их сочинения до нас дошли. До *ранней* античности сохранялось гораздо больше. С бору по сосенке, всё-таки удалось собрать сведения: из 146 городов (без Фессалии и Итаки) только 54 уцелели до II века до н. э., но пятью веками раньше (ранняя античность) достоверно существовало

1. Споры о «Каталоге кораблей»

не менее 90, да еще десяток — с большой вероятностью. Это две трети (*Jachmann 1958; Андреев 1980*).

Спор идет и по второму вопросу: а вообще реально ли, что под Илион прибыло 29 отрядов, 1186 кораблей, т. е., по меньшей мере, около 100 тысяч человек (от 50 до 120 человек на каждом корабле, сообщает поэма)? Такое огромное войско превышало даже «битву народов» при Кадеше (хеттская коалиция против египетской) в XIV веке. В троянском войске воинов было в десятки раз меньше, чем в греческом, но вместе с союзниками всё же 50 тысяч. Для обороны вполне достаточно.

Однако расчеты показывают, что город вмещал очень мало людей. По раскопкам Г. Шлимана и К. Блегена, в городе было только одно кольцо стен, а вне стен ничего не было. От стены до стены — 200 метров (площадь в 16 тысяч квадратных метров). Это и для тысячи жильцов тесно, а сколько из них воинов? Правда, новые, современные раскопки, под руководством М. Корфмана, открыли город бронзового века за пределами цитадели, и внешнее кольцо стен. Жилое пространство выросло до 80 тысяч квадратных метров (*Korfmann 1992*). Это укрытие для примерно пяти тысяч человек, считая женщин и детей, то есть для одной тысячи воинов. Но это площадь никак не для 50 тысяч воинов. Вместе с гражданскими жителями получилось бы меньше метра на человека. А ведь где-то должны были разместиться тысячи голов скота, пошедшие в пищу за эти десять лет... Два американца, написавшие очередную книгу о «Каталоге», Х. Хоуп Симпсон и Дж. Р. Лэзенби, замечают по этому поводу: «Право же, если „Каталог“ сохраняет точный

в основном отчет о задействованных силах, то греки взяли кузнечный молот, чтобы разбить сравнительно маленький орех» (*Hope Simpson and Lazenby 1970: 161*). И, добавим, девять лет не могли разбить.

«Камнистая Авлида», где собирались греческие герои, чтобы направиться в Трою, — небольшой порт, гавань вмещает всего 50 кораблей (Страбон, С 403), как же туда уместилась тысяча с лишним? Отряд Одиссея состоял из 12 кораблей, это немного (были по 40, 50, 60, 80, 90 и 100), но в «Илиаде» упоминается конкретно всего один его корабль, да и в «Одиссее» практически у него один корабль. Неужто и в других случаях отряды в десятки кораблей — фикция?

Еще Шлиман, раскопавший Илион, признавал: да, божественный Гомер был не бесстрастным фиксатором событий, а поэтом. Он славословил, воспевал и — преувеличивал.

Еще в XIX веке энтузиастам, которые видели в «Каталоге» реальность бронзового века (времени Троянской войны), немец Бенедикт Низе противопоставил свое понимание (к которому в XX веке присоединились Карл Яхман и А. Джованнини): всё здесь позднее, ничего общего с действительностью не имеющее, наложенное на давнюю схему. Наложено певцами из беотийской школы Гесиода (VII века), известной своим пристрастием ко всяческим каталогам. Недаром начинается всё с Беотии: ей и трем ее соседям уделена треть всех местных названий, одна пятая всего текста. По ней иногда даже весь «Каталог» называется «Беотия». А ведь беотийцы почти не участвуют в битвах! Низе пришел к заключению, что «историческая ценность „Каталога кораблей“ равна нулю» (*Niese 1873: 56*).

1. Споры о «Каталоге кораблей»

Кроме того, возникло подозрение, что «Каталог» вообще в «Илиаде» какой-то чужой. Третий пункт спора и составляет соотношение «Каталога» с остальной «Илиадой»: написан «Каталог» для «Илиады», или для какой-то другой поэмы, а потом присоединен к «Илиаде»?

Ведь из 46 ахейских вождей «Каталога» 10 не участвуют в «Илиаде», большей частью вместе с их народами. Кроме того, из 114 ахейских героев, действующих в «Илиаде» за пределами «Каталога», 70 отсутствуют в «Каталоге», в том числе такие выдающиеся, как Патрокл, Тевкр, Антилох.

Странно выглядит перечисление вождей, которые ко времени подачи «Каталога» сюжетом уже не могли участвовать в войне: Протесилай убит при высадке, Филоктет больным оставлен по дороге, на острове Лемнос, Ахилл в гневе устранился от сражений. Они всё же перечислены, а потом приведены оговорки и названы вожди, заменившие двух выбывших: Медонт и Подарк. К чему было сначала приводить недействительные данные, а потом поправки? Естественнее было бы сразу назвать Медонта и Подарка, в крайнем случае, упомянуть, что они заменили выбывших. Зачем вообще считать корабли и гребцов, если прибытие состоялось в начале войны, а с тех пор прошло 9 лет, и корабли бездействуют («Древо у нас в кораблях изгнивает, канаты истлели» — II, 135), а построение сугубо сухопутное?

Отсюда вывод: «Каталоги» не предназначались вначале для «Илиады», и были позднее приспособлены к ней. «Никто не способен меня убедить, — заявил М. Нильсон, — что „Каталог кораблей“ написан тем же человеком, кто сочинил „Илиаду“...» (*Nilsson 1933: 32*).

2. Спутанные карты

Как археолог, я привык к картам и планам. На карте же царства налезает друг на друга, порою совпадают по территории, и исследователи просто из кожи лезут вон, чтобы размежевать их. А надо ли? Если предположить, что все они мыслились существовавшими одновременно (во время ли Троянской войны, или во время Гомера), тогда конечно. Но трудности размежевания говорят о том, что это не так. Что царства существовали (или мыслились существовавшими) в разное время.

Вот у выхода из Коринфского залива (взгляните на карту) расположено царство Одиссея. Оно полностью запирает выход из залива, занимая острова и оба берега залива. Но внутри этого царства, на небольшой группе Эхинадских островов, во главе с Дулихием расположилось царство Мегеса — оно же полностью проглочено царством Одиссея! Как это они существовали одно внутри другого? А южный берег залива в то же время принадлежит четырем эпейским вождям — Амфимаху и другим. «Что-то здесь не так, — признает Пейдж, — и нет у меня веры ни на йоту в обычные объяснения, будь то старые или новые...» (*Page 1959: 163*). И это Пейдж, который убежден в одновременности географических сведений «Каталога», и стремится размежевать царства! Хоуп Симпсон и Лэзенби добавляют: «Но проблемы, связанные с этими западными царствами, трудно, если не невозможно разрешить, и, может

2. Спутанные карты

быть, надо не предусматривать слишком четкие границы; да и не должны все гомеровские пассажи относиться к одному и тому же периоду» (*Hope Simpson and Lazenby 1970: 99*). Вот именно.

В Фессалии три царства — Эврипила, Протесилая и лапифов Полипета с Леонтеем — расположены впритык друг к другу, не мешая и не налезая друг на друга. Но на той же территории оказываются еще три царства, вот они-то мешают благополучию этих. Царство Эвмела частью совпадает с царством Эврипила, частью — с царством Протесилая, область Гуня — с территорией лапифов, а царство Филоктета решительно накрывается царством Эврипила, и вдобавок (это уже наложение в три слоя) почти совпадает с территорией магнетов. Это видел еще Низе. Тем не менее, известный археолог Алан Уэйс считал, что «баронства „Каталога“ являются естественным делением страны», называл это деление «совершенно здравым и понятным» и заявлял: «Взгляды Низе на Фессалийскую часть Каталога подразумевают, что его автор был дурак» (*Wace and Thompson 1912: 254*). Несмотря на опасения заслужить ту же характеристику от преемников Уэйса, я должен стать на сторону Низе. Тщательно пересчитав все упомянутые в «Каталоге» города этих царств и локализовав всё на карте, никак не могу избавиться от вывода: все царства можно разместить в Фессалии только в три слоя!

Хоуп Симсон и Лэзенби, которые всё-таки стараются разместить все царства в Фессалии (*Hope Simpson and Lazenby 1972: 142–143*), конечно, сердятся на этих фессалийцев, вообще-то мало занятых в остальной «Илиаде»: «У многих из этих

фессалийских князей, кажется, одна функция — вносить путаницу в „Каталог“» (*Ibid.*, 159).

На границе между Фессалией и Центральной Грецией расположено царство Ахилла. Оно не очень велико, но полностью покрывает всю территорию, отведенную локрам Аякса Оилида (меньшего Аякса). «Нет средств решить эту проблему», — отмечает Пейдж (*Page 1959: 162, n. 29*). А между тем, это царство Ахилла — главного героя Илиады! Это для него нет на карте отдельного места.

Еще в одном случае взаиморасположение противоречиво, хотя ареалы и не налегают друг на друга. Агамемнон, царь Микен и верховный командующий всех греков, назван в Илиаде повелителем всего Аргоса и многих островов (II, 108). Но в Каталоге Агамемнон не повелитель Аргоса, и не господин островов. Аргос отнят у него и отдан Диомеду, а тем самым Агамемнон отрезан от островов и вообще от морского выхода на восток, от торговых и военных путей к Трое. Уолтер Лиф оценил размещение главных царств автором «Каталога» чрезвычайно эмоционально: «убийственный удар, нанесенный им в самое сердце империи Агамемнона, столь же глуп, сколь и преступен. Он противоречит и истории, и географии, и Гомеру» (*Leaf 1915: 223*).

Проще признать очевидный факт: ареалы взаимоналагаются и — где полностью, где частями — совпадают. А это значит, что «Каталог» смонтирован из различных перечней, с разными географическими представлениями, разными картами Греции. Картами разных эпох.

3. Числа кораблей

При всех этих спорах о происхождении «Каталога» он воспринимался как монолит — «цельного литья», как выразился один исследователь. Но это не так.

Еще в 1905 г. остроумнейший швед Мартин Нильсон подметил (*Nilsson 1905*), что весь «Каталог» построен из ячеек двух типов. Ячейки первого типа образованы по такому принципу: сначала указаны племена, города или местности, потом вожди. В ячейках второго типа сначала указаны вожди, потом города и племена. Размещены ячейки обоих типов вперемешку.

Град Аспледон населявших и град миниеев
Орхомен
Вождь Аскалаф предводил и Иялмен, Ареевы
чада... (II, 511–512).

Это ячейка первого типа.

Царь Одиссей предводил кефалленян,
возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Порите
трепетолистом... (II, 631–632).

Это ячейка второго типа. По структуре такие более аристократичны (выдвигают вперед вождя), и больше соответствуют духу Илиады. Нильсон считал их более поздними.

Современный российский исследователь В. Л. Цымбурский заметил, что ячейки этих двух типов различаются по числам кораблей. В первых

(народно-территориальных) числа крупные и круглые (от 30 до 100), во вторых (вождистских) — небольшие и некруглые (от 3 до 22). Свое наблюдение *Цымбурский* доложил на всесоюзной конференции, созванной «Вестником древней истории» в 1984 г. в Москве. Я был там, и сразу понял, что это шанс для вскрытия структуры «Каталога». Цымбурский не мог использовать этот шанс, потому что верил в микенскую основу «Каталога». Он принял круглые и крупные числа за след реалий микенской эпохи, а мелкие цифры — за позднейшие вставки. Если согласиться с ним, то пришлось бы исходить из реальности несуразного общего количества в тысячу с лишним кораблей. Разумнее принять все числа за сказочные. Недаром среди чисел есть все круглые от 30 до 100, кроме 70 (ἑβδομήκοντα): оно не укладывалось в стихотворный размер, что заметил еще Пейдж.

Начнем с более поздних, вождистских ячеек — с небольшими цифрами.

У нас получается 7 таких ячеек (с небольшими числами), и они разделяются на две группы. В одну войдут Одиссей (12 кораблей), Аякс большой (12 кораблей) и Тлеподем с Ниреем ($9 + 3 = 12$ кораблей). По географическому соседству и ничтожности островка Сим, снарядившего Нирея, даже можно Тлеподема с Ниреем (они и в тексте рядом) объединить в одну ячейку. Все три отряда включают вождей островных (Саламин, Итака и Родос с Симом). Таким образом, все — по 12 кораблей.

Оставшиеся три отряда — Филоктета, Эвмела и Гунья имеют числа кораблей 7, 11 и 22. Нетрудно заметить, что 22 это $11 + 11$, и действительно,

3. Числа кораблей

в этом отряде два народа: эниане и перребы. Это уникальный случай в «Каталоге». В России появилась статья (*Брагинская и Леонов 1986*), доказывавшая, что здесь были две ячейки, которые слились в одну (в Киприях, другой поэме, о начале Троянской войны, числилось, судя по переложению Аполлодора, не 29, а 30 отрядов). Итак, 7 и три по 11. Семерку пока отложим. Все три (или четыре) отряда не участвуют в боевых действиях.

Впечатление такое, будто перед нами регулярные военно-морские формирования: те — по 12 кораблей, эти — по 11. Эскадры разного штатного состава? Но подбор схожих героев в каждой «эскадре», и подбор одинаковых словесных оформлений говорят о том, что это просто разные числовые предпочтения, разные стили мышления певцов. То есть, что у каждой «эскадры» свой автор.

Теперь обратимся к большей серии — к народно-территориальным отрядам с большими и круглыми числами кораблей. В ней 22 ячейки (22 отряда). Основные числа здесь 30 (и производное от него 90), 50 и 80.

Если уж продолжить деление по числам, и начать с меньших, то тут, прежде всего, выделяются в особую группу три отряда по 30 кораблей. Это орхоменский отряд Аресовых сыновей Аскалафа и Иялмена, Косский отряд двух сыновей Фессала — Федиппа и Антифа, и фессальский отряд двух сыновей Асклепия — Махаона и Подалирия, врачей экспедиции. Все эти отряды выделяются и объединяются не только тем, что у них по 30 кораблей, но и тем, что у них всех по 2 вождя, и что корабли у них носят эпитет «полые» (ὑλαφυραί). Только один

еще отряд имеет «полые» корабли, это отряд старца Нестора, царя Пилоса. У него 90 кораблей. Число делится на 30, и все четыре отряда явно принадлежат к одной группе. Рядовые отряды имеют стандартное число, а головной выделен втрое большим числом.

Пойдем дальше. Исследователи давно присматриваются к афинскому отряду Менесфея (50 кораблей): подозревают его поздний возраст (*Wilamowitz 1884; Frazer 1969 и др.*). В нем вся Аттика представлена одними Афинами — уже объединена? (Об этом еще будет речь.) Он редко появляется в «Илиаде», но почти во всех местах, где он проскальзывает, вместе с ним оказываются три отряда из Средней Греции, происходящие из стран, находившихся у выхода из Коринфского залива: эпее (Элида), этолийцы и жители Эхинадских островов. У них всех по 40 кораблей. Для введения этого числа использована стандартная формула («Сорок черных судов принеслося за ним к Илиону»), но она же применена здесь (и только здесь) для введения числа 50 — в афинском отряде. Получается, что Аттика ведет за собой, так сказать, часовых залива, караул против Коринфа. Это понятно: Коринф — ее естественный соперник в овладении морскими торговыми путями.

Еще одна группа выделяется очень четко. По 80 кораблей имеют два героя: Диомед и Идомений. Оба героя выступают в других легендах соперниками верховного вождя. В расстановке обоих отрядов примечательная черта: Диомед поставлен перед Агамемноном, Идомений — перед островными вождями, а если те окажутся вставленными поздно,

3. Числа кораблей

то Идомений — непосредственно перед Ахиллом. В обеих ячейках по две столицы: в аргивской Аргос и Тиринф, в критской Кносс и Гортина. Вторые столицы в обоих случаях носят один эпитет — «τειχίόεσσα» («укрепленный стенами»). Это редкий эпитет: в остальных случаях аналогичное понятие выражается словом «εὐτείχεος» («крепкостенный»).

Есть еще отряд магнетов, стоящий в списке последним — уже сам по себе это намек на позднее включение. В отряде 40 кораблей, но его не удастся связать с другими отрядами, и надо оставить его в изоляции. Отсутствие городов также говорит о его позднем включении: все города к этому времени были уже разобраны.

4. Геометрический стиль и симметрия

Прежде чем рассматривать выявленную структуру, нужно сказать пару слов об одном методическом вопросе.

В начале XX века Э. Дреруп выдвинул идею, что геометрический стиль гомеровского времени (VIII века) должен сказываться на структуре «Илиады» и вообще на эпосе — в частом делении на три части, в симметрии, в рамочной композиции (*Drerup 1903; 1913; 1921: 278*). И. А. Нотопулос подробно анализирует возможности отыскать в эпосе особенности геометрического искусства — прямолинейное движение и построение войск, расположение ахейских и троянских лагерей, круговую (рамочную) композицию, симметрию во всем (*Notopulos 1957*). Б. Андре и Г. Флажар добавили к этому сопоставления («структурные эквиваленты») вазового искусства и гомеровского эпоса (*Andreae and Flashar 1977*).

Ряд исследователей занялся конкретным выявлением рамочных композиций, тройных делений, симметрии в «Илиаде». Применяли эту идею и к «Каталогу кораблей». Уже Дреруп пытался отыскать симметрию в его цифрах. С. Бенардет усматривал симметрию в расположении основных героев в Каталоге: от Одиссея по обе стороны отстоят на 6 мест Ахилл и Агамемнон (*Benardete 1963: 15, n. 1*). Если это намеренное выстраивание, то непонятно, почему в центре Одиссей (второстепенный для «Илиады» герой), а не Агамемнон или Ахилл.

4. Геометрический стиль и симметрия

Уже в начале века Ф. Штелин использовал идею Дрерупа против аналитиков в своей работе «Геометрический стиль в Илиаде» (*Stählin 1923*), и симметрия не раз фигурировала в споре унитариев с аналитиками. Унитарии ссылались на симметрию как на признак, выявляющий единство структуры поэмы, и, следовательно, как на доказательство ее единоличного авторства. Они были очень изобретательны в отыскании симметричных частей и компонентов в «Илиаде». Ф. Штюрмер даже подсчитывал стихи в разных смысловых отрезках — не выдаст ли их количество симметрию? (*Stürmer 1919*).

Аналитики в ответ говорили, что всё это бессмысленно, поскольку никогда и нигде «Илиада» не фигурировала и не должна была фигурировать как целое: она слишком велика (У. Виламовиц), что нельзя на месте древнего певца представлять себе конструктора (Г. Финслер), что все эти деления на две-три равных части просто естественны для любой человеческой деятельности (П. Кауэр), и т. п. (*Wilamowitz 1912: 17; Cauer 1916: 612; Finsler 1924: 261–263*). Я тоже поддерживал эту критику и развивал ее (*Клейн 1998: 10, 218–221*).

Но сама мысль о соблюдении певцами законов геометрического искусства в поэзии плодотворна, если ее не проецировать на всю грандиозную поэму и не воображать певца хитроумным конструктором. Можно полагать, что реализацию этих законов — деление на три части, симметрию, прямолинейность скорее (и гораздо больше) можно увидеть не в композиции самой поэмы (она была более свободна и переменчива, потому сложна), а в изображаемом (и воображаемом) содержании. В том, как певец

представлял себе и слушателям изображаемую реальность, изображаемый мир. То есть более правомерна для исследования та геометрия, которая для певцов была проекцией воображаемых гармоний на изображаемую действительность, проекцией идеальных форм организации, принятых в среде аэда.

Например, по два брата-вождя с каждой стороны (ахейской и троянской), — это, конечно, симметрия, внесенная в «Илиаду» певцами. Вот с этой точки зрения стоит рассмотреть и «Каталог».

5. Открытие симметрии в «Каталоге»

После выделения всех этих групп — двух с малыми цифрами (12 и 11) и трех с крупными и круглыми цифрами (30, 40–50, 80) — оставшаяся подборка в 11 отрядов выявляет поразительную однородность и симметрию. Один отряд (Агамемнона) — это 100 кораблей, два отряда по 60, два по 50 и восемь по 40. А теперь растянем этот перечень, как он идет в тексте, по греческому чтению слева направо, и — взгляните, что получается. *На левом фланге* в боевом наземном построении 4 среднегреческих отряда: головной — беотяне (у них 50 кораблей), за ними 3 по 40, в сумме (без головного) 120. *На противоположном, правом фланге* северо-греческие отряды, их тоже 4: Ахилла (головной, 50 кораблей), 3 по 40, в сумме (без головного) 120. В центре пелопонесская армия: микенский отряд Агамемнона (100 кораблей, вдвое больше, чем в головных на флангах), за ним отряд его брата Менелая и сугубо зависящий от командующего (от него получены корабли) аркадский отряд — 2 по 60, в сумме (без головного) — 120.

Итак,

	Агамемнон		
беотяне — 50	100	50 — Ахилл	
	40	60	40
	40	60	40
	40		40

Когда после вычеркивания выделенных (предположительно поздних) групп передо мной внезапно открылась эта картина, я оцепенел. Так просто и красиво! Бросив взгляд на уже выделенные перед тем группы, я увидел, что ту же структуру имела и группа с афинским отрядом: в нем пятьдесят кораблей, в трех ведомых — по 40, в сумме (без головного) — 120.

Менесфей (Афины) — 50
40
40
40

Пятидесяти кораблям беотийцев, головного отряда левофлангового эшелона, соответствует пятерка беотийских воевод: Аркесилай, Леит, Пенелей, Профоемор и Клоний. Исходя из общей симметрии, мы ожидали бы и на правом фланге, у Ахилла, встретить такую же структуру. Но ее там нет. И естественно: Ахилл уже устранился от боев. Если и было тут пять колонн с 5 воеводами, то встретить их можно было бы там, где войска Ахилла действуют. И верно, обратившись к моменту, когда Ахилл отправляет с Патроклом в бой свои войска, мы этот кусок там находим. Это так называемый Мирмидонский каталог XVI песни:

В брань пятьдесят кораблей Эакид Ахиллес
быстроногий
Зевсов любимец привел к Илиону...
Пять воевод он над ними поставил, которым
и вверил
В войсках начальство...
Первым строем начальствовал пестро-
доспешный

6. Корабли с эпсилоном

Кому принадлежит эта симметрия? С этим связан вопрос о том, как пишется в «Каталоге» слово «корабли» — греческое «нэес». В 20 ячейках оно сохраняет древнюю форму, эолийскую, хотя и поданную в ионийском правописании. Это вполне понятно, учитывая, что эпос был когда-то составлен на раннем диалекте, наминавшем эолийский, а потом попал в ионийскую среду. В этом диалекте слово «корабли» имело долгий «а», в ионийском оформлении его заменили долгим «э» («этой»): νῆες. Но в 9 ячейках вместо этого появляется чисто ионийское диалектное слово, в котором на месте *эты* стоит *эпсилон*: νῆες.

Так получилось, что когда я вдумывался в этот вопрос, у меня дома не было экземпляра «Илиады» на греческом языке. Дождаться, пока попаду в библиотеку, было невтерпех. Я позвонил филологу-классику Н. Н. Казанскому, когда-то посещавшему мои занятия, и попросил заглянуть в «Илиаду» — посмотреть, в каких стихах в обозначении кораблей стоит *эпсилон* вместо *эты*. Он любезно согласился, и после томительной для меня паузы (пока он листал Илиаду) перечислил порядковые номера восьми разных строк. Я сверил со своими выкладками и спросил, не пропустил ли он один *эпсилон*. «Ну, я читал внимательно», — возразил он. «Странно, — озадаченно сказал я. — По моим расчетам, должен быть эпсилон и в стихе 733». «Сейчас

проверю», — сказал он. После недолгого молчания в трубке раздался его взволнованный голос: «Поздравляю вас! Это великолепно: в стихе 733 — эпсилон!» Квалифицированный специалист, тогда кандидат наук (ныне доктор и академик), он сразу оценил значение угаданной строки: проверка теории. И спросил: «Как вы вычислили, где он должен быть?»

Ну, ход моих рассуждений был простым. Из 9 случаев 4 падают на ячейки Несторовой группы, охватывая их все: Нестора, Аскалафа с братом, Махаона с братом (это и был стих 733) и косских сыновей Фессала. Более того, у всех четырех описаний совпадает (или почти совпадает) вся заключительная строка — формула, в которой и содержится слово $\nu\epsilon\epsilon\varsigma$. Вероятно, группа введена ионийцами, на позднем этиле развития эпоса. Как известно, у Нестора особая связь с Афинами и ионийской колонизацией Малой Азии, там живут его потомки.

Далее, в одном случае ионийское слово $\nu\epsilon\epsilon\varsigma$ оказалось в ячейке той группы, где число кораблей в отряде почти у всех 11, но именно в той единственной ячейке, которая оказывается исключением — в ячейке Филоктета. Вместо такого стандартного для этой группы числа здесь 7 кораблей. Семь — священное число Аполлона: он родился семимесячным, при его рождении лебеди 7 раз облетели Делос, ему посвящен седьмой день месяца и т. д. По-видимому, вначале во всех ячейках этой группы числа кораблей были одинаковыми — по 11. Но почему же, мирясь с ними для остальных отрядов, ионийцы не сочли возможным сохранить такую цифру для Филоктета? Особый подход к Филоктету

понятен. Это особый герой в Троянском эпосе: он владеет луком Геракла, воителя Аполлона, и без его участия, по оракулу Аполлона, не может окончиться Троянская война. После выяснения этой воли богов, уже вне Илиады, Одиссей специально поедет за больным Филоктетом на Лемнос, чтобы доставить его в ахейское войско. Махаон исцелит его, Филоктет убьет Александра-Париса, и война закончится. По-видимому, выдвижение Филоктета на эту роль произошло у ионийских певцов, которые и изменили в этой ячейке число 11 на 7.

Все остальные 4 случая с *эпсилоном* падают на самую большую, основную группу — самую раннюю, с изначальной симметрией, и как раз эолийскую по своей природе, но *эпсилон*ы маркируют там изменения, внесенные в ячейки этой группы в ионийское время. *Эпсилон*ы оказываются там во всех тех ячейках, в которых число кораблей — не 40 и не 100. То есть, оба отряда, у которых по 60 кораблей (принадлежащие центру), и оба по 50 (головные на флангах), оказываются тоже с измененным числом. Числом, измененным именно ионийцами. Это изменение выделило головные отряды флангов и (еще большим подъемом) все отряды центрального эшелона, подчеркнув симметрию строя.

В первоначальной числовой схеме, выходит, число 40 было наиболее популярным. А 40 — это четыре вождя (особенно ясно на примере эпеев), по 10 кораблей на каждого вождя. Это отражает характерную для архаической поры греческого мира социальную структуру — 4 филы: гелеонты, аргадеи, гоплеты и эгикореи. То ли касты, то ли сословия, то ли родоплеменные объединения, но они неизменно

6. Корабли с эпсилоном

выступают во всех ранних проявлениях греческого полиса (города-государства). В связи с этим повсеместно выступали тетраполисы (четвероградья). Это архаичное цифровое предпочтение у греков.

Замена же отражала два новшества. Во-первых, в Малой Азии к стереотипной четырехчленной организации добавились еще 2 филы: энопы и бореи. Стало 6 фил, и выдвинулись отряды по 60 кораблей. Во-вторых, в конце архаического времени, в ходе централизации при замене старого порядка новым, реформаторы обычно переходили к десятиричной системе. В конце VI века Клисфен заменил в Афинах четыре филы десятью новыми, в Эфесе 6 племен свелось к 5, дорийцы Родоса перешли от трехплеменной структуры к организации в *пентаполис* (пятиградье). Вот и появились 50-корабельные отряды, а у Агамемнона 100 кораблей. В VI веке самосский философ и математик Пифагор объявил 10 идеальным числом.

7. Стратиграфия «Каталога», Гектор и Пенфил

Установление структуры текста — лишь начало исследования. Нужно развернуть ее во времени, расслоить текст по эпохам — это очень трудоемкое предприятие. Но, в общем, это уже дело техники и удачи.

Копая сверху, археолог снимает за слоем слой, углубляясь к началам. Иногда я (несмотря на запреты инструкций) резал курганы на ломти сбоку, как буханку хлеба, чтобы получить много разрезов. К «Каталогу» я впервые применил немыслимую в археологии методику — проследживать стратиграфию снизу вверх: в смешанном тексте, как и в любой смеси, легче начать с самых броских аномалий, а заметнее отличаются от привычной массы как раз самые далекие от нас пласты, самые ранние.

В предшествующей части была выявлена замечательно симметричная структура, позволяющая думать о ядре «Каталога». В центре — Агамемнон с братом Менелаем и их войска, на флангах — войска союзников: фессалийские герои на правом флаге, воины из Центральной Греции (беотийские и другие) на левом. Бросается в глаза одно нарушение симметрии: на правом фланге Ахилл (вместе с Патроклом) стоит над своими пятью воеводами, тогда как на левом фланге над пятью беотийскими воеводами командующего нет. Место осталось вакантным. Однако симметрия основной группы столь строга и столь абсолютна, что необходимо

предположить: в прошлом такой вождь над пятью воеводами был и у беотийцев, но он радикально устранен на каком-то этапе приспособления «Каталога» к «Илиаде» (или в ходе изменения самой «Илиады»). Кто бы это мог быть?

Это должен быть герой, равноценный Ахиллу, связанный с Фивами (главным городом беотийской территории) и, безусловно, неприемлемый на данном месте для «Илиады» в ее конечном виде. Я долго ломал себе голову в поисках эквивалента Ахиллу (Диомед, Аякс, Одиссей, прочие параметры не подходят), пока пронзительная догадка не сверкнула, как молния, и не осветила все. Такой герой есть, и он есть только один. Это Гектор.

Представляю себе общее изумление и даже возмущение: Как, главнокомандующий троянской коалиции?! Сын царя Приама?! Он стоял на левом фланге ахейцев и воевал против осажденных?! Да, приходится предположить такое неожиданное прошлое у этого героя. Он равноценен Ахиллу по своей воинской доблести — по признанию Агамемнона, с ним и Ахилл «на славных мужам ратоборствах с страхом встречается». Его близкое родство с Приамом недавнее: на 444 упоминания имени Гектора в Илиаде только 26 раз он именуется по отчеству, тогда как Ахилл на 340 раз упоминания имени 104 раза назван по отчеству. У Ахилла одно упоминание отчества к трем упоминаниям имени, у Гектора — одно к семнадцати.

Связью Гектора с Фивами давно заинтересовались многие видные гомероведы (*Dümmler 1890; Bethé 1901: 71*). Известно предание о его могиле в Фивах. Его жена Андромаха родом из Фив, правда,

других, маленьких, у горы Плак, но это, вероятно, подгонка к новым условиям — никаких сведений об этих других Фивах просто нет, реальны ли они? (*Stählin 1907*). В табличках микенской письменности есть имя Гектор. Плутарх сообщает о том, что Гектор воевал на греческом материке, овладел Трезеной в Арголиде. В царской династии Хиоса еще в VII веке существовало имя Гектор — выходит, это греческий герой! (Я пишу об этом также в главе «Герои „Илиады“».)

Ахилл, Диомед, Аякс — это были полубожественные богатыри соседних с Фивами царств, и их соперничество с этим центром отразилось в песнях об их борьбе с Гектором. После поражения Фив в XIII веке (отразившегося в эпосе об Эпигонах), военные интересы греков полностью переключились на восток, в Малую Азию. Туда же были перенесены и деяния древних героев. Для певцов и слушателей «наши» — это, конечно, герои-победители. Победенными, в конечном счете, бывают только враги. Герой побежденных должен был уйти на противоположную сторону. Исключительная древность всех этих богатырей видна из их вооружения: башенные щиты XVI–XV веков, характерные для Аякса и Гектора; у каждого из них, а также у Ахилла часто по одному копьё, вместо более поздней пары дротиков, характерной для других героев. Любопытно, что деление беотийцев при Гекторе на 5 колонн нашло отражение в его же делении всего троянского войска на 5 громад (песнь XII).

Возвратив Гектора грекам, мы восстанавливаем симметрию, нарушенную его «переходом» на троянскую сторону.

Есть и еще одно нарушение симметрии. Эшелон беотийцев (то есть, предположительно, бывший эшелон Гектора) оказывается в географической проекции и впрямь левым флангом коалиции Агамемнона (при развороте ее фронтом на восток). Эшелон же Ахилла рекрутирован не из стран, обременяющих правое крыло коалиции (это могли бы быть Крит и другие острова), а, наоборот, из Северной Греции, то есть из стран, лежащих левее левого фланга. Отряд Ахилла, головной в этом эшелоне, совпадает по территории снарядившей его страны с отрядом локров Аякса-меньшего, входящим тоже в основную группу. Более того, отряд локров уже был в ней к тому времени, когда отряд Ахилла (а с ним и весь эшелон) был присоединен к этой группе: Аякс Оилид управлял многими городами (названы Кинос, Опунт, Весса, Калиарф, Скарф, Авгея, Тарфы, Фроний), а Ахиллу-то их почти не осталось. Только Алос, Алоп и Трахина. Они на той же территории (вперемешку с городами Аякса), но их не удосужились назвать в числе городов Аякса, вот они и остались Ахиллу. Даже Опунт, где родился любимец Ахилла, его заместитель Патрокл, — у Аякса.

Вывод: весь Ахиллов эшелон добавлен к прочим отрядам в основной группе, когда она уже существовала. Присоединен цельным блоком, занимающим сплошную территорию. Он был придвинут к уже существовавшей системе справа — для того, чтобы Ахилл считался правой рукой Агамемнона. Действовал стародавний обычай, сформулированный Геродотом: «полемарху (полководцу) быть во главе правого крыла» (VI, 111).

Что же остается в исходной группе, если отнять правое крыло во главе с Ахиллом? Остается 7 отрядов: беотяне, локры, фокеяне, абанты (с Эвбеи), микенцы, лакедемоняне и аркадяне. Вот это и есть реальный состав, но иной эпохи. Он почти в точности совпадает с той эолийской флотилией, которая, по Страбону (IX, II, 3: XIII, I, 3), много позже ахейского времени, отплыла под руководством потомков Агамемнона — и именно из Авлиды! — на восток, чтобы основать колонии в Малой Азии. Из семи отрядов в этой поздней экспедиции не было лишь фокеян. Во главе ее — внуки Агамемнона, сыновья Ореста Пенфил и другие. Их первым пристанищем был остров Лесбос, и еще в VII веке там правили Пенфилиды.

Там-то, на Лесбосе, и была сложена легенда о походе Агамемнона. Большинство эолийских колоний было основано, по археологическим данным, около 1000 года (*Cook 1964; Stubbings 1964; Boardman 1973*). Следовательно, легендарная отправка Пенфилидов из Авлиды относится к рубежу XI–X веков, а сложение легенды об этом событии — ко времени внуков и правнуков первых поселенцев, т. е. к началу IX века. А уже в VIII веке началась экспансия с Лесбоса в Троаду, что засвидетельствовано археологическими находками. Давний, еще микенского времени, заморский поход ахейцев на Илион, веками служивший темой героических песен, должен был приобрести особую злободневность для лесбосских Пенфилидов, когда началась их собственная экспансия в Троаду. Именно в это время легенда об отплытии из Авлиды и была перенесена на лаконского

7. Стратиграфия «Каталога», Гектор и Пенфил

(спартанского) царя Агамемнона, а легенда об Агамемноне — на давний микенский поход, и они — все три — слились. Для их оформления была использована мифическая история, популярная на Лесбосе с его конкурсами красоты (каллисфеями), о похищении самой красивой женщины мира — Елены (см. Клейн 1994: 54–55, 178).

Чуть позже Лесбос обладает уже развитой и яркой поэтической традицией. Во второй половине VIII века здесь Лесх Митиленский создал Малую Илиаду. Вскоре на Лесбосе засверкали звезды греческой поэзии — Терпандр, Арией, Алкей, Сапфо... Звезды не вспыхивают на пустом месте. Теперь мы знаем, что им предшествовало раннее развитие народной поэзии, в котором откристаллизовались основы эпоса о Троянской войне.

8. Родина Ахилла и Агамемнон

А кто же присоединил Ахилла и его спутников к этим 7 первоначальным отрядам? Кто ввел в Троянский эпос будущего основного героя «Илиады»?

При первом же обращении к культам Ахилла (Hooker 1988) поражает одно обстоятельство: их практически нет в Фессалии, на его родине. Даже в Фарсале — городе, где, по преданию, он родился. Равнодушие земляков кажется особенно странным на фоне повсеместного почитания Ахилла: ему воздают божеские почести в Лаконии, Аттике, Аркадии, Малой Азии. Да уж подлинно ли он родом из Северной Греции?

Вместе с Аяксом-большим Ахилл принадлежит к роду Аякидов (Эакидов), процветавшему еще в V веке на о. Эгине и в Фокиде. (Аяк и Аякс в русской традиции передачи греческих имен также пишутся и как Эак и Эант, отсюда род — Эакиды.) По мифологии, род этот тесно связан с морем. Он многократно породнился с морским старцем (духом моря) Нереем. Зевс породил Аяка с nereидой Эгиной, по имени которой якобы и назван остров (на деле, конечно, она носит имя, взятое от острова). Одним из трех сыновей Аяка был Фок, родоначальник фокеян. Мать его, nereида Псаммафе, убегая от суженого, обернулась тюленем, отсюда якобы имя сына: «фокос» по-гречески «тюлень». Еще одна дочь морского старца, Фетида, хорошо известная по Илиаде, убегая от другого сына Аяка, Пелея,

оборачивалась разными существами, в том числе змеем, морским драконом, рыбой. От «змея» (по-гречески «ахис», «эхис») некоторые языковеды производят имя Ахилла. Третий сын Аяка, Теламон, — отец Аякса.

Теперь уже нетрудно определить в Малой Азии ту среду, которой в первоначальном ядре эпоса недоставало Ахилла. Это были фокейские колонисты, выходцы из Фокиды — те самые, которых не хватает «для полного комплекта» среди эолийцев Пенфила. Фокеяне откололись от своих эолийских соплеменников, и вместе с выходцами из Афин и с Пелопоннеса основали на полуострове Фокею, которая вскоре стала самой северной ионийской колонией — ионийским анклавом в эолийской среде. При этом им пришлось выдержать упорную и длительную борьбу с царем соседней эолийской Кимы. Сначала то был Меннес...

И тут разъясняется одна из поразительных загадок Илиады: двойственное отношение к вождю своей коалиции Агамемнону. Он смелый, доблестный и могучий царь, и он же коварный, злобный, завистливый и трусливый. Под восхвалением и воспеванием скрыта вражда к нему. Эту ноту, по-видимому, внесли жители Фокеи. Дело в том, что после Меннеса в Киме, с которой враждовала Фокея, правил царь Агамемнон. Да, самый настоящий Агамемнон. О нем известно, что он отдал дочь замуж за фригийского царя Мидаса. Мидас — не только легендарная, сказочная фигура (он превращал всё, к чему прикоснется, в золото, имел ослиные уши и т. п.). Он лицо историческое, подтвержден как современник ассирийскими и фригийскими надписями второй

половины VIII века (Клейн 1994: 49). Бороться с тестем могущественного фригийского царя было не легким делом. Но молодая Фокея это выдержала. Ей помогло вступление в Ионийскую лигу. Тогда-то и была оформлена ионийскими $\nu\epsilon\epsilon\varsigma$ возникшая симметрия ахейского войска — задолго до появления Филоктета и, конечно, до включения отрядов Нестора.

Фокейцы славились как бесстрашные и предприимчивые мореходы, они освоили всё Средиземное море, плавали к берегам нынешней Франции, и основали там колонию Массилию (ныне Марсель). Почитание ими «охранителя кораблей» естественно. Фессалия же стала родиной Ахилла по очень простой причине. К рубежу VIII–VII веков Фессалия превратилась в единое государство, воздействие которого распространялось по всей Центральной Греции. Она приобрела огромное влияние в Дельфийской амфикинии (религиозно-политическом объединении морских государств). В это время многих героев стали перемещать на север, в Фессалию — лапифов, кентавров, аргонавтов. Не избежал этой участи и Ахилл.

9. Союз Геры с Посейдоном

После лесбосской и фокейской групп одна из самых ранних — та, что имеет по 80 кораблей в отряде: Диомед и Идомений, то есть Аргос и Крит. Характерное для них число кораблей образовано удвоением наиболее обычной цифры — 40, и это лучший способ выделить отряды после того, как 50 и 60 уже задействованы (а 70, напоминая, использовать невозможно). Идомений — сын Девкалиона. Мифический Девкалион, царь Фтии, считался отцом Эллина, а тот — отцом Дора, родоначальника дорийцев.

Аргос Диомеда — тоже дорийский регион. Потомки Диомеда числились в Аргосе хранителями аргивского Палладия, священной статуи Афины, якобы привезенной из Трои, но главной богиней Аргоса была Гера. Аргос в пору своего позднего возвышения перетянул на себя мифы более раннего центра — Тиринфа. В Илиаде Гера с Афиной дважды появляются на одной колеснице — в V и VIII песнях. Примечательно, что среди фресок Тиринфа есть одна, изображающая двух женщин на одной колеснице. Это, несомненно, Гера и Афина.

Союз Геры с Посейдоном не находит мотивировки в мифах и, видимо, объясняется локальным совпадением культов. Но где? В «Илиаде» есть герои, которым эти божества особо покровительствуют. Гера заботится о Диомеде, Посейдон — об Идомеене. Где сошлись эти локальные герои?

Культы героев Диомеда и Идоменея могли соединиться только в одном месте — на Самосе. Критская

колонизация охватила Самос, колонизованный аргивянами. Еще в VII веке из Самоса выведена колония Минея (по имени критского царя Миноса), а одно из самосских племен, энопы, носило имя-название по другому критскому царю — Энопиону. Там же сливается почитание Геры и Посейдона. На Самосе было древнее святилище Геры, перенесенное туда из Аргоса. Гера считалась супругой Зевса отнюдь не во всей Греции: в Средней Греции (Афины) и Северной (Додона) его супругой была Диана (она мельком выступает в этой роли и в «Илиаде»).

В конце VIII века на Самосе явно был политический интерес к району проливов. Жители Самоса обосновались там, овладев большим островом напротив Трояды, который в «Илиаде» называется еще Самосом Фракийским, а в классическое время Самофракией. Примечательно, что именно этот остров стал в «Илиаде» местом восседания Посейдона — там он сидел, «созерцая войну и кровавую битву» (XIII, 11). Это примечательно потому, что Посейдон был главным богом Ионийской лиги. Именно Посейдон вызывает Идоменея на аристию (военные подвиги).

На Самосе традиция знает Креофила, который выдавал то ли свои произведения за гомеровские, то ли гомеровские за свои. Собственным его творением была поэма «Взятие Эхалии», сюжетом которой был последний подвиг Геракла. В этой связи любопытно очень частое упоминание Геракла в «Илиаде», особенно по сравнению с редким упоминанием других аналогичных героев — Тезея, Язона. Почти все упоминания Геракла сосредоточены в песнях, главным героем которых является Диомед (Клейн 1998: 127 и табл. 29).

10. Афиняне в Троаде

Полсотни, и три по 40. Эта структура, в которую, в конечном счете, отлились фланговые эшелоны симметричной схемы, повторяется в группе, головным отрядом которой является афинский; — повторяется, но без ионийского изменения числа кораблей: 50 здесь было с самого начала.

Когда афинский отряд вошел в «Каталог»? Обращает на себя внимание одиночество Афин в своей области — Аттике. Будто и не было Браврона, Элевсина и других городов в ней. Аттика явно была уже объединена, и Афины были ее единственным представителем. По стеканию культов богов и героев в Афины исследователи проследили, что объединение 12 городов Аттики завершилось к VII веку.

Именно в VII веке Афины ввязались в войну с Митиленой, городом на Лесбосе, из-за пролива в Троаде. Они построили колонию Элеус на фракийском берегу и захватили у Митилены город Сигей — на азиатском. Сигейская война длилась долго. В конце концов исход войны решило обращение к третейскому судье — правителю Коринфа. Он, тоже из рода лапифов, присудил Сигей Афинам. Не сказалось ли на решении то, что Афины выступали вместе со странами, запирающими выход из Коринфского залива, от которого целиком зависела торговля Коринфа?

11. Дюжина и одиннадцать

Очень занимательна группа ячеек, где число кораблей делится на 11. Для фольклорных и мифологических чисел это — редкостное предпочтение. Двенадцать — иное дело. Двенадцать богов восседало на Олимпе, и Гермес в Гомеровском гимне делит мясо на 12 порций. Амфикифия Дельфийского святилища насчитывала 12 городов (*Страб.* С. 420). В Афинах было 12 фратрий. Гомер очень часто использует это число: у Одиссея по 12 стад волов, овец, свиней и коз, у Пенелопы 12 рабынь, у Ниобы 12 детей, и т. д.

Объяснить одиннадцать можно только спецификой греков в Малой Азии. Дело в том, что к VII веку греки образовали в Малой Азии два объединения — Ионийскую лигу и Эолийский союз, оба по 12 городов (это вообще было очень частое священное число, особенно в сложении союзов, так как есть по ответственному на каждый месяц). Но после захвата ионийцами Смирны в Эолийском союзе осталось только 11 городов, и все взносы, жертвоприношения, дележ добычи, и т. п. стали раскладываться на 11 частей. Число 11 стало священным у них в VII веке.

Кима, столица Эолийского союза и оплот нового Агамемнона, имела свои интересы в Трое: ей принадлежала там колония Кебрен. Враждуя с Фокеей, Кима по примеру Фокеи тоже включила в «Каталог» плеяду северных героев — Филоктета, Эвмела

11. Дюжина и одиннадцать

и Гуней. Кроме того, она, видимо, подвергла исправлению места, унижительные для Агамемнона.

Если с афинской группой, магнетитами и группой 11-корабельных отрядов сохраняется некоторая неясность, кто из них возник раньше, кто позже, то следующая группа, 12-корабельных отрядов, несомненно, позже их всех. В группе 3 (или 4) отряда; их ведут Одиссей, Аякс, Тлеподем с Ниреем. Хронологию дает Аякс.

Сразу за «Каталогом кораблей» помещена похвала коням. После пространного восхваления кобылиц Эвмела из 11-корабельной группы (они «на бегу, как пернатые, быстры»), следует восхваление коней Ахилла. Но между ними вставлено нечто совсем не о конях:

Из мужей же отличнейшим был Аякс Теламонид,
В гневе доколе Ахилл пребывал; он-то был
самым могучим (II, 768–769).

Странно сразу после этого читать: «Также и кони, возящие беспорочного Пелида...» Аякс вообще никакого отношения к коням не имеет, он в Илиаде всегда пеш. Пассаж об Аяксе (такие же две строчки, как в самом «Каталоге») — вставка, а с ним — и 12-корабельная группа.

Два других отряда тоже кое-что дают для хронологии. Отряд Одиссея раздвинул отряды стран у выхода из Коринфского залива. Это естественно. Но было бы странно, если бы они его охватили с двух сторон. Выше уже отмечалось, что отряд Тлеполема вставлен между отрядами Идоменея и Ахилла — соответственно, он позже их. Как можно было видеть, градация по числу 12 распространена у греков

очень широко. Но ведь в этой группе все вожди — островные. В чем же секрет их связи с числом 12? Для разгадки секрета надо бы определить, кто главный в этой группе. По могуществу явно Аякс, по рангу в «Илиаде» — Одиссей, но по значению для «Каталога» — Тлеполем: Аяксу уделено всего 2 строчки, Одиссею — 7, Тлеполему же — 18 (а считая с Ниреем, и все 23). Ради Тлеполема и включены они все трое в «Каталог». Принадлежащий Тлеполему Родос — главный из Додеканесских островов, а «Додеканес» ведь и значит по-гречески «Двенадцать островов».

12. Появляется божественный певец

Осталась последняя группа — отряды, имеющие по 30 кораблей, с головным отрядом трижды тридцать: это царь Пилоса Нестор, врач Махаон (его, раненного, вывозит с поля боя Нестор), сыновья Фессала и Аскалаф.

С самого начала «Каталога» определяется поздняя позиция этой группы. «Каталог» начинается с беотийского отряда, затем, описав орхоменский отряд Аскалафа, перечень переходит к фокеянам. Итак, беотийцы — Орхомен — фокеяне. Но оканчивается представление фокеян в «Каталоге» словами: «И близ беотян на левом крыле ополчались к бою» (525). Близ беотян, а не близ орхоменцев Аскалафа — как будто этих тут и не было! Фокеяне оказываются не третьим отрядом, а как бы вторым. Ясно, что когда описывались отряды беотян и фокеян, отряда орхоменцев между ними еще не было. Значит, вся группа Нестора введена позже, все ее отряды.

Старец Нестор со своими соратниками, прибывшими на «полых» кораблях, оставил эпоху дорийского нашествия далеко позади. Ведь в числе его подопечных значатся сыновья Фессала, внуки Геракла, правящие на о. Косе. С Гераклом связывались дорийские династии. Геродот сообщает, что дорийцы прибыли туда с Арголидского полуострова, где они утвердились раньше, т. е. прибыли не в ходе первого вторжения, а позже. Именование обоих царей сыновьями Фессала показывает, что

дорийцев считали пришлыми с севера Греции — там Фессалия.

И, конечно, демонстрирует, что не только дорийцы, но и фессалы были уже в Греции. По Фукидиду, фессалы прибыли в Фессалию тогда же, когда и беотийцы в Беотию — после Троянской войны. По археологическим основаниям — в XII веке. После этого должны были пройти века, чтобы эпический поэт, воспевавший Нестора, мог назвать *древних* дорийских царей Коса (ведь Троянская война мыслилась происходившей в древности) *сыновьями* Фессала, внуками Геракла.

С Нестором их связывает культ бога-врачевателя Асклепия, сына Аполлона. Кос — очаг Асклепиадов (у них обучался медицине Гиппократ). Но центр был в Трикке, поименованной первою в царстве Махаона. В Мессении, на территории Нестора, существовал храм Асклепия Триккейского — воспроизведение того, что в Трикке. А Орхомен? Как с этим городом Аскалафа, сына Ареса — бога войны? Храм Асклепия там есть, но, странное дело, среди 21 святилища в Орхомене нет храма Ареса. Но вот что способно объяснить это: сходство имен Аскалаф (Askalaphos) и Асклепий (дор.-эолийск. Asklepios, фессал. Askalapios, лат. Эскулап). Здесь какое-то догреческое божество раздвоилось: один образ стал сыном Аполлона, врачом, а другой — сыном Ареса, бога войны. Оба имеют отношение к ранам: один их наносит, другой исцеляет. Культ Асклепия был и на Кикладских островах, в частности на Делосе (Клейн 1994: 132–133).

А Делос очень важен потому, что был местом общегреческих состязаний певцов в честь Аполлона.

специальным исследованием Г. Т. Уэйд-Гери (*Wade-Gery 1936*). Автор гимна поставил и «подпись». Правда, в «подписи» он не назвал своего имени, но кое-что сообщил о себе:

Все прощайте, и все потом обо мне вспоминайте.
Всякий раз, когда от людей, на земле живущих,
Некто, из дальних стран прибыв, спросит,

удивленный:

«Девы, поведайте, кто всех певцов

превосходней,

Вас навещает тут и более всех улаживает?»

Вы же все разом так сему чужестранцу ответьте:

«То слепец, а живет он на Хиосе крутобрежном,

Песни же будут его всех лучше и в дальние

веки» (165–173).

Слепец с острова Хиоса! Два указания — и оба, что называется, в точку: слепой и хиосец. Греческая традиция не сомневалась в слепоте Гомера. «Мужа с острова Хиоса» называет автором «Илиады» поэт Симонид, то ли с Аморгоса (тогда это VII–VI века), то ли с Кеоса (тогда это на век позже). Хиос — общепризнанная родина древнего рода певцов — Гомеридов, производивших себя от Гомера (*Wade-Gery 1952*). Есть одно тонкое подтверждение идеи о том, что Нестора и его соратников ввел в «Илиаду» именно этот поэт: все его предшественники описывали корабли как «черные», «чернобокие», «красноносые», а этот — только как «полые» — он не видел цвета. Он мог только постучать по корпусу корабля.

IV

Троянский диакосмос

1. Параллель «Каталогу кораблей»

Сразу же за «Каталогом кораблей», тут же, во II песни «Илиады», помещена параллель «Каталогу кораблей» — «Каталог троянских сил», который у древних (*Страб. XII 524*) назывался *Τρωϊκὸς διακόσμος* (Обозрение троянского мира). Этот «Каталог» тесно связан с «Каталогом кораблей», но одни исследователи рассматривают их вместе, другие — нет: Троянский отдельно. Даже относят «Троянский каталог» к другому поэту и другому времени.

Исследователи ставят «Каталог троянских сил» значительно ниже «Каталога кораблей» по содержательности. Пейдж отмечает, что он чрезмерно краток — в нем 62 стиха против 265 стихов «Каталога кораблей»; он упоминает всего 26 имен, из которых 8 не появляется в «Илиаде» и только 5 принадлежат героям, активно действующим в «Илиаде» (*Page 1959: 140*). Кроме того, в нем очевидно плохое знакомство с географией ионийских областей Малой Азии — Боспора, Черного моря, Смирны (*Ibid. 138–140*). Хаксли пишет, что каталог несколько странен: в нем нет не только эллинских колоний гомеровского времени, нет в нем и древних ахейских городов (*Huxley 1956: 24*). Джованнини высказывается резко: «Каталог Троянцев ... представляет заурядный интерес: его автор (неважно, был ли он также автором Каталога Ахейцев, или нет), кажется, имеет чрезвычайно слабые представления о географии

Малой Азии» (*Giovannini 1969: 32*). Пейдж считает, что этот каталог был составлен до начала ионийской колонизации, но после ликвидации микенской, когда многие места уже были покинуты ахейцами и забыты (*Page 1959: 142*). Такова обычная оценка этого каталога по сравнению с ахейским.

Между тем, 18 из 26 троянцев и их союзников действуют в «Илиаде» за пределами каталога, и сюда входят многие основные вожди троянской коалиции — Гектор, Эней, Сарпедон. «Каталог» введен в «Илиаду» с той же мотивировкой, и организован по тому же принципу, что и «Каталог кораблей». Как и у того, у него есть оторванный от основного тела кусок — «Малый Троянский каталог» в XII песне. Напрашивается предположение, что главный «Троянский каталог» и создавался так же постепенно, теми же поэтами.

Какова мотивировка этого каталога? Каков принцип его строения?

Введение «Каталога кораблей» мотивировано советом Нестора разделить войска по племенам и коленам: «Пусть помогает колено колену и племени племя» (II, 363). Следует перечень строящихся войск, это и есть «Каталог». Агамемнон непомерно восхваляет Нестора за этот совет, но в «Каталоге» перечисляются не строящиеся войска, а корабли. «Каталог», однако, устроен вообще не по племенному, а по территориальному принципу: рядом друг с другом стоят не соплеменники, а соседи, племена же (эолийцы, ионийцы, дорийцы) стоят вперемешку. Да и в предыстории «Каталога», как можно было видеть, отряды объединялись общими культами, а не общим происхождением. Мотивировка введения

1. Параллель «Каталогу кораблей»

«Каталога» очень искусственная, и некоторые исследователи считают речь Нестора вставкой. Нестор, как мы теперь знаем, в «Илиаде» поздний герой, и перенос «Каталога кораблей» в «Илиаду» из другой поэмы, вероятно, и впрямь дело позднее.

«Троянскому каталогу» предпослано аналогичное введение, созданное по образцу и подобию совета Нестора. Только тут совет подает богиня радуги Ирида, вестница Зевса. В облике Приамова сына Полита она обратилась к царю Приаму, не очень почитительно упрекая его в многоречивости, хотя Приам еще не сказал ни слова, затем сообщила о приближении невиданного войска противника (это на десятый-то год войны!), и, наконец, подала Гектору совет разделить рати троянцев и союзников по языковому признаку. Совет явно излишний: неужто как-то иначе строилось разноязыкое войско до этого совета? Как же можно было им командовать? Правда, богиню никто не хвалит за этот совет.

Я не собираюсь модернизировать поэтику древнего эпоса и подходить к народным певцам того времени с современными мерками. Ну, не предъявляю же я претензии Гомеру по тому поводу, что у него боги действуют наравне с людьми (впрочем, после Булгакова нечто подобное стало и для наших дней не столь уж странным). Не удивляюсь и тому, что у него постоянные эпитеты окаменели, и небо называется «звездным» даже в ясный день, или что враги-иноплеменники носят греческие имена. Не смущаюсь и тем, что герои знают о событиях, которых не наблюдали, — знают потому лишь, что об этих событиях говорилось в поэме раньше (т. е. наивно предполагается, что герою известно всё,

что известно певцу и слушателям). На всё это можно закрыть глаза.

Но и по древним представлениям божеству не подобает подражать смертным, и совет Нестора звучал бы лучше, как повторение совета Ириды, а не в качестве образца для него. И древним (в частности, греческим, комментаторам Гомера) казалось странным, что троянцы узнают о размерах вражеских войск только на десятый год войны. Могло бы показаться странным также, что лишь для этой поздней битвы они собрались разделить по языковому признаку и построить каждый народ отдельно, да еще выслушивают столь «дельный» совет от мальчишки! Искусственность этого эпизода бросается в глаза, и смысл совета только в одном: в подражании совету Нестора, в создании аналогичной мотивировки введения «Каталога». Что же, сколок с ахейского?

2. Парад троянской коалиции

«Троянский каталог» лучше приспособлен к своей функции: это не список кораблей, а строй пеших войск. Он значительно меньше и скупер «Каталога кораблей» и зародился, видимо, позже. Но зародился не просто как копия, сколок с готового «Каталога кораблей», а как список, развивавшийся параллельно с ним.

Перед нами разворачивается как бы парад троянских сил перед боем. Вначале отряды проходят не так, как ахейские. Те — как на современном параде: по-батальонно! с левого фланга! правое плечо вперед! марш!!! А эти — начиная с отряда верховного вождя. В троянском каталоге 16 отрядов. Они четко сгруппированы в три эшелона.

Сначала (первым эшелоном) идут два отряда — троянцы Гектора и дарданы Энея. Это первый эшелон, головной. Гектор командует здесь один (в «Малом троянском каталоге» XII песни при нем Пулидамант). Эней — вместе с двумя сыновьями Антенора (с ними же он и в «Малом каталоге»). Дарданы в троянской коалиции на втором месте после троянцев, и никогда в «Илиаде» не называются союзниками троянцев. Они ближе: почти троянцы. Стандартное обращение гласит: «Троянцы, дарданы и союзники» (*III*, 456; *VII*, 348; *VIII*, 497). Таким образом, это хоть и не троянцы, но очень близкий к ним по функции в эпосе народ. Да и Эней, их повелитель, является родственником царя

Приама и претендует на его наследство (на это издевательски намекает Ахилл в XX песни). Вот Эней рядом с Гектором и возглавляет список.

Очень похоже, что, несмотря на древность дарданов (известны с битвы на Кадеше!), дарданы Энея введены в эпос очень поздно, когда распределение на троянцев и союзников было уже традиционным. Но ни к тем, ни к другим дарданов Энея оказалось неловко причислять. Они не союзники, потому что их предводитель Эней должен занять место в центре коалиции, но они и не главный народ, потому что главные — это троянцы. Вот и вдвинуты они между троянцами и союзниками.

В обеих ячейках «Каталога» — троянской и дарданской — только названия народов и вождей, без сведений о местностях. Это также их объединяет, и отделяет от прочих.

Затем идет второй эшелон — три отряда (с третьего по пятый) с очень подробным, вполне в духе «Каталога кораблей», перечислением небольших городков Трояды, распределенных по трем районам, которые отправили эти отряды под командованием, соответственно, Пандара, Азия и сыновей Мeroпа — Адраста и Амфия. Народы здесь указаны всегда наперед вождей. Здесь много местных названий, и совершенно очевидно, что этот эшелон создавался тут же, в Трояде: знание местной географии очень уж детальное.

Наконец, с шестого отряда и до конца перечисляются союзники. Это третий эшелон. Здесь ход перечня меняется. Союзники перечисляются параллельно ахейцам — в направлении с северо-запада на юго-восток — от европейских жителей пеласгов,

2. Парад троянской коалиции

фракийцев, киконов и пеонов к пафлагонцам, населявшим север Малой Азии, оттуда к гализонам, которые обитали где-то за пафлагонцами, переходя затем к мизянам и фригийцам, жившим южнее и восточнее Трояды, и, в завершение, к меонам, карийцам и ликийцам, населявшим дальнее юго-западное побережье Малой Азии, одни южнее других.

Это принцип территориального соседства — певцы помещали ячейки, строго выдерживая географический порядок.

Но с точки зрения литературной формы ячеек (применяя критерии, выработанные на анализе «Каталога кораблей»), этот третий эшелон составляют две группы отрядов, следующих вперемешку. В одной представлены те отряды, где, так же, как у предшествующих, впереди указан народ, а уж затем названы вожди. Таких отрядов 4 — это фракийцы, пафлагонцы, гализоны и мизяне. В другой группе — резкое отличие от всех предшествующих: впереди указаны вожди, а затем ведомые ими племена. Этих отрядов 7: пеласги, киконы, пеоны, фригийцы, меоны, карийцы и, последним, ликийцы.

В обеих группах третьего эшелона содержатся скромные географические указания. Только в одной ячейке первой группы (пафлагонцы), и в одной ячейке второй группы (карийцы), указания более подробные. Но во втором случае это указания не географические, а в отношении пафлагонцев требуется поправка: в древних рукописях три строчки с подробностями (перечень городов и местностей) отсутствуют, они прибавлены во II или I веке до н. э.

3. Классификация и география

Если исходить из того же критерия, что и применительно к «Каталогу кораблей», то те ячейки, где вождь назван впереди, должны быть в основном более поздними, а где впереди массы — более ранними (возможные исключения — группа Нестора и, быть может, афинская). Это можно проверить по территориальному расположению союзных народов (сама Трояда не в счет, — ради объективности, тут есть только ячейки с войском впереди вождей). Взглянем на карту.

Народы с войском впереди вождей (их, напоминая, четыре) явно сосредоточены поблизости от Трояды (см. *Meyer 1877; Leaf 1912; 1923; Cook 1973*). Фракийцы, чьи страны «объемлет Геллеспонт», и мизяне занимали ближайшие окрестности Трояды: фракийцы на европейском берегу, а мизяне — с юга, на азиатском. Пафлагонцы из Западной Пафлагонии жили отдельно, но не очень далеко от Трояды, а гализоны где-то за пафлагонцами. Там их и позже помещали античные авторы под именем халибов (хотя Халиба, «страна отдаленная» у Гомера, известна хеттам в Киликии, на юго-востоке Малой Азии; певец, однако, думал, что она на севере Малой Азии). Вместе с пафлагонцами гализоны «из Халибы» составляют отдельный анклав, в представлении певца вытянутый по северному побережью Малой Азии, прямо на восток от Трояды.

3. Классификация и география

А теперь рассмотрим ячейки с вождями впереди (их, напоминая, семь). Эти образуют три блока, для которых придется расширить обозрение (*Hanfmann 1948; Венедиков 1976; Vasilescu 1980; Гундин и Цымбурский 1996*). Первый блок, северный (пеласги, киконы и пеоны) — далекая европейская периферия, север Балканского полуострова. Второй блок, восточный (здесь только фригийцы), — к юго-востоку от Трояды. Это поблизости от Трояды, но певец думал, что это очень далеко («из Аскании дальней»). Третий, южный (меоны, карийцы и ликийцы) — это по западному берегу Малой Азии на юг вплоть до Ликийи («далеко в Ликийи»). Получается как бы три языка, высунутых на запад, на восток и на юг. На этом этапе пятно троянской коалиции «расползается» по географической карте, расширяясь от 4 ячеек первого типа (у которых народы впереди) к 7 ячейкам второго типа (у которых впереди вожди). Певцы, видимо, включали в троянскую коалицию все известные им народы востока (между скифами, «доителями кобылиц», на севере, и финикийцами, соседями египтян, на юге), а географические познания певцов расширялись из века в век.

Если так, то три ячейки северной Трояды (второй эшелон), представляющие в «Каталоге» самый узкий круг соседей Трои (хотя и не именуемых соседями), должны быть еще более ранними.

Отметим, однако, что южная Трояда почему-то не представлена в этом раннем круге. Но в «Каталоге» всё же представлена — царством Энея. Его Дардания расположена на склонах Иды в южной и восточной Трояде. Поблизости от его владений — город

Лирнесс у Адрамитского залива. Там Эней спасался от Ахилла, о чем Ахилл ему напомнил в XX песни. Исторические дарданы, указанные надписью Рамсеса II как участники Кадешской битвы на стороне хеттов, к Гомеровскому времени уже не были живым народом, поэтому в «Илиаде» они и выступают с такой неопределенностью. А раньше они обитали где-то в районе проливов: на Балканах есть область Дардания, на азиатском берегу пролива — город Дардан, в Илионе — Дарданские ворота. Размещение древних и реальных дарданов, скорее всего, тяготело к северной Троаде; на южную сторону их оттянула увязка с Энеем. Его владения действительно размещались на юге. А увязка с дарданами — ради престижа: чтобы придать древность царской династии Илиона, ее общим предком был объявлен отдельный от этого народа дух, или герой, сын Зевса Дардан.

Такова общая структура «Каталога троянских сил». По ней видно, что, хотя он и не идентичен ахейскому «Каталогу кораблей», но сходство с ним очень значительное. Явные параллели между ними напрашиваются.

4. Снова операции с дюжиной

Сначала разберемся с союзниками — благо, они составляют отдельную часть «Каталога» и хорошо делятся на две группы, с вождями впереди, и с народом впереди.

В «Каталоге кораблей» ячейки с вождями впереди (числа кораблей в этих отрядах 11 и 12) были введены после отрядов, у которых имена вождей стояли позади названий городов и народов. В полном соответствии с представлением о смене демократии аристократическим строем. Но возможно, что отряды Нестеровой группы, с 30 (и один с 90) кораблями, всё-таки были введены до этих отрядов с 12 и 11 кораблями. Не совсем ясна и позиция афинской группы в этой последовательности. Значит, в ахейском каталоге ни числа кораблей, ни позиция вождей, строго говоря, не могут считаться всеобщими показателями возраста; они лишь помогают разбить совокупность отрядов на группы (причем по цифрам это сделать лучше, чем по формам представления слушателям), и очень приблизительно определить их последовательность. Но таких цифр в троянском каталоге нет. Зато география ячеек показывает, что распределение их по позициям вождей тут более строгое.

Попытаемся уловить в формировании групп параллелизм между ахейским и троянским «Каталогами» по связям героев. Это пока единственная зацепка, чтобы детально разобраться в троянском «Каталоге».

Начнем с ликийского отряда. Среди союзников это одна из поздних ячеек (с вождями впереди), и по порядку она стоит самой последней в «Каталоге», что само по себе показательно: это может говорить о ее позднем включении, хотя, может быть, сказалась всего лишь ее крайняя локализация на южном фланге. Так или иначе, она представляет позднюю группу: с вождями впереди.

Ликийский отряд возглавляют Сарпедон и Главк. Первый — сын Зевса, второй — родственник первого по материнской линии (это выясняется в VI песни и других местах «Илиады»). Для критиков обоего толка, и аналитиков, и унитариев (*Malten 1944; Howald 1951; Клейн 1994: 164–170*) интерпретация этой ячейки «Каталога» давно не составляет загадки: ликийские вожди вошли в «Илиаду» из местных преданий юго-западной Малой Азии как традиционные противники колонистов Родоса и предполагаемые родоначальники ионийских династий. Еще древние писали: «Говорят, что ликийцы всегда враждовали с родосцами». О Главке как предке правителей ионийских городов Малой Азии сообщает Геродот (*I, 147*). Гибель родосского царя Тлеполема (у Гнедича — Тлиполема) от рук Сарпедона в V песни «Илиады» и напыщенная речь Главка в VI, где он хвастается своим родом, — доказательства этой трактовки.

Схватка Сарпедона с Тлеполом в V песни, несомненно, включена в нее не изначально. Она вставлена в готовую песнь. В песни троянцы во главе с Гектором и богом Аресом теснят ахейцев, и вдруг Тлеполем и Сарпедон выступают из рядов, как если бы оба войска стояли. При этом Тлеполом,

хоть его товарищи отступают, первым вызывает Сарпедона на бой, а после боя Одиссей даже прорывается преследовать раненного Сарпедона. Куда преследовать? Ведь отступают-то ахейцы, а не троянцы, и Тлеподем убит! Эпизод явно вставной — он не согласуется с обрамляющим текстом. Вот этот вставной эпизод и сводит Сарпедона с Тлеподемом.

Выходит, ликийский отряд, по крайней мере, насколько он представлен в V песни, связан с родосским отрядом «Каталога кораблей», а, стало быть, и со всей группой 12-корабельных отрядов — Аякса и Одиссея. Показательно то, что в V песни после гибели Тлеподема преследовать раненного Сарпедона хочет Одиссей. А перед всем эпизодом речь идет об Аяксе. Если даже пассажи об Аяксе не принадлежат к эпизоду с Тлеподемом, само помещение эпизода сразу после пассажиров об Аяксе, скорее всего, не случайно: выбор места для эпизода говорит о том, что певец создавал связь этих героев.

Из прочих отрядов этой группы (с вождями впереди) интересны киконы, народ из Фракии. Они интересны тем, что в «Илиаде», кроме «Каталога», вообще не упоминаются. Зато о них кое-что сказано в «Одиссее»: Одиссей на обратном пути из Трои пристал к их берегу, разрушил их город Исмар, и бежал оттуда, понеся потери. Приуроченность их исключительно к «Одиссее» говорит о позднем времени их и всей группы.

Итак, группа союзных отрядов с вождями впереди относится к позднему этапу эпического развития, и примерно соответствует 12-корабельным отрядам «Каталога кораблей». По аналогии с «Каталогом кораблей» мы ожидаем, что в троянском «Каталоге»

будет еще одна группа с вождями впереди — соответствующая 11-корабельным отрядам ахейцев. Но такой группы здесь нет. Остались только отряды с вождями позади народов и местностей.

Что ж, обратимся к ним, составляющим, по-видимому, более раннюю группу. Она меньше, и заметны в ней тоже два отряда: пафлагонцы и фракийцы. Пафлагонцы обитали на северном побережье Малой Азии, а это значит, что греки, будучи народом морским и зная другие народы главным образом с моря, могли познакомиться с пафлагонцами лишь после освоения проливов в Черное море, то есть на рубеже VIII–VII веков до н. э.

С 12-корабельными отрядами ахейцев мы связали ликийцев. Но фракийцев тоже, как ни странно (ведь это уже другая группа), можно связать с ними. Связать прямо: мы находим 12 кораблей и на троянской стороне. В XI песни (в описании подвигов Агамемнона) есть рассказ об Ифидаманте, сыне Антенора. Этот троянец, женатый на фракийке, примчался из Фракии от своего деда и тестя Киссея на 12 черных кораблях. Так что и в составе троянской коалиции оказывается 12-корабельный отряд, хотя и не в «Каталоге».

Но те ли это фракийцы, что в «Каталоге»? Фракия входит в «Илиаду» неоднократно, и в разных вариантах. То, в «Каталоге», это страна Акаманта и Пироса (а из рассказа о смерти Пироса в IV песни мы знаем, что это область города Эна, близ киконеров). То в X песни («Долонии») это страна Реза, далеко в долине Стримона, что течет по Македонии. То это страна уже упомянутого Киссея из XI песни, расположенная, очевидно, еще дальше, в горах Кисс

4. Снова операции с дюжиной

близ Халкидики (у Гомера часто имена соответствуют местам обитания героев). Районы находятся далеко друг от друга. Возможно, и время вхождения в «Илиаду» разное. Значит, если 12 кораблей были у Ифидаманта, то они не обязательно должны быть также у Акаманта и Пироса в «Каталоге». Но, конечно, не исключается, что эти отряды связаны между собой, и происходят вместе из времени, когда певцы формировали в своих песнях 12-корабельные отряды. Из времени, когда у певцов было много разных возможностей слышать о фракийцах как противниках греков. Три таких одновременных источника отразились в «Илиаде» и дали три блока упоминаний о фракийцах.

5. Корабли и колесницы

Это тем более не исключается, что ближайшая по времени ступень в ахейском «Каталоге» — 11-корабельные отряды, а в троянском — отряды ближайших соседей Трои, то есть тех жителей самой Трои, которые и союзниками официально не именуются, но всё же являются таковыми, раз они прибыли сражаться за Трою-Илион извне священного города. Из самого узкого круга окрестностей. И вот эти-то группы как раз совпадают по некоторым примечательным параметрам!

У древних египтян, хеттов, да и греков на стенах и плитах с победными надписями есть одна особенность: в надписях о морских сражениях счет велся погубленным и взятым у противника кораблям, в надписях о сухопутных битвах — прежде всего колесницам. Это были внушительные боевые единицы — мобильные, автономные, рассчитанные на таранный прорыв, обход с флангов, рейды по тылам. Впрочем, боевая их функция оспаривается. Некоторые ученые полагают, что у греков это было главным образом престижное транспортное средство для подвоза тяжеловооруженных воинов к месту боя. Но если колесница и не была столь действенной боевой единицей, то, во всяком случае, таковой считалась у самих греков. Приравнивалась в счете к кораблям. Запомним эту аналогию, пригодится.

5. Корабли и колесницы

Группа ближайших соседей Илиона-Трои в «Каталоге троянских сил» ограничена северной Троадой. Эта область разделена между тремя правлениями. Пандару принадлежит Зелия у реки Эзеп в северо-восточной Троаде. Адраст с братом владеют Адрастеей и другими местами в центре северной Троады. Азий Гиртакид распоряжается Перкотой и другими городами в северо-западной Троаде. Все три района находятся на побережье пролива. Особое внимание к прибрежным районам естественно для греческих певцов, раз греки — морской народ, но чтобы предпочитать расположение на близком расстоянии, могли быть и другие основания.

Герои, управляющие этими районами, особенно славятся своими конями. Об Азии Гиртакиде даже в «Каталог» внесено, что он примчался «на пламенных конях великих» (II, 838). Его колесницы действуют и вне «Каталога» в «Илиаде». Он не оставляет их даже там, где другие спешиваются. Он перемахивает прямо на своих колесницах через глубокий ров с частоколом (XII песнь). В V песни другой вождь из этой группы, Пандар, сожалеет о том, что не взял с собой в Трою коней:

Коней со мною здесь нет, для сражения нет

колесницы;

В Зелии в доме отца у меня их одиннадцать

пышных,

Новых, недавно отделанных; к бережи их

покрывала

Окрест висят, и для каждой из них двужермные

кони

Подле стоят, утучняся полбой и белым ячменем

(V, 192–199. Разрядка здесь и далее моя. — Л. К.).

Одиннадцать! Обе черты — и число, и особое пристрастие к коням, дают параллель к 11-корабельной группе «Каталога кораблей». В нем превозносились достоинства кобылиц Эвмела, «на бегу, как пернатые, быстрых». Теперь становится понятной узко северная ориентация в трех наиболее разработанных ячейках, стоящих одним блоком в центре «Каталога троянских сил». Им соответствуют три ячейки «Каталога кораблей», тесно сомкнутые границами, тоже на севере — в Фессалии и западнее. Там: во владениях Гуней с его энианами и перребами, есть «холодная Додона», знаменитое святилище Зевса, где живут селлы, его пророки, «кои не моют ног и спят на земле обнаженной» (XVI, 234–255). Здесь: отец Адраста и Амфия — тоже пророк, предвещатель судьбы, удерживавший сыновей от губельного похода в Трою. Там конями славится Оней, здесь — Азий. Там лучник Филоктет, здесь Пандар. У Филоктета лук Геркулеса, у Пандара — сокрушительный лук Аполлона. Там 11 кораблей, здесь 11 колесниц.

По-видимому, обе группы — эолийскую группу героев из Фессалии и группу союзников Илиона из северной Трояды — формировал один певец.

Если не к этой группе, не к этому певцу непосредственно имеют отношение некоторые пассажи о Гекторе, то, во всяком случае, и их создавал певец из Эолийского союза 11-ти городов. У него Гектор так описывается дома, в Илионе: «в двери вступил божественный Гектор; в деснице держал он пику в одиннадцать локтей; далеко на древке сияло медное жало копья и кольцо вокруг него золотое» (VI, 318–320). Это описание VI песни повторено

5. Корабли и колесницы

в конце VIII, где Гектор выступает на совете троянцев. А в конце XV песни, где певец хочет подчеркнуть оружейное превосходство великого Аякса, отстаивающего корабль от Гектора, в могучих руках Аякса оказывается «шест корабельный ... огромный, крепко в суставах сколоченный, двадцать два локтя длиною» (XV, 676–677) – вдвое более длинный, чем копье Гектора. Сложение, как в ячейке Гуней, где по 11 кораблей у перребов и энианов, а всего 22.

Таким образом, противостояние Аякса с Гектором оформлено в «Илиаде» в традициях 11-корабельной и 11-колесничной групп, введенных неким эолийским певцом (или певцами).

Но кто ввел ячейку самого Гектора в «Каталог»? Похоже, это сделано позже. Нужно рассмотреть ее в составе группы.

6. Дружья-соперники

В «Каталог» Гектор введен вместе с Энеем: их отряды сформированы по одному принципу, имеют схожий облик и стоят рядышком в начале «Каталога» (и это единственная группа, которую еще осталось разобрать).

Но в остальной «Илиаде» эти два героя, два вождя троянской коалиции, почти никогда не общаются — не разговаривают и не встречаются вместе помимо «Каталога». Эней разговаривает с соратниками — Пандаром и Деифобом, с врагами — Ахиллом и Диомедом, с богом Аполлоном, явившимся в облике Приаида Ликаона. Гектор подолгу разговаривает с друзьями и родными: Гекубой, Андромахой, Парисом, Деифобом, Пулидамантом, Сарпедоном и Главком, обращается с важными речами к врагам — Ахиллу, Патроклу, Аяксу, Диомеду, беседует с богом Аполлоном. Но только один раз Гектор сталкивается с Энеем и обращается к нему с коротким призывом, на который Эней реагирует молча, — это происходит в XVII песни во второстепенном эпизоде (преследование возниц убитого Патрокла). Двое родственников, соратники в борьбе за общее дело, два главных вождя троянской коалиции — и на тебе, столь чужды друг другу.

Более того, Эней вообще редко появляется в сражениях — только в отдельных эпизодах песен V, XIII и XX (если не считать мимолетного появления в XVII). Его нет в III и VII песнях, где описываются

поединки троянских вождей с ахейскими и присутствуют видные герои с обеих сторон, нет в VIII, XI–XVI песнях, где содержатся подробные описания общих сражений; нет и в песнях I, IV, X, XXIV, где он мог бы быть, поскольку там действие полностью или частично протекает в лагере троянцев. Его отец Анхиз отсутствует среди старейшин Илиона в «Смотре со стены» (III песнь).

Эти странные обстоятельства не могли пройти мимо внимания самих древних певцов. В XIII песни даже введено объяснение. Эней обычно стоял «в дружинах последних: гнев он всегдашний питал на Приама, ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести» (XIII, 459–461). И в XX песни Ахилл издевательски насмехается над дарданским вождем: «Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает в гордой надежде, что ты над троянцами царствовать будешь, чести Приама наследник? Но если б меня и сразил ты, верно Приам не тебе свое достояние вверит. Есть у него сыновья...» (XX, 179–185). А между тем, Ахилл издевался напрасно. По «Илиаде», именно Энею суждено перенять царствование над троянцами после гибели Приама и его сыновей. Это прорицает Посейдон: «предназначено роком — Энею спастися... Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно, он и сыны от сынов, имущие поздно родиться» (XX, 302–308). Критики давно распознали в этом пассаже пророчество *ex eventu* (от свершившегося).

То есть, подразумевается, что певцы, сочинявшие задним числом пророчество, знали, что потомки Энея и впрямь стали царствовать в Трое, или, по крайней мере, претендовали на это. Страбон,

географ I века н. э., передает свидетельство более древнего ученого, историка Деметрия из Скепсиса в Троаде, что в Скепсисе еще в его времена, т. е. в I веке до н. э., проживал род Энеадов, некогда царствовавший в Троаде. Эней — несомненно, герой местного происхождения, в районе проливов (*Malten 1931; Howald 1947; Клейн 1994: 155–163*). Он всеми корнями в эолийской среде и чужд ионийскому эпосу.

Гомер, будь то один поэт, или собирательный автор «Илиады» (по крайней мере, из основных создателей итогового текста), определенно иониец. Это видно по его диалекту и по именам его героев. В большинстве это имена с ионийскими грамматическим оформлением — с окончаниями на -еус, -ес и др.: Одиссей (греч. Одуссеус), Ахилл, или, правильнее, Ахиллей (греч. Ахиллеус), Диомед (Диомедес). У Энея же эолийски оформленное имя — оно оканчивается на -ас (греч. Айнейас). Образовано оно от названия фракийского племени энеев, или от названия фракийского города Эн (Айнос), расположенного недалеко от Троады и колонизованного эолийцами из Кимы, столицы Эолийского союза. Колонисты и могли назвать так своего героя (и не раньше, чем колонизовали берега Фракии). Обычно эолийские элементы в диалектном составе «Илиады» считают пережитками глубокой древности. Но «эолизмы» могли попасть в поэму и очень поздно — из локальных диалектов Кимы, Троады и других местностей.

А вот Скепсис отдал роду Энеадов ионийцы из Милета — отсюда и роль Посейдона, главного бога Ионийской лиги, в спасении Энея и в заботе

о судьбе его рода. Забота богов об Энее превосходит всё, что уделено ими другим героям. О нем заботятся все основные боги, без различия, за кого они ратуют — за троян или ахейцев. Его спасают и проахейский Посейдон, и, конечно, протроянский Аполлон, не говоря уже о матери героя Афродите. Аполлон уносит его лечить в свой храм в Илионе — такой чести не удостоился даже Гектор. Эней получил самую развернутую в «Илиаде» генеалогию, и он поставлен ею выше самого Ахилла, на что ему указывает Аполлон: Ахилл рожден низшей богиней, дочерью морского демона Нирея, а Эней — дочерью самого Зевса. Такое непомерное прославление Энея, не совершившего никаких заметных подвигов, порождено явным стремлением певцов, подвизавшихся при дворе потомков Энея в Троаде, потрафить своим покровителям. В этой констатации единны аналитики и унитарии.

Но унитарии уверены, что ко двору Энеадов был близок сам Гомер, единственный автор «Илиады», аналитики же считают, что эпизоды с Энеем вставлены в поэму, когда она прибыла в Троаду, вставлены каким-то поздним местным певцом, который и подвизался при дворе Энеадов.

Гипотеза о том, что Энея включил в «Илиаду» сам Гомер, плохо вяжется с традиционным представлением о Хиосе как родине Гомера и месте создания поэмы. Ведь эта гипотеза не только требует предположения, что Гомер был странствующим певцом, и реконструировать его путешествие в Троаду (это всё реалистические допущения), но и подразумевает его длительное пребывание там, создание каких-то песен «Илиады» на месте (ведь

льстить тамошним вельможам потом, задним числом, отбыв домой, было бы уже незачем). В предании о Гомере ничего этого нет.

Еще хуже эта гипотеза вяжется с распределением участия Энея по «Илиаде» (Клейн 1998: 390–432 и рис. 18). Если бы Эней был включен в «Илиаду» тогда же, когда и Гектор, да еще с желанием польстить потомкам Энея, он был бы гораздо шире и равномернее представлен в поэме. Меж тем, его отделенность от Гектора и его слабое участие в основных действиях поэмы хорошо объясняются из его позднего вторжения в нее. В отличие от Гектора, Эней именно вмонтирован в готовую поэму, ничем не изменяя ее сюжета. Он не совершил в ней ничего великого — не сразил ни одного крупного противника. И понятно почему: все они были уже отданы другим героям, а ему досталось только «пушечное мясо» (так критики прозвали пустые, наспех придуманные имена без биографий). Да еще ему осталась завидная перспектива выхода без вреда из опаснейших ситуаций (с помощью богов, конечно).

Рядом с Энеем, а также в смежных текстах, часто оказываются многочисленные сыновья троянского старейшины Антенора (их одиннадцать), двое из них с Энеем и в «Каталоге». Где нет Энея, нет и их. Антенор и сам с большой симпатией изображен в «Илиаде»: он, хоть и троянец, всегда помогает грекам. Род, возводивший себя к Антенору, в историческое время реально существовал. Одна из его ветвей жила во Фракии. Очевидно, и этому местному роду, хоть он и не был царским и не претендовал на родство с Приамом, певцы старались угодить. Видно, не только цари были меценатами.

На самом деле и род Энеадов вряд ли был родственен роду Приама. В генеалогии Энея тоже видны признаки искусственной монтировки. Отец Гектора Приам восходит к Дардану через своего отца Лаомедонта, деда Ила, прадеда Троса (или Троя) и прапрадеда Эрихтония. А Эней через такой же ряд предков подключен к этой генеалогии в среднем звене — к Тросу (Эней — Анхиз — Капис — Ассарак — Трос). Но К. Роберт подметил важную деталь: Приам обычно в «Илиаде» именуется по отчеству не как сын Лаомедонта, а как сын Дардана — Дарданид! Значит, первоначально всей линии предков между Приамом и Дарданом не было, а вместе с тем не было и привязки боковой линии — предков Энея. Весь этот кусок ствола генеалогического дерева вместе с боковой ветвью именно ради Энея и был вставлен.

Текстологическим анализом выявляются следы монтировки и в повествовательной ткани поэмы — швы, обрывы действия, несогласованность частей. Все три эпизода «Илиады», в которых главным героем является Эней, — поединки с Диомедом, с Идомениеем и с Ахиллом — плохо держатся в своем контексте.

1) Так, только в эпизоде с Энеем (V песнь) Диомед — богоборец, выступает против богов (и это объясняется тем, что он противостоит благочестивому и богоугодному Энею), а в остальной «Илиаде» и в ближайшем контексте Диомед очень богобоязнен. Боги в этом эпизоде совершенно иначе расположены, чем в ближайшем контексте: Аполлон — на поле боя (а был на вершине Пергама); на время поединка Афина выводит Ареса за руку из боя (а до того и после того он возглавлял троянскую рать).

2) Схватка с Идомениеем в XIII песни происходит на левой стороне поля, и в ней присутствует ряд героев (Деифоб, Деипир, Антилох), а в предшествующем тексте все они были в середине поля битвы. На участие в сражении вызвал Идоменея бог Посейдон, но в этом не было нужды: герой и так шел сражаться.

3) Перед поединком с Ахиллом в XX песни рати выступили друг против друга, и Ахилл жаждал сразиться с Гектором, но вместо того происходит поединок с Энеем. Во время поединка идет сражение обеих ратей, но после него рати опять стоят друг против друга, уставив копья, а Гектор и Ахилл воодушевляют каждый свое войско. Словно бой и не начинался.

Всё это вставки.

Унитарии, конечно, возразят: а разве не мог один и тот же ионийский певец (Гомер), посетив двор Энеадов в Троеде, вставить эпизоды с Энеем в свою же готовую поэму? Насчет идеи такой «творческой командировки» я уже приводил свои сомнения. Пора сказать и о другом.

Эней несет на себе приметы значительно более позднего времени, чем Гектор. У его образа есть признаки принадлежности к гораздо более позднему эпическому слою. В чем они заключаются?

Герои Гомера обычно имеют постоянные эпитеты (за постоянные можно в грубом приближении принять повторяемые). Ахилл чаще всего «быстроногий», Диомед «громогласный», Гектор «шлемоблещущий», Эней — «предводитель троян». Такая система постоянных эпитетов складывалась, разумеется, постепенно. Чем раньше вошел герой

в эпос, чем древнее его фигура в эпосе, тем теснее приросли к его имени постоянные эпитеты. Чем позже, чем новее герой, тем менее стабильны его эпитеты, тем реже стоят при его имени постоянные эпитеты. Это идея Денниса Пейджа.

Так вот, упоминания Гектора с постоянным эпитетом (эту долю будем называть *индексом оснащённости постоянными эпитетами*) составляют 41 процент всех его упоминаний, а у Энея соответствующая доля — только 18 процентов. Это очень большой интервал. Можно сказать, они находятся почти на противоположных концах имеющегося в «Илиаде» диапазона (для сравнения, Елена — 65, Одиссей — 56, Ахилл — 38).

Вводя пророчество Посейдона о грядущем царствовании Энея и его потомков над троянцами, певец в угодническом раже не заметил, что оно противоречит всему Троянскому эпосу: ведь, согласно эпосу, Троя разрушена и сожжена, троянцы частью погибли, частью ушли в неволю. Должно было очень измениться представление о судьбе Илиона — Трои, чтобы так пренебречь прямым указанием эпоса.

Почему же тогда оба вождя троянской коалиции так тесно связаны в «Каталоге»? Почему их ячейки одинаковы, и расположены рядом, составляя одну группу? Они явно вошли в «Каталог» вместе. Когда?

Оказаться в начале «Каталога» они могли по разным причинам: либо потому, что с них началось образование «Каталога», либо потому, что их добавили к готовому «Каталогу» спереди в силу главенства вождей. Группу составляют два отряда — ранний и поздний. Возникнуть одновременно с ранним отрядом группа не могла: еще не было позднего.

Остается только одна возможность: группа возникла тогда, когда возник поздний отряд. Она вошла в «Каталог» с Энеем.

Почему же, однако, Гектор с ним, так сказать, в паре? А потому, что в позднее время в Скепсисе, по Деметрию, жило два конкурирующих царских рода: один возводил себя к Энею, другой — к Гектору. И возможно, что для менее знатного рода Энея сугубое уравнивание с наследниками Гектора (впрочем, возможно, тоже воображаемыми) представлялось особенно лестным.

Значит, долгое время «Каталог» существовал без обоих вождей, и без отряда самих троянцев? Да, это был перечень союзников. Именно такой «Каталог», по данным Псевдо-Аполлодора, писателя II века н. э., числился в «Киприях» — поэме о начале Троянской войны. Он был там на месте. Пришли на помощь союзники, говорилось в поэме, вот их перечень. Оттуда, по предположению современных исследователей, и были оба «Каталога» перенесены на свое нынешнее место в «Илиаде», которому сама идея обзора войск, первоначального знакомства с ними, плохо соответствует.

7. Негатив «Каталога»: местности

Итак, исчерпан весь состав «Каталога», и, кажется, анализ подошел к концу? Нет, рассмотрено лишь то, что есть в «Каталоге». Надо еще обратить внимание на то, чего в «Каталоге» нет. А по содержанию эпопеи должно было бы присутствовать.

Когда сто лет назад на выставке живописи появилась картина Е. Я. Лемана «Дама под вуалью», поэт «Искры» Д. Д. Минаев откликнулся эпиграммой:

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему: «Дама,
Из комнаты ушедшая».

В реалистическом искусстве изобразить то, чего нет, невозможно. Но в криминалистике опытные детективы советуют начинающим работникам с особым вниманием отмечать негативные факты — отсутствие предметов и обстоятельств, которые в норме должны были бы наличествовать. Идея даже вошла в учебники. Ну, а исследователь и следователь действуют одними и теми же методами, ибо тот и другой охотятся за скрытой истиной.

В «Каталоге» поименован ряд местностей и ряд вождей. Какие же местности пропущены, и каких вождей певцы упустили назвать?

Из местностей, попадающих в поле зрения малоазийских греков, не названы важнейшие греческие города-колонии Малой Азии — Кима, Фокея,

Колофон, Эфес, Приена и др. Почему? Это излюбленный вопрос сторонников микенского возраста «Каталогов» — Пейджа, Аллена и др. Из-за отсутствия греческих колоний на карте Гомера они делают вывод об отсутствии их в реальности, о доколониальном времени сочинения эпоса, о слабом знакомстве микенских греков с Малой Азией в ту пору. Всё это — несуразица.

Певцам известна Пафлагония. Пусть строчки с подробностями и поздние, но в тех, что без подробностей — известна ведь! Значит, Черное море уже осваивается, а оно открыто плаванию греков только с VIII века до н. э. — это установлено по первым греческим находкам на его берегах. Колонии не названы по очень простой причине — потому, что не могли же они участвовать в войне против греков, это же греческие колонии! А с другой стороны, они в Малой Азии — на территории вражеской, так что зачислять их в греческий лагерь тоже нельзя. Они просто не умещались на воображаемой карте Троянской войны. Им там не было места.

Впрочем, одна колония названа — Милет, и это единственный отряд неприятельской коалиции, в описании которого дышит настоящая враждебность. Карийцы, населяющие Милет, говорят речью, «звучащей варварски» (II, 867). Вождь их Амфимах «даже и в битвы ходил наряжаясь златом, как дева. Жалкий! и златом не мог отвратить он гибели грозной» (II, 872–873). Он пал от руки Ахилла «в бурной реке». Враждебность к Милету понятна. Милет в VII веке успешно осваивал берега проливов и Черного моря, основывая одну колонию за другой, и бесцеремонно теснил конкурентов. Правда,

7. Негатив «Каталога»: местности

гибель Амфимаха отсутствует в описании Приречной битвы (песнь XXI), где Ахилл уготовил многим смерть «в бурной реке». То ли автор этой части «Каталога» был знаком с другой версией Приречной битвы, то ли в стандартном тексте «Илиады» есть пропуски, то ли (и это скорее всего) каталожная история с Амфимахом придумана в развитие Приречной битвы специально, чтобы ущемить Милет.

8. Негатив «Каталога»: вожди

А теперь зададимся, наконец, вопросом, кого из вождей троянской коалиции не хватает в «Каталоге». Достаточно только поставить этот вопрос, чтобы ответ сразу же стал ясен: не хватает самых главных. Нет царя Приама, и нет того его сына, из-за которого началась Троянская война — нет Париса (Александра), похитителя Прекрасной Елены. Ну, царь Приам мог бы отсутствовать в «Каталоге» потому, что он слишком дряхл и не способен вести в бой войска. Однако стариками изображены в поэме Идомений, Феникс и — куда более древним старцем, пережившим три поколения — царь Пилоса Нестор, но все они участвуют в боевых действиях или, по крайней мере (это относится к Нестору), присутствуют на поле боя и вдохновляют воинов.

А уж Парис, удалой соблазнитель, любимец Афродиты, конечно молод. Правда, если посчитать, то окажется, что лет молодому любовнику немало, а его прекрасной возлюбленной и того больше. Елена в XXIV песни упоминает, что уже 20 лет находится в Илионе (*см.* 765), а до того она с Парисом после ее похищения еще какое-то время скиталась по разным странам. Их возраст определяется и таким расчетом (уже по данным других поэм): после похищения Елены начались уговоры и сборы заступников за Менелая, на что ушло 2 года, затем от первой, ошибочной высадки до начала осады Илиона прошло еще 8 лет, да десятый год уже длится эта

осада, итого — 20 лет. А ведь похитил Елену, надо полагать, не младенец, у Елены же ко времени похищения уже была 9-летняя дочь. Значит, в «Илиаде» Парису должно оказаться, к нашему удивлению, под сорок, а Елене под пятьдесят.

Что ж, и в сорок лет воины, и особенно полководцы, не уходят в отставку. Но, конечно, поэт — не арифметик, и это та логика, с которой он не считается. Для него Парис — всегда молодой воин, божественно прекрасный, он царевич, и в поединке сражается против Менелая, представляя всё троянское войско. А коли так, он должен быть в «Каталоге» — перечне ратей и их вождей.

И он есть! Но не в «Каталоге троянских сил», а только в другом, «Малом троянском каталоге» — в XII песни, в перечне пяти громад. Там он предводительствует второй громадой вместе с Алкафоем и Агенором. А в главном каталоге его нет.

Итак, отсутствуют Приам и Парис. Если исключить «уважительные» поводы для отсутствия, то оно может объясняться хронологическими причинами (вкупе с сюжетными), и притом объясняться двояко: либо эти персонажи вошли в эпос слишком рано, либо слишком поздно. Иными словами, либо они перестали быть активными фигурами в эпосе (или активными воинами) до возникновения «Каталога», либо они вошли в эпос после того, как формирование «Каталога» было завершено. Что-нибудь в этом роде. Причем они не обязательно должны были вступить в эпос вместе; поэтому без одного «Каталог» мог обойтись по первой причине, без другого — по второй.

Начнем с Париса. Это фигура из очень древнего мифа о Прекрасной Елене — дерзкий соблазнитель,

похитивший Елену у ее мужа, спартанского царя Менелая, что и послужило завязкой Троянской войны. Елена — древняя греческая богиня растительности, которой посвящались храмы, дочь Зевса, родившаяся из лебединого яйца, словом, фигура глубоко мифическая, перешедшая из мифа в эпос. Одна из ее главных функций в мифе такая же, как у Персефоны: быть похищаемой. Ее похищает не только Парис, но и аттический герой Тезей (по согласованию сюжетов — до Париса). Она в эпосе с мифической древности, т. е. искони. Недаром у нее столь высокий (самый высокий) индекс оснащенности постоянными эпитетами — 65.

Иное дело — ее возлюбленный, похититель, новый супруг. В мифе это не столько конкретный персонаж, сколько роль. Исполнять ее могут герои разного происхождения. Среди них Парис, быть может, самый реальный. Что же это за образ? В «Илиаде» он изображен как отрицательный герой: бесчестный, трусоватый, наглый и изнеженный. Эти черты навеяны морализаторским оформлением «Илиады»: Парис осуждался как зачинщик губительной войны и нарушитель святых законов гостеприимства (украл жену, будучи в гостях). Но сквозь этот малопривлекательный образ просвечивают более древние черты совершенно иного человека — искусного воина, пылкого и храброго (так его аттестует в VI песни Гектор). Его постоянный эпитет — «боговидный». Он стрелок из лука, как все ранние герои (Геракл, Филоктет, Эврит, Одиссей). От его стрел погибают или получают ранения лучшие герои ахейцев: Ахилл (убит), Агамемнон, Диомед, Одиссей (*Bethe I: 246, Heitsch 1967*). В VI песни есть намеки на

то, что он воздерживается от боев, как Ахилл — ибо гневается на троянцев за то, что те хотели выдать врагу его Елену. Как заметил один немецкий ученый прошлого века (Г. Узенер), главный проступок Париса — похищение Елены — был в глазах ранних греков (поры захватнических походов и всеобщего разбоя) не проступком, а подвигом: человек, который сумел увести от мужа самую красивую женщину мира, должен быть великим героем!

В «Илиаде» у него два имени: Парис и Александр. Парис — имя очень позднее. Оно еще малоупотребительно в «Илиаде» — в 4 раза реже второго имени, зато в более поздних поэмах почти полностью его вытесняет. Происходит это имя, по видимому, от названия городка Парион недалеко от Илиона, а Парион построен в конце VIII — первой половине VII века колонистами с острова Парос. Для Париса индекс оснащенности постоянными эпитетами — ноль. То есть, при нем совсем нет постоянных эпитетов. Зато для имени «Александр» этот индекс составляет 47 — значительно выше, чем для имени «Гектор».

У Александра есть очень конкретный исторический прототип. Среди хеттских документов XIV века до н. э. (глубина-то какая!) сохранился договор с царем Вилусы, а это хеттское название Илиона. Имя царя — Алаксандус! (*Luckenbill 1911; Kretschmer 1924; 1930; Клейн 1998: 44–45*). Из этого договора явствует, что, будучи еще царевичем, этот исторический деятель бежал от мятежников (или от соперников в борьбе за престол) к хеттскому царю Муваталлу (Муталлу), и тот, приютив его, помог ему взойти на трон. Поскольку по хеттским табличкам известно,

что в это время аххийява, т. е. ахейцы (греч. ахай-вой) претендовали на захват Илиона-Вилусы, то, возможно, не обошлось без их интриг. А по греческой легенде, Александр, сбежав с Еленой от ахейцев, находит приют у царя Мотюла. Это совпадение подметил австриец П. Кречмер. И еще совпадение: по договору, царь Вилусы должен был в случае войны хеттов с Египтом прислать на помощь свои войска. А вскоре последовала война с Египтом, в которой египетские надписи отмечают участие на хеттской стороне дарданов — вероятно, вассалов Александра.

Итак, Александр — конкретное историческое лицо из легенды, подставленное под мифический образ. В эпосе это весьма древний персонаж, и его связь с Илионом исконная и имеет реальную историческую основу.

Обратимся к Приаму. Каким бы живым ни выглядел этот старый царь в «Илиаде» — непосредственным, любознательным, многословным, страдающим, патетическим, — приходится отметить явственные следы его позднего ввода в поэму и в эпос вообще (хотя и не столь поздний, как у Энея). Его индекс оснащенности постоянными эпитетами — 32. Сыновья его при ближайшем рассмотрении оказываются первоначально вовсе не его сыновьями. Их отчество «Приамид» не успело плотно прирасти к их именам. Я уже сравнивал с Ахиллом. Этот герой в «Илиаде» упоминается 340 раз, из них 104 — с отчеством (Пелид, Пелейон) — более трети. А Гектор выступает Приамидом всего 26 раз на 444 упоминания (одна семнадцатая), Александр-Парис — 1 раз из 56.

Образ Приама создавался с целью наделить его определенными художественными функциями. Приам вошел в эпос не как отразитель агрессии, не как могучий царь, великий герой, а лишь как несчастный отец. Один из его сыновей навлек на весь народ беду, другой, лучший, погиб во цвете лет, остальные перебиты Ахиллом, а столица разрушена и сожжена, да и сам он при этом убит. Таков Приам изначально. Что такому делать в «Каталоге»?

Как и Александр-Парис, осажденный город тоже имеет два имени: Илион и Троя. При одном употребляется в «Илиаде» один набор постоянных эпитетов (подходящий к условиям местности раскопанного Г. Шлиманом города), при другом — другой набор (местности не соответствующий). Из этого я сделал вывод (см. *Клейн 1985а; 1986в; 1998: 20–61*), что в эпосе сведены воедино два разных города, но только один из них открыт в Гиссарлыке Шлиманом. И в хеттских письменных источниках XIII века до н. э. фигурируют два соседствующих города — Вилуса (Илион) и Таруиса, или Труйя (Троя). Местоположение второго города спорно, но народ троянцы (тогда это не было население Илиона) были известным морским народом в XIII–VIII веках до н. э. (этр. турса, егип. турша), оставившим следы на островах и берегах Средиземного моря в разных местах. Одно из них — в Ликий. Здесь еще в V–IV веках составлялись надписи на уже мертвом (не обиходном, а только ритуальном) диалекте, который назывался «труели» («потроянски»), а в числе личных имен в этих надписях фигурирует имя «Приям». Это имя, правда, имеет хорошую общелувийскую этимологию, но

фиксация имени в «труйских» ритуальных надписях все же говорит об особой связи.

Очень похоже, что в эпос Александр вошел с преданием об Илионе, а Приам — с преданием о Трое. Как это проверить? Мне пришло в голову вычислить индекс ОПЭ (оснащенности постоянными эпитетами) для Илиона и Трои. Напоминаю, что для Александра и Приама эти индексы составляют 47 и 32. Вычисляю для Илиона: всего упоминаний 105, с повторяемыми эпитетами — 50, процент второго от первого — 47. Как для Александра! Для Трои: всего — 53, с повторяемыми эпитетами — 17, процент — 32. Как для Приама! Те же цифры, 47 и 32 — точно! Не верю своим глазам! Пересчитываю для Александра: процент (21 от 45) равен 47; для Приама: (44 от 137) — 32. Всё сходится.

В своей публикации я назвал это «коронным доказательством» моей гипотезы. В очень сочувственном отклике проф. И. М. Дьяконов (1987: 211) всё же заметил: «Полное совпадение процентов (дважды 32 и дважды 47) слишком хорошо, чтобы служить „коронным доказательством“, вернее будет отнести его к случайным совпадениям». Что ж, с формулировкой «коронное доказательство» я, вероятно, переборщил — могут найтись доказательства и лучше, так что подождем с коронацией. Но случайность сказалась разве что в особой точности совпадения: только десятые доли процентов разошлись (я здесь их отбросил, округлив числа). Так ведь совпадение было бы разительным и при меньшей точности. Совпадений только два? А кучность индексов для остальных древних героев? А малый индекс для Энея? Метод хорош в целом, хотя механистически

7. Негатив «Каталога»: вожди

пересчитывать проценты в века, разумеется, не стоит. И всё же мне не отделаться от впечатления, что развитие эпоса своей регулярностью близко к процессам естественной эволюции.

Итак, к тому времени, когда «Каталог» стал восприниматься не как перечень союзников, а как список всей коалиции, Александр, давно вошедший в эпос, уже был в нем отчужден от воинских доблестей и потому не попал в «Каталог». А Приам, вошедший в эпос недавно и сразу как человек невоинственный, мирный, тоже не был включен в «Каталог», так как оказался ему чужд. На вакантное же место для головного эшелона, для собственных отрядов Илиона, встали Гектор и Эней.

Сложение «Каталога троянских сил» завершилось. А мы получили вдобавок к «Каталогу кораблей» еще один зонд для погружения в историю «Илиады».

Приложение

Таблица 1

Взаимонисключение Ахилла и Диомеда

Нумерация книг	Разделы содержания	Участие героев	
I	Гнев Аполлона Ссора Ахилла с Агамемноном	Ахилл (и Патрокл)	— !
II	Сон Агамемнона Испытание войск Каталоги коалиций	(Ахилл и Патрокл)	— ! (Диомед)
III	Клятвы Смотр со стены (Тейхоскопия)		— !
IV	Нарушение клятв Обход войск		Диомед
V	Подвиги Диомеда		Диомед
VI	Шествие троянок Примирение Диомеда с Главком Свидание Гектора с супругой		(Диомед) Диомед
VII	Поединок Гектора с Аяксом Погребение павших		(Диомед)
VIII	Прерванная битва		Диомед
IX	Отправка посольства Посольство у Ахилла Возвращение посольства		(Диомед)
		Ахилл	
			(Диомед)
X	Ночная вылазка (Долония)		Диомед
XI	Подвиги Агамемнона Несторида		Диомед
		Ахилл	
XII	Битва за стену		
XIII	Битва при кораблях		
XIV	Обольщение Зевса Подвиги Иломенея		(Диомед)
XV	Оттеснение от кораблей		

XVI	Патроклия	Ахилл и Патрокл	
XVII	Подвиги Менелая	тело Патрокла	— !
XVIII	Изготовление оружия	Ахилл и тело Патрокла	
XIX	Отречение от гнева	Ахилл и тело Патрокла	
XX	Подготовка Битвы богов Поединок Ахилла с Энеем и др.	Ахилл	
XXI	Приречная битва Битва богов	Ахилл	
XXII	Умерщвление Гектора	Ахилл	
XXIII	Погребение Гектора Погребальные игры	Ахилл и тело Патрокла Ахилл	Диомед
XXIV	Выкуп тела Гектора	Ахилл	

Примечание. В скобках показаны мимолетные пассажи с упоминанием данного героя. Восклицательным знаком отмечены те разделы, где отсутствие героя странно.

Таблица 2

Эпитеты города

ἡ Ἰλιος — Илион 106 раз

ἡ Τροίη — Троя 53 раза

№ п/п	Эпитет	Перевод	Υ	Χ	Эпитет	Перевод	Υ	Χ
1	ἱρή	святая, священная	23	Ο				
2	ἱερή	святая, священная	1	Ρ				
3	ἥνεμέσσα	ветреная	7	Ο				
4	αἰπεινή	крутая	6	Ο				
5	αἰπύ	крутая	1	Ρ				
6	εὐκτίμενον πολίεθρον	благоданный город	5	Ρ				
7	ἐρατεινή	веселая	1	Ρ				
8	εὐπῶλος	доброконная, с ладными жеребьями	2	Ο				
9	ὄφρυόεσσα	обрывистая	1	οκ				
10	εὐνοούμενον πολίεθρον	обжитой, благоустро- енный город	3	Ρ				
11	εὐτείχεος	добростенная, крепкостенная	4	Ο	εὐτείχεος	добростенная, крепкостенная	2	1
(12)				ΡΟ	ἐρίβωλος	тучнопочвенная	3	2
(13)				ΡΟ	ἐριβδῶλαξ	тучнопочвенная	5	3
(14)				ο	εὐρεία	просторная	4	4
(15)				Ο	εὐρύαγυια	широкоулочная	2	5
(16)				ο	ὕψιπυλος	высоковоротная	2	6
(17)				οκ	εὐπυργος	добробашенная, крепкобашенная	1	7
Всего			54				19	

Примечание. Υ — количество упоминаний в Илиаде. Χ — характер эпитета: Ο — отличительный, Ρ — родовый, ΡΟ — родовый с ограниченным действием, К — конкретизирующий.

Таблица 3

Формульность топонимов города

Название города	Общее число упоминаний в Илиаде	В том числе упоминания*		
		в повторяемых формулах	с эпитетами	с повторяемыми эпитетами
Илион	106	95 (90%)	54 (51%)	50 (47%)
Троя	53	20 (38%)	19 (36%)	17 (32%)

* Везде указаны проценты от общего числа упоминаний.

Таблица 4

Апеллативы города

Апеллативы	Эпитеты	Количество упоминаний			
		Илион	Град троянцев	Троя	Всего в Илиаде
πόλις					32
πολίεθρον		6	(1)		31
	ἐϋκτίμενον	3			7 (+11)
	εὐ ναιόμενον	3	(1)		4 (+7)
πόλις		3	11	4	204
	εὐρύγνια		5	2	8

Примечание. В скобках: в средней колонке — упоминания, не относящиеся к Илиону—Трое, в итоговой колонке — эпитеты в других грамматических формах.

Таблица 5

**Распределение упоминаний Илиона
и Троя по книгам «Илиады»**

А. Нумерация книг	Б. Абсолютная частотность (число упоминаний)		В. Относительная частотность (И:Т)	Г. Фильтр*
	Илион (И)	Троя (Т)		
I	1	1	1	?
II	8	4	2	
III	2	2	1	
IV	4	1	4	
V	6	1	6	
VI	11	3	3,7	
VII	6	2	3	
VIII	6	1	6	
IX	5	4	1,25	
X	1	1	1	?
XI	2	2	1	
XII	1	—	∞	?
XIII	7	5	1,4	
XIV	2	1	2	?
XV	6	1	6	
XVI	2	5	0,4	
XVII	7	1	7	
XVIII	5	2	2,5	
XIX	1	1	1	?
XX	1	1	1	?
XXI	10	2	5	
XXII	3	2	1,5	
XXIII	2	1	2	?
XXIV	7	9	0,8	

* Недостаточно надежные показатели отмечены вопросительными знаками. Недостаточно надежным из-за статистической незначительности исходных чисел здесь считается показатель книги, в которой общее количество упоминаний И + Т не более 3.

Таблица 6

**Группировка книг «Илиады»
по употреблению названий города**

Нумерация книг	γ Относительная частотность	Фильтр	Содержание
XVI	0,4		Патроклия
XXIV	0,8		Выкуп
I	1	?	Гнев Ахилла
III	1		
X	1	?	Долония
XI	1		
XIX	1	?	Отречение (Ахилла) от гнева
XX	1	?	
IX	1,25		Посольство
XIII	1,4		
XXII	1,5		
II	2		
XIV	2	?	
XXIII	2	?	
XVIII	2,5		
VII	3		
VI	3,7		
IV	4		
XXI	5		
V	6		Ариestia Диомеда
VIII	6		Прерванная битва (Гектор против Диомеда)
XV	6		Оттеснение (Гектора) от кораблей
XVII	7		
XII	∞	?	

Примечание. Жирной линией обведены блоки книг с одинаковой частотностью.

Таблица 7

Эпитеты при этнонимах в «Илиаде» и «Одиссее»

Эпитет	Перевод	Класс	Ахейцы		Данаи		Аргивяне		Троянцы	
			И	О	И	О	И	О	И	О
εὐκνήμιδες	добропоножные, пышнопоножные	О	31	7						
κάρη κομόωντες	длинноволосые	О	24	3						
χαλκοχίτωνες	меднохитонные	PO	23	2			2		2	
ἐλκώπες	дугоокие? черноокие?	О	6							
δῖοι	божественные, великолепные	О	5	2						
ἀρρήφιλοι	любимцы Ареса	О	4							
μένεα πνείοντες	пышущие гневом	О	3							
ὑπερκύδαντες	преславные, многославные	О	2							
ἀνάλκιδες	бессильные, трусливые	к	1							
χαλκοκνήμιδες	меднопоножные	к	1							
ἥρωες	герои	О ах., д.	8	1	4					
ταχύπωλοι	быстроконные	О			10					
θεράποντες Ἄρηος	служит Ареса	О			5					
αἰχμηταί	копейщики	PO			3	2	1		1	
ὀλλύμενοι	гибнущие	К			2					
ἰφθίμοι	мощные	О лик.			1					
ἰόμωροι	славные стрелами	О					2			
ἵπποδαμοι	укротители коней	О							24	
μεγάθυμοι	пылкие, гордые	О	2	1					11	
ὑπέρθυμοι	самонадеянные, высокомерные	О							7	

ἀγέρωχοι	заносчивые, надменные	О				5		
ὑπερφίαλοι	высокомерные	О				4		
φιλοπτόλεμοι	бранолюбивые	О тр.	1	1	1	3		
ἀσπισταί	щитоносцы	О		1		3		
θωρεκταί	ополчившиеся, в доспехах	О тр.			1	3		
ἀγαυοί	знаменитые, пресветлые	О ?				3		
μεγαλήτορες	гордые, отважные	Р				2		
εὐεγέεες (εὐεφένεες)	благородные (богатые)	К				1		
ὑπερηνόεοντες	самовластные	К				1		
ὑβρισταί	наглые, дерзкие	К				1		
ἀγήνορες	задиристые, буйные, рьяные	к				1		
κέντορες ἵππων	бодатели коней	к				1		
Количество эпитетов			13	6	8(7) 1	5	17	
Число их употреблений			111	16	27	2	7	73
Число совпадающих эпитетов	Ахейцы		3		1		2	3
	Данаи		2		4		2	3
	Аргивяне		1		1		4	2
	Троянцы		3		3		4	6
В том числе не характерных для данного этнонима (возможно, перенесенных)	Ахейцы		2					1
	Данаи				2			2
	Аргивяне		1		1		4	2
	Троянцы		1		1			2

Примечание. Обозначения в заголовке: И — «Илиада»; О — «Одиссея». Сокращенные обозначения класса эпитетов: О — отличительный, Р — родовой, К — конкретизирующий, ах., д., тр., лик. — обозначения народов (ахейцы, данаи, троянцы, ликийцы).

Таблица 8

Формульность этнонимов греков в «Илиаде»

Этноним	Общее число упоминаний	Из них повторяется*			
		в формулах	в том числе с эпитетами	в том числе с повторяющимися эпитетами	в том числе с отличительными эпитетами
Ахейцы	606	492 (81%)	111 (18%)	108 (18%)	83 (14%)
Данаи	146	59 (40%)	23 (16%)	20 (14%)	17 (12%)
Аргивяне	176	68 (39%)	7 (4%)	4 (2%)	2 (1%)

* В скобках указаны проценты от общего числа упоминаний.

Таблица 9

Распределение этнонимов греков в «Илиаде»*

А. Нумера- ция книг	Б. Частоты			В. Доля этнонима в про- центах			Г. Индексы**	
	Ах	Ар	Дан	Ах	Ар	Дан	α	β
I	41	4	9	75,9	7,4	16,7	3,2	0,44
II	53	11	6	75,7	15,7	8,6	3,1	1,8
III	28	5	1	82,25	14,7	2,95	4,7	5,0
IV	28	6	3	75,7	16,2	8,1	3,1	2,0
V	19	10	10	48,7	25,65	25,65	0,95	1,0
VI	16	3	2	76,2	14,3	9,5	3,2	1,5
VII	34	5	5	77,3	11,35	11,35	3,4	1,0
VIII	19	9	11	48,7	23,1	28,2	0,95	0,8
IX	31	11	7	63,3	22,4	14,3	1,7	1,6
X	22	11	2	62,9	31,4	5,7	1,7	5,5
XI	30	8	13	58,8	15,7	25,5	1,4	0,6
XII	28	11	10	57,15	22,45	20,4	1,3	1,1
XIII	37	10	7	68,5	18,5	13,0	2,2	1,4
XIV	17	9	7	51,5	27,3	21,2	1,06	1,3
XV	34	12	15	55,7	19,7	24,6	1,3	0,8
XVI	24	6	12	57,1	14,3	28,6	1,3	0,5
XVII	26	9	17	50,0	17,3	32,7	1,0	0,5
XVIII	17	1	—	94,4	5,6	—	17,0	—
XIX	22	8	2	68,75	25,0	6,25	2,2	4,0
XX	9	—	1	90,0	—	10,0	9,0	—
XXI	7	1	1	77,8	11,1	ИД	3,5	1,0
XXII	14	2	—	87,5	12,5	—	7,0	—
XXIII	28	20	2	56,0	40,0	4,0	1,3	10,0
XXIV	22	4	3	75,9	13,8	10,3	3,1	1,3
Σ	606	176	146					

* Ах — ахейцы; Ар — аргиевцы; Дан — данаи.

** Индекс ахейского участия $\alpha = \text{Ах} : (\text{Ар} + \text{Дан})$, индекс аргиевского участия $\beta = \text{Ар} : \text{Дан}$.

Таблица 10

**Разбивка песен «Илиады» на группы
по предпочтению этнонимов греков
(список песен упорядочен по изменению индекса α)**

Нумерация книг	Доля этнонима			Индексы		Группы песен
	Ах	Ар	Дан	α	β	
XVIII	94,4	5,6	—	17,0	—	АА
XX	90,0	—	10,0	9,0	—	
XXII	87,5	12,5	—	7,0	—	
III	82,25	14,7	2,95	4,7	5,0	Аа
XXI	77,8	11,1	11,1	3,5	1,0	
VII	77,3	11,35	11,35	3,4	1,0	
VI	76,2	14,3	9,5	3,2	1,5	
I	75,9	7,4	16,7	3,2	0,44	
XXIV	75,9	13,8	10,3	3,1	1,3	
II	75,7	15,7	8,6	3,1	1,8	
IV	75,7	16,2	8,1	3,1	2,0	
XIX	68,75	25,0	6,25	2,2	4,0	Н
XIII	68,5	18,5	13,0	2,2	1,4	
IX	63,3	22,4	14,3	1,7	1,6	
X	62,9	31,4	5,7	1,7	5,5	
XI	58,8	15,7	25,5	1,4	0,6	Д
XVI	57,1	14,3	28,6	1,3	0,5	Д
XII	57,15	22,45	20,4	1,3	1,1	О
XXIII	56,0	40,0	4,0	1,3	10,0	О
XV	55,7	19,7	24,6	1,3	0,8	Д У
XIV	51,5	27,3	21,2	1,06	1,3	О
XVII	50,0	17,3	32,7	1,0	0,5	Д
V	48,7	25,65	25,65	0,95	1,0	Д
VIII	48,7	23,1	28,2	0,95	0,8	Д

Таблица 11

Разделение «уравнительной» группы (по индексу β)

Нумерация книг	Доля этнонима			Индексы		Группы песен	
	Ах	Ар	Дан	α	β		
XXIII	56,0	40,0	4,0	1,3	10,0	О	У
XIV	51,5	27,3	21,2	1,06	1,3		
XII	57,15	22,45	20,4	1,3	1,1		
V	48,7	25,65	25,65	0,95	1,0	Д	
XV	55,7	19,7	24,6	1,3	0,8		
VIII	48,7	23,1	28,2	0,95	0,8		
XI	58,8	15,7	25,5	1,4	0,6		
XVI	57,1	14,3	28,6	1,3	0,5		
XVII	50,0	17,3	32,7	1,0	0,5		

Таблица 12

**Корреляция топонимов и этнонимов в «Илиаде»
(списки книг упорядочены по относительной
употребительности синонимов)**

Топонимы		
фильтр	индекс γ	нумерация песен
	0,4	XVI
	0,8	XVI
?	1,0	I
	1,0	III
?	1,0	XX
	1,0	XI
?	1,0	XIX
?	1,0	
?	1,0	XII
	1,25	IX
	1,4	XIII
	1,5	XXII
?	2,0	II
7	2,0	XIV
	2,0	XXIII
	2,5	XVIII
	3,0	VII
	3,7	VI
	4,0	IV
	5,0	XXI
	6,0	V
	6,0	VIII
	6,0	XV
?	7,0	XVII

Этнонимы		
нумерация песен	индекс α	группы песен
XVIII	17,0	А
XX	9,0	
XXII	7,0	
III	4,8	
XXI	3,5	
VII	3,3	
I	3,2	
VI	3,2	
XXIV	3,1	
II	3,1	
IV	3,1	
XIII	2,2	Н
XIX	2,2	
IX	1,7	
X	1,6	
XI	1,4	Д
XVI	1,3	Д
XII	1,3	О
XXIII	1,3	О
XV	1,2	Д
XIV	1,1	О
XVII	1,0	Д
V	0,95	Д
VIII	0,95	Д

Из «ахейских» книг

Из «данайских» книг

Таблица 13

**Распределение синонимичных предлогов
πρός, πρoτί, ποτί по песням «Илиады»**

Нумерация книг	Количество			Доля (в %)			Индексы	
	πρός	πρoτί	ποτί	πρός	πρoτί	ποτί	π	Р
I	9	—	2	81,8	—	18,2	4,5	4,5
II	3	1	—	75,0	25,0	—	3 ∞	4 ∞
III	1	3	—	25,0	75,0	—	1 ∞	4 ∞
IV	2	-	1	66,7	—	33,3	2	2
V	8	—	1	88,9	—	11,1	8	8
VI	11	1	1	84,6	7,7	7,7	11	12
VII	2	5	2	22,2	55,6	22,2	1	3,5
VIII	7	2	—	77,8	22,2	—	7 ∞	9 ∞
IX	2	—	—	100,0	—	—	2 ∞	2 ∞
X	3	2	1	50,0	33,3	16,7	3	5
XI	6	4	1	54,5	36,3	9,1	6	10
XII	4	4	2	40,0	20,0	20,0	2	4
XIII	4	3	—	57,1	42,9	—	4 ∞	7 ∞
XIV	5	3	2	50,0	30,0	20,0	2,5	4
XV	4	1	1	66,7	16,7	16,7	4	5
XVI	5	5	1	45,45	45,45	9,1	5	10
XVII	4	7	1	33,3	58,4	8,3	4	11
XVIII	3	1	1	60,0	20,0	20,0	3	4
XIX	2	1	1	50,0	25,0	25,0	2	3
XX	2	1	1	50,0	25,0	25,0	2	3
XXI	8	4	2	57,2	28,6	14,2	4	6
XXII	5	3	2	50,0	30,0	20,0	2,5	4
XXIII	4	1	2	57,1	14,3	28,6	2	2,5
XXIV	5	3	3	45,4	27,3	27,3	1,7	2,7
Σ/ηι	109	55	28	56,8	28,6	14,6	3,9	5,9

Соотношения синонимичных предлогов

	древнеиндийский	иранский авестийский
анalogии в других индоевропейских языках	prati	prati
	в гомеровском эпосе (реликт) и в диалектах Малой Азии	на греческом материке, в линейном В и на Кипре
исходные формы	πρῶτι	πρῶτι
ассимилированные	πρός	ro-si

Корреляция предлогов с этнонимами греков в «Илиаде»

А

Нумерация книг	Группа	Индекс π
VII		1
III		1 ∞
XXIV		1,7
IV		2
XX		2
XIX		2
XXIII		2
XII		2
IX		2 ∞
XXII		2,5
XIV		2,5
XVIII		3
X		3
II		3 ∞
XXI		4
XVII		4
XV		4
XIII		4 ∞
I		4,5
XVI		5
XI		6
VIII		7 ∞
V		8
VI		11

Б

Нумерация книг	Группа	Индекс P
IV		2
IX		2 ∞
XIII		2,5
XXIV		2,7
XIX		3
XX		3
VII		3,5
I		4,5
XXII		4
XVIII		4
XIV		4
XII		4
III		4 ∞
II		4 ∞
X		5
XV		5
XXI		6
XIII		7 ∞
V		8
VIII		9 ∞
XI		10
XVI		10
XVII		11
VI		12

«Ахейская» книга

«Данайская» книга

Распределение синонимичных частиц в «Илиаде»

Нумерация книг	А. Количество		Б. Индекс τ
	$\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho$	$\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho$	
I	16	2	8
II	21	3	7
III	13	2	6,25
IV	9	4	2,25
V	17	8	2,1
VI	10	3	3,33
VII	10	1	10
VIII	9	3	3
IX	15	4	3,75
X	11	4	2,75
XI	29	5	5,8
XII	10	1	10
XIII	15	1	15
XIV	6	1	6
XV	20	3	6,7
XVI	17	4	4,25
XVII	6	5	1,2
XVIII	13	3	4,3
XIX	13	1	13
XX	17	5	3,4
XXI	22	1	22
XXII	7	3	2,3
XXIII	29	11	2,7
XXIV	24	3	8

Таблица 17

Корреляция частиц с этнонимами греков в «Илиаде»

Нумерация книг	Группа	Количество частиц		Индекс τ
		αὐτάρ	ἄτάρ	
XIX		22	1	22
XIII		15	1	15
XIX		13	1	13
XII		10	1	10
VII		10	1	10
XXIV		24	3	8
I		16	2	8
II		21	3	7
XV		20	3	6,7
III		13	2	6,5
XIV		6	1	6
XI		29	5	5,8
XVIII		13	3	4,3
XVI		17	4	4,25
IX		15	4	3,75
XX		17	5	3,4
VI		10	3	3,3
VIII		9	3	3
X		11	4	2,75
XXIII		29	11	2,7
XXII		7	3	2,3
IV		9	4	2,25
V		17	8	2,25
XVII		6	5	1,2

 «Умеренно-ахейская» книга

 «Сугубо-ахейская» книга

 «Данайская» книга

Таблица 18

Распределение синонимичных частиц в «Одиссее»

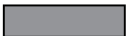
Нумерация книг	Количество частиц		Индекс τ	Группировка	
	$\alpha\iota\tau\acute{\alpha}\rho$	$\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho$		$\tau > 8,6$	Содержание
I	11	2	5,5		Телемахия
II	6	2	3		
III	14	5	2,9		
IV	26	3	8,6		
V	16	4	4		Кораблекрушение
VI	9	1	9		Одиссей у феаков
VII	14	—	14 ∞		
VIII	22	2	11		
IX	31	3	10,3		
X	33	—	33 ∞		
XI	24	1	24		
XII	21	1	21		
XIII	10	3	3,3		Одиссей у Эвмея
XIV	23	2	11,5		
XV	20	3	6,8		
XVI	13	1	13		
XVII	17	4	4,3		В доме Одиссея
XVIII	14	2	7		
XIX	17	3	5,7		
XX	8	3	2,7		
XXI	8	4	2		
XXII	16	3	5,3		
XXIII	14	—	14 ∞		Конец «Одиссея»
XXIV	22	—	22 ∞		

Распределение имен богини Афины по книгам «Илиады»

Нумерация книг	Количество		Индекс θ
	Ἀθήνη	Ἀθηναίη	
I	3	2	1,5
II	5	2	2,5
III	1	—	1 ∞
IV	6	6	1
V	22	5	4,4
VI	4	10	0,4
VII	4	2	2
VIII	3	8	0,4
IX	—	2	∞ (2)
X	11	3	3,7
XI	4	3	1,3
XII	—	—	—
XIII	—	2	∞ (2)
XIV	1	—	1 ∞
XV	3	3	1
XVI	—	1	- (1)
XVII	4	—	4 ∞
XVIII	5	—	5 ∞
XIX	1	1	1
XX	10	—	10 ∞
XXI	4	3	1,3
XXII	9	1	9
XXIII	4	2	2
XXIV	1	—	1 ∞
Σ/m	105	56	1,9

Корреляция имен Афины с этнонимами греков в «Илиаде»

Нумерация книг	Количество		Индекс θ	Группировка книг по этнонимам		Индекс τ
	Ἀθήνη	Ἀθηναίη				
XX	10	—	10 ∞		AA	3,4
XXII	9	1	9			2,3
XVIII	5	—	5 ∞			4,3
V	22	5	4,4		H	2,1
XVII	4	—	4 ∞			1,2
X	11	3	3,7			2,75
II	5	2	2,5			7
VII	4	2	2			10
XXIII	4	2	2		Aa	2,7
I	3	2	1,5			8
XXI	4	3	1,3			22
XI	4	3	1,3			5,8
XXIV	1	—	1 ∞			8
XIV	1	—	1 ∞			6
III	1	—	1 ∞			6,25
IV	6	6	1			2,25
XV	3	3	1			6,7
XIX	1	1	1			13
VI	4	10	0,4		O+H	3,3
VIII	3	8	0,4			3
XII	—	—	—			10
XVI	—	1	∞ (1)			4,25
IX	—	2	∞ (2)			3,75
XIII	—	2	∞ (2)			15

«Сугубо-ахейская» книга

«Умеренно-ахейская» книга

«Аргивская» книга

Распределение имен богини Афины по книгам «Одиссеи»

Нумерация книг	Количество		Индекс θ
	Ἀθήνη	Ἀθηναίη	
I	13	—	13 ∞
II	10	1	10
III	16	4	4
IV	4	3	1,3
V	3	3	1
VI	9	2	4,5
VII	9	1	9
VIII	5	—	5 ∞
IX	1	—	1 ∞
X	—	—	—
XI	2	—	2 ∞
XII	—	—	—
XIII	10	4	2,5
XIV	2	—	2 ∞
XV	4	—	4 ∞
XVI	8	2	4
XVII	2	1	2
XVIII	5	1	5
XIX	4	1	4
XX	4	1	4
XXI	2	—	2 ∞
XXII	4	2	2
XXIII	5	—	5 ∞
XXIV	6	6	1
Σ/m	128	32	3,7

**Корреляция имен Афины с противопоставительными
частицами в «Одиссее»**

Нумерация книг	Количество		Индекс θ	Группировка по содержанию
	Αθήνη	Αθηναίη		
I	13	—	13 ∞	Телемахия
II	10	1	10	
VII	9	1	9	
VIII	5	—	5 ∞	
XXIII	5	—	5 ∞	
XVIII	5	1	5	
VI	9	2	4,5	
XV	4	—	4 ∞	
III	16	4	4	
XVI	8	2	4	
XIX	4	1	4	
XX	4	1	4	
XIII	10	4	2,5	
XI	2	—	2 ∞	
XIV	2	—	2 ∞	
XXII	4	2	2	
XVII	2	1	2	
IV	4	3	1,3	
IX	1	—	1 ∞	Феакия
XXIV	6	6	1	Восстание
V	3	3	1	
X	—	—	—	
XII	—	—	—	

Таблица 23

Распределение в «Илиаде» выдержек из мифа о Геракле

Группа книг	Нумерация книг	Выдержки из мифа о Геракле	Сомнительные выдержки из мифа о Геракле	Выдержки из сказания о Тлеполеме	Σ
Ахейская	XVIII	1		T	3 + 2? + T
	XX	1			
	XXII				
	XXIV				
	XXI		1?		
	I				
	II	1			
	III		1?		
	IV				
	VII				
	VI				
Данайская	V	4		T	11 + 1? + T
	VIII	8			
	XI	2	1?		
	XV	3			
	XVII				
Аргивская	XIV	2			4
	XII				
	XXIII				
	XVI				
	XIX	2			
	IX				
	X				
	XIII				
Σ		23	3	2	28

Таблица 24

Распределение мономахий и аристий в «Илиаде»

Группа	Книга	Мономахии	Аристии
Ахейская	XVIII	Ахилл — Эней Ахилл — Гектор Ахилл — Ксанф Парис — Менелай Гектор — Аякс	
	XX		
	XXII		
	XXIV		
	XXI		
	I		
	II		
	III		
	IV		
	VII		
Данайская	VI	Сарпедон — Тлеподем	Диомед Гектор Агамемнон Аякс Менелай
	V		
	VIII		
	XI		
	XV		
	XVII		
Аргивская	XIV	Патрокл — Сарпедон Патрокл — Гектор	Патрокл
	XII		
	XXIII		
	XVI		
	XIX		
	IX		
	X		
	XIII		

Таблица 25

Распределение слова $\phi\acute{\alpha}\lambda\alpha\gamma\acute{\iota}$ («фаланга») в «Илиаде»

Группа книг	Нумерация книг	Число упоминаний	Σ
Ахейская	XVIII		8
	XX		
	XXII		
	XXIV		
	XXI		
	I		
	II	1	
	III	1	
	IV	4	
	VII	2	
Данайская	VI	2	16
	V	3	
	VIII	1	
	XI	6	
	XV	3	
	XVII	1	
Аргивская	XIV		10
	XII	1	
	XXIII		
	XVI	2	
	XIX	2	
	IX		
	X		
	XIII	5	
Σ		34	34

Сопряженность содержания песен «Илиады»

Нумерация песен	Количество стихов	Частоты					Содержание
		этнонимы			топонимы		
		Ах	Арг	Дан	Ил	Тр	
XVIII	617	17	1	—	5	2	Ахилл
XX	503	9	—	1	1	1	
XXII	515	14	2	—	3	2	
XXI	611	7	1	1	10	2	
XXIV	804	22	4	3	7	9	
I	611	41	4	9	1	1	
III	461	28	5	1	2	2	Обзор со стены Поединок Парис — Менелай Поединок Гектор — Аякс
VII	482	34	5	5	6	2	
II	877	53	11	6	8	4	Испытание войск Каталог кораблей Смотр войск Нарушение клятв Свидание Шествие троянок
IV	544	28	6	3	4	1	
VI	529	16	3	2	11	3	
V	909	19	10	10	6	1	
VIII	565	19	9	11	6	1	Диомед против Гектора вкл. Несториду
XI	848	30	8	13	2	2	
XV	746	34	12	15	6	1	
XVII	761	26	9	17	7	1	
XVI	867	24	6	12	2	5	Патроклия
XXIII	897	28	20	2	2	1	Похороны Патрокла
XII	471	28	И	10	1	—	Стена
XIV	522	17	9	7	2	1	Посейдон
XIII	837	37	10	7	7	5	Посейдон, Идомений
IX	713	21	11	7	5	4	Дары: Посольство
XIX	424	22	8	2	1	1	Дары: Примирение
X	579	22	11	2	1	1	Долония

* Ах — ахейцы; Арг — аргивяне; Дан — данаи; Ил — Илион; Тр — Троя.

Таблица 26

с распределением этнонимов и топонимов*

Группа	Густота			Доля			Отношение		
	Ах	Арг	Дан	Ах	Арг	Дан	α	β	γ
Ахилло-ахейская	27,5	1,6	—	94,4	5,6	—	17,0	—	2,5
	17,9	—	2,0	90,0	—	10,0	9,0	—	1,0
	27,2	3,9	—	87,5	12,5	—	7,0	—	1,5
	11,4	1,6	1,6	77,8	11,1	11,1	3,5	1,0	5,0
	27,4	5,0	3,7	75,9	13,8	10,3	3,1 „	1,3	0,8
	67,1	6,5	14,7	75,9	7,4	16,7	3,2	0,44	1,0
Сборно-ахейская	60,7	10,8	2,2	82,35	14,7	2,95	4,7	5,0	1,0
	70,5	10,4	10,4	77,3	11,35	11,35	3,4	1,0	3,0
	60,4	12,5	6,8	75,7	15,7	8,6	3,1	1,8	2,0
	51,5	11,0	5,5	75,7	16,2	8,1	3,1	2,0	4,0
	30,2	3,7	3,8	76,2	14,3	9,5	3,2	1,5	3,7
Данайская	20,9	11,0	11,0	48,7	25,65	25,65	0,95	1,0	6,0
	33,6	15,9	19,5	48,7	23,1	28,2	0,95	0,8	6,0
	35,4	9,4	15,3	58,8	15,7	25,5	1,4	0,6	1,0
	45,6	16,1	20,1	55,7	19,7	24,6	1,3	0,8	6,0
	34,2	11,8	22,3	50,0	17,3	32,7	1,0	0,5	7,0
Аргивская	27,7	6,9	13,8	57,1	14,3	28,6	1,3	0,5	0,4
	31,2	22,3	2,2	56,0	40,0	4,0	1,3	10,0	2,0
	59,4	23,3	21,2	57,15	22,45	20,4	1,3	1,1	1,0 ∞
	32,6	17,2	13,4	51,5	27,3	21,2	1,06	1,3	2,0
	44,2	11,9	8,4	68,5	18,5	13,0	2,2	1,4	1,4
	43,5	15,4	9,8	63,3	22,4	14,3	1,7	1,6	1,25
	51,9	18,9	4,7	68,75	25,0	6,25	2,2	4,0	1,0
	38,0	19,0	3,45	62,9	31,4	5,7	1,7	5,5	1,0

Распределение эпитетов греческого

№ п/п	Группа и Эпитет и этноним	Ахилло-ахейская						Сборно-ахейская				
		18	20	22	21	24	1	3	7	2	4	6
1	εὐκνήμιδες	1					1 1	6	5	1	2	1
2	χαλκοχίτωνες	1					1 1	3	2	4	1	1
3	κάρη κομόωντες	2						2	7	7	2	
4	ἐλίκωπες					1	1	2				
5	μένεα πνεύοντες					1		1				
6	δῖοι	1	1									
7	ἥρωες											
8	ἀρηίφιλοι											
9	φιλοπτόλεμοι											
10	ἀνάλκιδες											
11	μεγάθυμοι					2						
12	ὑπερκύδαντες										2	
13	χαλκοκνήμιδες							1				
Σ	Ἀχαιοί	5	1	—	—	4	5	14	15	12	7	2
1	ταχύπωλοι	1				2				2		
2	αἰχμηταί											
3	ὀλλύμενοι											
4	θεράποντες Ἄρηος								1	1		1
5	(ἥρωες)									(1)		(1)
6	ἱφθιμοι											
7	ἀσπισταί											
8	φιλοπτόλεμοι		1									
Σ	Δαναοί	1	1	—	—	2	—	—	1	1	2	1
									(2)			(2)
1	ἰόμωροι										1	
2	χαλκοχίτωνες										1	
3	φιλοπτόλεμοι											
4	αἰχμηταί											
5	θωρεκταί				1							
Σ	Ἄργεῖοι	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—
ΣΣ	греки	6	2	—	1	6	5	14	16	13	11	3

Таблица 27

этнoса по пeсням «Илиады»

Данайская					Аргивская								Σ	Перевод
5	8	11	15	17	16	23	12	14	13	9	19	10		
3		1		1		3	1	1	2		1		31	добропожные
	1		1	1		1	1		1				23	пышнопожные
	3								1	1	1	3	26	длинноволосые
				1	1								6	дугокие ?
		1											3	черноокие ?
1	2												5	пышущие гневом
			4				1		1		2		8	божественные,
				2	1								3	великолепные герои
				1									1	любимцы Ареса
													1	бранолюбивые
			1										1	бессильные,
													2	трусливые,
													2	пыльные, гордые
													2	преславные,
													1	многославные
														меднопожные
4	4	4	6	6	2	4	3	1	5	1	4	3	112	
2	1							1	1				10	быстрокожные
	2						1						3	копейщики
	2												2	гибнущие
			1								1		5	слуги Ареса
			(1)								(1)		(4)	герои
			1										1	мощные
												1	1	щитоносцы
													1	бранолюбивые
2	5	—	2	—	—	—	1	1	1	—	1	1	23	
			(3)								(2)		(27)	
								1					2	славные стрелами
							1						2	меднохитонные
											1		1	бранолюбивые
													1	копейщики
													1	щитоносцы
—	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	—	7	
6	10	4	8	6	2	4	5	3	6	1	6	4	142	

Таблица 28

Корреляция предлогов с этнонимами греков в «Илиаде»

	Нумерация книг	Группа	Индекс σ^*
	III		0,3
	VII		0,4
	XVII		0,6
	XII		1
	XVI		1
	XIII		1,3
	X		1,5
	XI		1,5
	XXIV		1,7
	XXII		1,7
	XIV		1,7
	XIX		2
	XX		2
	XXI		2
	IV		2 ∞
	IX		2 ∞
	XVIII		3
	II		3
	VIII		3,5
	XV		4
	XXIII		4
	V		8 ∞
	I		9 ∞
	VI		11

* Предлоги одной линии развития: индекс σ показывает отношение позднего $\pi\rho\acute{o}\zeta$ к раннему $\pi\rho\acute{o}\tau\acute{\iota}$.

**Употребляемость имен греческих героев
в формулах с постоянными эпитетами**

Имя героя	Общее число упо- минаний	Число упо- минаний с постоянным (повторяемым) эпитетом	Показатель формульности (процент упоминаний с постоянным эпитетом от общего числа упоминаний)
Аякс Теламоний	148	46	31,1
Аякс Теламоний*	148	67	45,3
Аякс Оилеев	20	11	55
«оба Аякса»	36	11	30,6
Тевкр	29	4	14,2

* С включением патронима «Теламоний» в число эпитетов.

Таблица 30

Распределение детерминант Ахилла и Одиссея по «Илиаде»

Группа	Книга	Ахилл		$\lambda\lambda/\lambda$	Не- лиад	Не- леид	Нелей- он	Одиссей		$\sigma\sigma$
		$\lambda\lambda$	λ					$\sigma\sigma$	σ	
Ахилло- ахейская	XVIII	12	8	1,5		2	4			
	XX	18	17	1,06		9	9			
	XXII	21	9	2,3		4	5			
	XXI	23	20	1,15		8	3			
	XXIV	33	21	1,6	3	1	3			
	I	15	6	2,5	2	5	2	4	1	4
Сборно- ахейская	III							5	4	1,25
	VII	1	1	1				1		1
	II	2	7	0,3			2	7	4	1,75
	IV		1					4	2	2
	VI	2	1	2					1	
Данайская	V	1		1						4 ∞
	VIII	2		2						3
	XI	11	7	1,6						0,7
	XV	2	2	1		3				
	XVII	3	9	0,33		6	3			
Ахилло- аргивская	XVI	16	5	3,2	3	1	2		1	
	XXIII	30	6	5		12	3	8	6	1,3
	IX	14	7	2	1		2	9	2	4,5
	XIX	22	4	5,5		1	1	5	1	5
Сборно- аргивская	XII	1		1 ∞						
	XIV	3		3 ∞				1	3	0,3
	XIII	1	1	1			1			
	X	1	1	1			2	12	15	0,8
Σ		234	133		9	52	42	71	52	

**Формульность разных вариантов имен Ахилла
и Одиссея в «Илиаде» и «Одиссее»**

Форма имени	Поэма	Герой	В стихе		
			с эпитетом	без эпитета	разница
С гемини- рованной согласной	Илиада	Ахилл	125	109	16
		Одиссей	53	18	35
	Одиссея	Одиссей	220	150	70
С негемини- рованной согласной	Илиада	Ахилл	23	110	-87
		Одиссей	22	30	-8
	Одиссея	Одиссей	61	161	-100

Литература

- Акимова Л. И. 2000. Рец. на книгу Л. С. Клейна «Анатомия Илиады». — Вестник РГНФ, 4: 264–270.
- Андреев Ю. В. 1980. Политическая география гомеровской Греции (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде»). — Древний Восток и античный мир. Москва, изд. МГУ: 128–151.
- Астрюк Ж. 1964. Происхождение Библии. Пер. с франц. М.: Наука.
- Венедиков И. 1976. Траките и Илиадата. — Тракия (Пловдив), 3.
- Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. 1996. Гомер и история Восточного Средиземноморья. Москва, РАН — Восточная литература.
- Гордезиани Р. В. 1978. Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, изд. Тбилисского университета.
- Казанский Н. Н. 1983. Диалекты древнегреческого языка. Ленинград, изд. Ленинградского университета.
- Клейн Л. С. 1986. Илион и Троя. — Народы Азии и Африки, 4: 86–116.
- Клейн Л. С. 1990а. Данайская «Илиада». — Вестник Древней Истории, 1: 222–253.
- Клейн Л. С. 1990б. Ахейские песни «Илиады». — Фольклор и этнография. Ленинград, Наука: 212–231.
- Клейн Л. С. 1992. Древнейшие песни Илиады. — Вестник Древней Истории, 1: 15–31.
- Клейн Л. С. 1994. Бесплотные герои. Происхождение образов «Илиады». С.-Петербург, Фарн — Художественная литература.

- Клейн Л. С. 1998. Анатомия «Илиады». С.-Петербург, изд. Санкт-Петербургского университета.
- Клейн Л. С. 2004. Анатомия «Илиады»: начало дискуссии. — Вестник древней истории, 3: 207–214.
- Кравчук А. 1990. Троянская война. Миф и история. Перев. с польск. Москва, Наука.
- Хоммель Х. 1981. Ахилл-бог. — Вестник Древней Истории, 1: 53–76.
- Цымбурский В. Л. 1984. Строение «Каталогов» из II песни «Илиады» в ретроспективе этногенетической эволюции позднемикенской и постмикенской Греции. — Доклад на авторско-читательской конференции Вестника Древней Истории. Москва.
- Цымбурский В. Л. 1987. «Миры» терминов «Троя» и «Илион» в гомеровском эпосе. — Комплексные методы в исторических исследованиях. Москва, Институт истории: 168–170.
- Цымбурский В. Л., Файер В. В. 2002. Рец. на книгу Л. С. Клейна «Анатомия Илиады». — Вестник древней истории, 1 (240): 179–189.
- Allen Th. V. 1921. The Homeric Catalogue of the ships. Oxford, Clarendon Press.
- Andreae B. und Flashar H. 1977. Strukturequivalenzen zwischen den homerischen Epen und der frühen Vasenkunst. — Poetica 9: 217–265.
- Antonaccio C. M. 1994. Contesting the past: hero cult, tomb cult and epic in Early Greece. — American Journal of Archaeology, 98 (3): 389–410.
- Benardete S. 1963. Achilles and the Iliad. — Hermes 91 (1): 1–17.
- Bethe E. 1901. Homer und die Heldensage. — Neue Jahrbücher für die klassische Altertümer VII: 637–676.
- Bethe E. 1927. Homer: Dichtung und Sage. Bd. III. Leipzig — Berlin, Teubner.
- Boardman J. 1973. The Greeks overseas. Harmondsworth.

- Burr V. 1944. ΝΕΩΝ ΚΑΤΑΛΟΓΟΣ. Untersuchungen zum homerischen Schiffs-Katalog (Klio, Beiheft 49 = N. F. 36). Leipzig, Dietrich.
- Calligas P. G. 1988. Hero-cult in Early Iron Age Greece. — Hägg R., Marinatos N. and Nordqvist G. C. (eds.). Early Greek cult practice. Stockholm, Swedish Int. at Athens: 229–234.
- Cauer P. 1916. Besprechung: Drerups Aufsatz. — Berliner Philologische Wochenschrift, 26.
- Cauer P. 1921. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl., 1. Hälfte. Leipzig, Hirzel (1. Aufl. 1895).
- Cauer P. 1921–1923. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl. Leipzig, S. Hirzel.
- Clader L. L. 1976. Helen. The evolution from divine to heroine in Greek epic tradition. Leiden (Mnemosine, suppl. 42).
- Clarke D. L. 1968. Analytical archaeology. London, Methuen.
- Coldstream J. N. 1976. Hero-cult in the Age of Homer. — Journal of Hellenic Studies, 96: 8–17.
- Cook J. M. 1964. Greek settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor. Cambridge, Cambridge University Press.
- Cook J. M. 1973. The Troad. An archaeological and topographical study. Oxford, Clarendon Press.
- Drerup E. 1903. Homer. Anfänge der hellenischen Kultur. München und Mainz, Kirchheim.
- Drerup E. 1913. Das fünfte Buch der Ilias. Grundlagen einer homerischen Poetik. Paderborn, Schöningh.
- Drerup E. 1921. Das Homerproblem in der Gegenwart. Prinzipien und Methoden der Homererklärung (Homerische Poetik. Bd. I). Würzburg, Selbstverlag.
- Dümmler F. 1890. Hektor. — Studniczka F. Kyrene: eine altgriechische Göttin. Leipzig, Brockhaus.
- Eitrem S. 1935. Heroen der Seefahrer. — Symbolae Osloensis, 14: 53–67.

- Fick A. 1896. Das Lied vom Zorne Achills. — Beiträge zur Kunde indogermanischen Sprachen, 21: 1–81.
- Finsler G. 1924. Homer. 3. Aufl. Bd. I. Der Dichter und seine Welt. Hälfte 1. Berlin — Leipzig, Teubner.
- Forrer E. 1924. Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Bogazköi. — Mitteilungen der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 63: 6–8.
- Frazer Jr. R. M. 1969. Some notes on the Athenian entry, Iliad B 546–56. — Hermes 97 (3): 262–266.
- Garstang J. and Gurney O. 1959. The geography of the Hittite Empire. London, The British Institute of Archaeology at Ankara.
- Ghali-Kahil L. B. 1955. Les enlèvements et les retour d'Hélène dans les textes et les documents figurés. Paris, Boccard.
- Giovannini A. 1969. Étude historique sur les origines du Catalogue de vaisseaux. Berne, Francke.
- Gordon C. H. 1967. Homer and the Bible. Ventnor, N. J., Ventnor Publ.
- Götze A. 1924. Kleinasien zur Hethiterzeit. Heidelberg, Heidelberg, C. Winter.
- Hack R. K. 1929. Homer and the cult of heroes. — Transactions of the American Philological Association, 60: 57–74.
- Hadzisteliou Price Th. 1973. Hero-cult and Homer. — Historia, 22: 129–144. .
- Hanfmann G. M. A. 1948. Archaeology in Homeric Asia Minor. — American Journal of Archaeology, LII (1): 135–155.
- Homeyer H. 1977. Die spartanische Helena und der Trojanische Krieg. Wandlungen und Wanderungen eines Sagenkreises vom Altertum bis zur Gegenwart. Wiesbaden, Steiner.
- Hooker J. T. 1988. The cults of Achilles. — Rheinisches Museum, Neue Folge, 131 (1): 1–7.

- Hope Simpson R. and Laesenby J. F. 1972. The Catalogue of the ships in Homer's Iliad. Oxford, Clarendon Press.
- Howald E. 1947. Aineias. — Museum Helveticum, IV: 69–73.
- Howald E. 1951. Sarpedon. — Museum Helveticum, VIII: 111–118.
- Huxley G. R. 1956. Mycenaean decline and the Homeric Catalogue of ships. — Bulletin of the Institute of Classical Studies 3: 19–30.
- Jachmann G. 1958. Der Homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln/Opladen, Westdeutsche Verlag.
- Janko R. 1979. The use of *πρός*, *πоти* and *πρωτί* in Homer. — Glotta, 67: 24–29.
- Kalinka E. 1922. Das trojanische Königshaus. — Archiv für Religionswissenschaft,
- Korfmann M. 1992. Die prähistorische Besiedlung südlich der Burg Troja VI/VII. — Studia Troica 2: 123–146.
- Kretschmer P. 1924. Alaksandus, König von Vilusa. — Glotta, 13: 205–213.
- Kretschmer P. 1930. Zur Frage de griechischen Namen in den chetitischen Texten. — Glotta, 18: 161–170.
- Kretschmer P. 1945. Penelope. — Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Kl., 82: 80–93.
- Kutsch P. 1913. Attische Heilgötter und Heilheroen. Gießen, Töppelmann; Naumburg a. d. S., Lippert.
- Leaf W. T. 1912. Troy. A study in Homeric geography. London, Macmilan & Co.
- Leaf W. T. 1915. Homer and history. London, Macmillan & Co.
- Lorimer H. S. 1950. Homer and the monuments. London, MacMillan.
- Malten L. 1931. Aineias. — Archiv für Religionswissenschaft, XXIX: 33–59.

- Malten L. 1944. Homer und die lykischen Fürste. — *Hermes*, 79: 1–12.
- Meyer Ed. 1877. *Geschichte von Troas*. Leipzig, Engelmann.
- Niese B. 1873. Der homerische Schiffskatalog als historische Quelle betrachtet. Kiel, Schröder.
- Nilsson M. P. 1905. Kataploi (Beiträge zum Schiffskataloge und zu der altionischen nautischen Literatur). — *Rheinisches Museum für Philologie*, Neue Folge 60: 161–189.
- Nilsson M. R. 1923. *Olympen: En Fremstilling af den klassiske Mytologi*. København, Hugo Geber.
- Nilsson M. P. 1932. *The Mycenaean origin of Greek religion*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Nilsson M. P. 1933. *Homer and Mycenae*. London, Methuen.
- Notopoulos J. A. 1957. Homer and Geometric art. — *Athena* 61: 65–71.
- Page D. 1959. *History and the Homeric Iliad*. Berkeley — Los Angeles, University of California Press.
- Petersen E. 1920. *Homers Zorn des Achilleus und der Homeriden Ilias*. Berlin — Leipzig, Walter de Gruyter.
- Philippson P. 1947. Die vorhomerische Gestalt des Odysseus. — *Museum Helveticum*, 4: 8–23.
- Robert C. 1920–1926. *Die griechische Heldensage*. Bd. I–III. Berlin, Weidmann.
- Ruijgh C. J. 1957. *L'élément achéen dans la longue épopée*. Assen, Van Gorcum et al.
- Schwartz E. 1901. Agamemnon von Sparta und Orestes von Tegea in der Telemachie. — *Strassburger Festschrift zur XLVI. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner*. Strassburg, Trübner: 23–28.
- Scott J. 1914. Hektor as a Theban hero in the light of Hesiod and Pindar. — *Journal of Philology*, 35: 309–317.

- Shewan A. 1915. The waterfowl goddess Penelope and her son Pan. — *Classical Review*: 37–40.
- Skutch O. 1987. Helen, her name and nature. — *Journal of Hellenic Studies*, 107: 188–193.
- Staehtlin F. 1907. Das hypoplakische Theben. Die Sagenverschiebung bei Homer. München, Kutzner.
- Staehtlin F. 1907. Das hypoplakische Theben. Eine Sagenverschiebung bei Homer. München, Kutzner.
- Staehtlin F. 1923. Der geometrische Stil in der Ilias. — *Philologus*, 78 (N.F. 32): 280–301.
- Stubbings F. 1964. The expansion of the Mycenaean civilization. Cambridge, Cambridge University Press (Cambridge Ancient History, rev. ed., fasc. 26₁).
- Stürmer F. 1919. Zahlensymmetrien in der Ilias. — *Berliner Philolog. Wochenschrift*, Jg. 39, Nr. 33/34, Sp. 803–815, Nr. 35, Sp. 832–839.
- Toussaint Vermeule E. 1974. Götterkult. — *Archaeologia Homerica*. Bd. III, Kap. V. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht.
- Vasilescu M. 1980. Les Thraces dans les épopées homériques. — *Actes du IIe congrès international de thracologie*. Bucarest 1976. T. I: 151–164.
- Wace A. J. B. and Thompson M. S. 1912. Prehistoric Thessaly. London, Cambridge University Press.
- Wade-Gery H. T. 1936. Kynaithos. — *Greek poetry and life*, 56. Oxford.
- Wade-Gery H. T. 1952. The poet of the Iliad. Cambridge, Cambridge University Press.
- Walcott P. 1977. The judgment of Paris. — *Greece and Rome*, 34: 31–39.
- Webster T. B. L. 1958. From Mycenae to Homer. London, Methuen.
- Wecklein N. 1923. Epikritisches zur homerischen Frage (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philol./philol. Kl., abh. 6). München.

- West M. L. 1975. Immortal Helen. London, Bedford College.
- Whitley J. 1988. Early states and hero cults: a re-appraisal. — Journal of Hellenic Studies, 108: 173–182.
- Wiesmann P. 1950. Die schöne Helena. Darstellung eines Menschen bei Homer. Chuhr, Wiesmann.
- Wilamowitz-Möllendorff U. von. 1884. Homerische Untersuchungen. Berlin, Weidmann.
- Wilamowitz-Müllendorff U. von. 1912. Die griechische und lateinische Literatur und Sprache. 3. Aufl. Leipzig, Teubner.
- Wyatt W. F. 1978. Homeric *πρός, ποτί, προτί*. — Studi Micenei ed Egeo-Anatolici (Roma): 89–124.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Анатомия «Илиады».....	7
1. Моисей и Гомер	9
2. Два города, три народа	14
3. Предлоги, частицы и богиня Афина	23
4. Данайская «Илиада»	27
5. Древнейшие песни «Илиады»	32
6. Узкая «Ахиллеида»: две ее части	39
7. «Менида»	43
8. Гомерова «Энеида»	46
9. Гуманитарии и статистика	50
Часть II. Герои «Илиады».....	55
1. Персоналии без биографий?	57
2. Парис и Елена	62
3. Современники Гомера	68
4. Родина Гектора	70
5. Опущенные боги	74
6. Первая жизнь героев	79
7. Очередность	85
8. Рождение «Илиады»	89
Часть III. Корабли на берегу	95
1. Споры о «Каталоге кораблей»	97
2. Спутанные карты	102

Содержание

3. Числа кораблей	105
4. Геометрический стиль и симметрия	110
5. Открытие симметрии в «Каталоге»	113
6. Корабли с эпсилоном	116
7. Стратиграфия «Каталога», Гектор и Пенфил	120
8. Родина Ахилла и Агамемнон	126
9. Союз Геры с Посейдоном	129
10. Афиняне в Троеде	131
11. Дюжина и одиннадцать	132
12. Появляется божественный певец	135
Часть IV. Троянский диакосмос	139
1. Параллель «Каталогу кораблей»	141
2. Парад троянской коалиции	145
3. Классификация и география	148
4. Снова операции с дюжиной	151
5. Корабли и колесницы	156
6. Друзья-соперники	160
7. Негатив «Каталога»: местности	169
8. Негатив «Каталога»: вожди	172
 Приложение	 180
Литература	214

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Клейн Лев Самуилович

**«ИЛИАДА»:
ЭПОС И ИСТОРИЯ**

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 15.06.25
Формат 10,0×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Книга, написанная выдающимся российским историком, археологом и филологом Л.С. Клейном, подводит итог его многолетним исследованиям гомеровского эпоса, представленным в работах «Анатомия Илиады», «Бесплотные герои», «Расшифрованная Илиада». Особое место в этих исследованиях занимает и «Каталог кораблей» — знаменитый отрезок второй книги Илиады, который Клейн считает ключом ко всей Илиаде в целом. Оригинальный подход Клейна — а он решил проследить судьбу гомеровских героев не от Гомера к нашему времени, а в противоположном направлении, от Гомера вглубь времен, — позволил ему выяснить, каковы были реальные прообразы героев Илиады в античной истории и мифологии. Скропулезная работа со структурой текста — разворачивание ее во времени, расслоение по эпохам — дала возможность ответить на многие вопросы, поставленные самим Клейном: почему город в поэме носит два имени — Троя и Илион? Почему два имени у зачинщика войны — Александр и Парис? Почему три названия у осаждавших город греков — ахейцы, данаи и аргивяне? Почему царства, упоминаемые в Илиаде, налегают на карте друг на друга в три слоя? Кто был автором Илиады — только Гомер, или авторы были разные, и жили они в разные эпохи? Читателя книги Клейна ждет увлекательное путешествие по миру гомеровского эпоса, сможет он познакомиться и с уникальной методологией автора исследования, наглядно представленной в издании составленными Клейном таблицами.